

КНИГА, СТАВШАЯ ОСНОВОЙ ФИЛЬМА
ВЕРНЕРА ХЕРЦОГА С НИКОЛЬ КИДМАН В ГЛАВНОЙ РОЛИ!

Джорджина Хауэлл Королева пустыни

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6601759

Королева пустыни/ Джорджина Хауэлл; пер. с англ. М. Б. Левина: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-089006-4

Аннотация

Удивительная история об удивительной женщине...

Гертруда Белл. Путешественница, археолог, фотограф, сотрудник британских спецслужб, писательница, исследовательница-арабистка. Ее имя было широко известно на Востоке. Ее называли «полковником Лоуренсом в юбке», некоронованной королевой Востока и истинной дочерью пустыни.

Это история невероятных приключений, смелых идей – и большой страстной любви...

Книга основана на дневниках, книгах, письмах и личных документах Гертруды Белл, многие из которых никогда не публиковались.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	11
Глава 2	26
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	56
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джорджина Хауэлл Королева пустыни

Кристоферу Бэйли, с ним вместе и с его помощью.

Предисловие

Было это летом девяносто седьмого года. Мы, внештатные авторы «Санди таймс», собрались на ужин в одном лондонском ресторане по приглашению редактора Робина Моргана – послушать его мысли насчет материалов грядущей зимы. Филипп Норман, чьи отмеченные премией интервью передавали волшебство и безумие рок-н-ролла, эксперт по делам Ватикана Джон Корнуэлл из колледжа Иисуса в Кембридже, Брайан Эппльярд, умеющий прозрачно и увлекательно излагать передовые научные вопросы, и другие собрались вокруг запеченной в тесте утки, и нам всем было предложено написать ударный материал в серию под названием «Мой герой». Домой я вернулась в радостном возбуждении. Я точно знала, кто станет моей героиней, и считала, что давно уже пора напомнить о ее славной жизни. Очерк, опубликованный в октябре, принес мне столько писем, сколько их не было за тридцать шесть лет работы в журналистике.

Знаменитая когда-то более Лоуренса Аравийского, Гертруда Белл соревновалась с мужчинами в мужском мире и на мужских условиях, избегая любой публичности. Ей было бы наплевать, что в начале популярного фильма девяносто седьмого года «Английский пациент» ее имя поминают всуе британские солдаты над картой, разложенной на складном столе в камуфляжной палатке.

– Но как мы пройдем через эти горы?

– На карте Белла есть дорога. – И потом: – Будем надеяться, что он не ошибся.

Он!

Начиная писать о Гертруде Белл, я относилась к ней как к одной из героинь «Диких берегов», мотающих по миру под влиянием романтических идей. Мне нравилось, как она стильно одевалась и стильно жила – пристегнутый к икре пистолет под шелковой нижней юбкой, платья из кружев и плиссированного муслина, стол в пустыне накрыт крахмальной скатертью и серебром, патроны завернуты в белые чулки и засунуты в носки парусиновых сапог. Она не была феминисткой, ей не нужно было особое отношение. Подобно миссис Тэтчер, которой можно восхищаться или возмущаться, она принимала мир именно таким, каким его видела. Только было это в восьмидесятых годах девятнадцатого века, когда женщинам не полагалось ни образования, ни возможности проявить себя за пределами дома.

Беллы были очень богаты, но не деньги сделали Гертруду первой в Оксфорде, не они помогли ей выжить в стычках с кровожадными племенами пустынь и стать разведчицей и майором британской армии, и не они сделали ее поэтом, ученым, историком, альпинистом, картографом, археологом, агрономом, лингвистом и выдающимся слугой государства. В каждой из этих областей деятельности она достигла вершин, в некоторых даже являлась первопроходцем. Она была многогранна и в этом аспекте сравнима с Елизаветой Первой и Екатериной Второй. Т. Э. Лоуренс писал, что Гертруда «родилась слишком одаренной». Но родилась она в семье суровой и строгой и очень гордилась практическими достижениями своих родных: их экономической образованностью, умением управлять огромными сталелитейными предприятиями, их публичной и частной благотворительностью. Сама Гертруда, когда требовалось, могла заниматься изнурительной и незаметной рутинной – именно так она вытащила из хаоса отдел раненых и пропавших без вести Красного Креста и наладила в нем

работу. Она могла тянуть административную текучку и заниматься картографией, выполнять сотни прецизионных измерений на археологических раскопках и писать пачки меморандумов в Басре и Багдаде.

Беллы, поднявшись за три поколения от ремесленников до верхушки среднего класса, стали родниться с аристократией, но оставались вне больших социальных сетей английской жизни, этих эксклюзивных клубов, которые жалуют своих членов наследственными привилегиями и властью и определяют их предрассудки, связи и дружбу. Гертруда наслаждалась редкой свободой от этих капканов, что запирают нас в борозды социальной жизни. Она встречалась на равных с сильными мира сего, но помнила, что значит принадлежать к классу работников, и знала, как семьи рабочих стоят на грани между выживанием и пропастью улицы и рабочего дома. Ясное и прямое ее зрение прорезало политическую корректность, чувство собственной важности, статус и славу насквозь. Она гроша ломаного не давала за самоуверенного епископа, надутого государственного чиновника или самодовольного профессора. В пятнадцать лет она решила, что недоказуемого не существует, и без обиняков сообщила об этом своему преподавателю Закона Божия. Гертруда ни с кем не кривила душой: ни со снисходительным преподавателем, ни с играющим ножом дервишем, ни с коррумпированным турецким чиновником или избалованным английским аристократом. У нее были друзья из всех слоев – от иракского садовника до вице-короля Индии, от корреспондента «Таймс» до исчерченного шрамами воина племени, от муджтахиды до слуги из Алеппо. Раз человеку поверив, она становилась его самым любящим, внимательным и преданным другом.

Конечно, Гертруда наживала и врагов. Она ни в грош не ставила скромно одаренных жен британских офицеров. «Черт бы побрал всех праздных баб!» – сказала она однажды. Она готова была атаковать всякого, кто ей угрожал, противостояла негодяям и убийцам и говорила им правду в лицо за обеденным столом. Я подумала в какой-то момент своего исследования, что ее мог потом убить кто-то из них, и есть исследователи ее биографии и творчества, которые верят, что так оно и было, – среди них по крайней мере один недавний член Британского совета. Будто осознавая эту постоянную угрозу, Гертруда всегда спала с пистолетом под подушкой, даже в фамильном доме в Йоркшире – там она предпочитала ночевать в летнем домике в саду, а не в комфорте своей спальни среди любящих родственников. Пыталась ли она так вывести их из-под удара? Хотя, несомненно, существовали люди, желавшие ее смерти, свидетельств убийства я не нашла (если они и есть, обнаружить их трудно). Но я верю, что она, исполняясь любопытства, храбро шла в экспедициях навстречу неизвестности, так же вышла навстречу ей и в тот последний раз.

Она мечтала выйти замуж и завести свою семью, но то и дело вмешивалась трагедия, кладущая конец таким надеждам. Однако многие ее любили, и не в последнюю очередь та большая семья, которой она в конце концов посвятила свою жизнь и работу: народ Аравии.

Народ ее не забыл. Недавно ее имя и ее работа для Ирака были введены в школьную программу. Старт Арабскому восстанию дал Лоуренс, но путь к созданию нации указала этому народу Гертруда. Она улещала и вмешивалась, вела и организовывала и наконец добыла часто обещаемый и едва не отнятый приз – независимость. И этой цели она никогда не изменила до самого конца, в то время как Лоуренс мучился, колебался и наконец бросил арабский вопрос, попытавшись уйти от себя и стать совсем другим человеком – скромным рядовым авиации по фамилии Шоу.

Гертруда Белл держалась своих амбициозных планов для арабов с поразительной последовательностью. Она показала своим умным, но несколько нескладным коллегам по каирскому бюро разведки, как им победить на своем участке Великой войны, и привела развивающуюся британскую администрацию Месопотамии к блестящему будущему, рука об руку с арабами к взаимной выгоде. И она не складывала оружия, когда ее колонии-

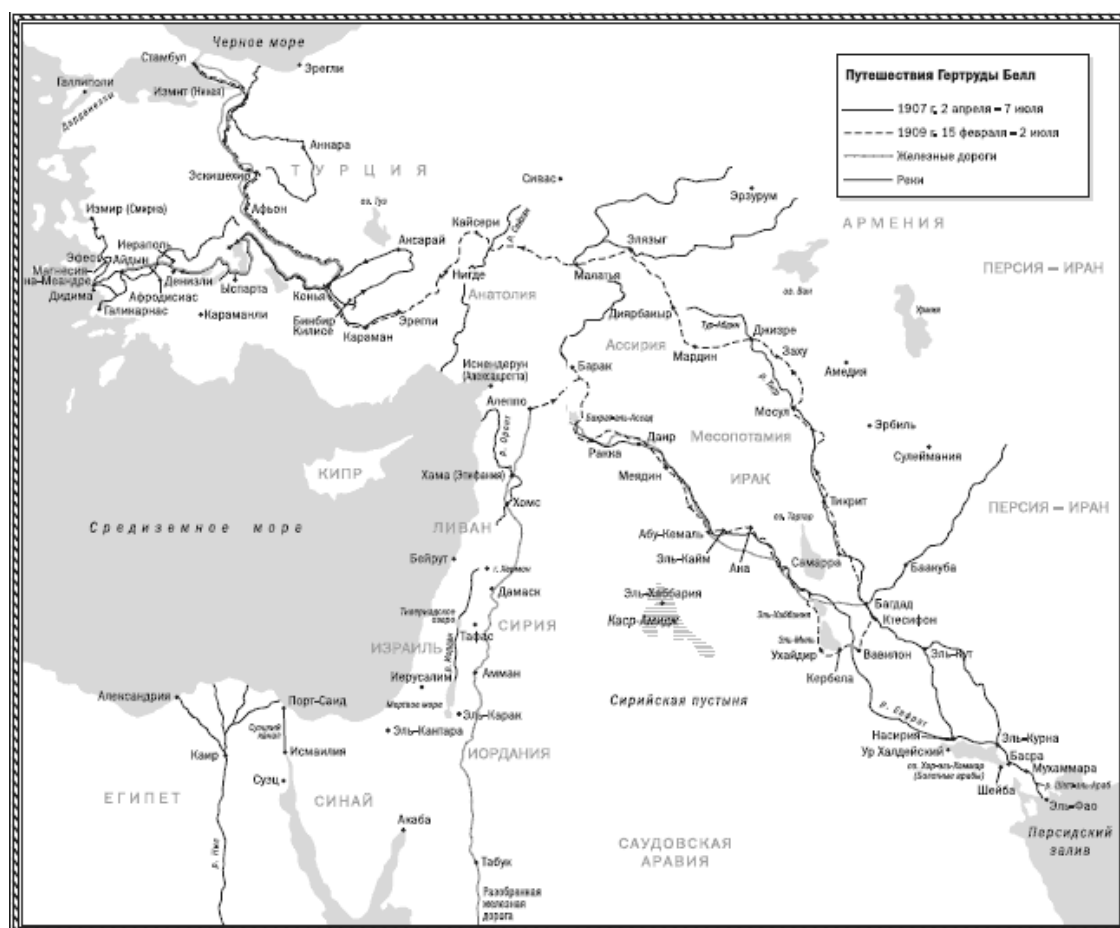
лист-начальник пытался ее осадить, когда Черчилль хотел вовсе вывести британские войска из Ирака, когда политические махинации в Европе поставили все ее достижения на грань катастрофы и когда она, разыгрывая свою последнюю карту, удержала короля Фейсала от того, чтобы загубить к чертям всю проделанную работу во имя арабского превосходства.

Гертруда основала публичную библиотеку и Иракский музей в Багдаде, главное крыло которого было в 1930 году названо в ее честь. Музей все еще хранит оставшиеся сокровища страны, рождение которой восходит к первым цивилизациям. И хотя будущее Ирака отчаянно непредсказуемо, один факт неоспорим: умирая в тысяча девятьсот двадцать шестом году, Гертруда Белл оставила в Ираке стремящееся к общественному благу умелое правительство, работающее без институциональной коррупции и ставящее своей целью равенство и мир. Во времена, когда слова «империя» и «колониализм» стали ругательствами, Британии мало чего приходится стыдиться в обустройстве Ирака, где обещание арабской независимости наконец-то было выполнено. Я согласна с ее давней подругой из Оксфорда, Джанет Хогарт, которая о ней написала: «Гертруда была, мне кажется, величайшей из женщин нашего времени и, может быть, входит в число величайших всех времен».

Пока жил Фейсал, Ирак был страной, где люди могли жить без страха и страданий. Его сын принц Гази – ребенок, которому Гертруда покупала игрушки в магазине «Харродз», – унаследовал корону в тысяча девятьсот тридцать третьем и продолжал править крепкой рукой. Может быть, слишком крепкой: подавляя восстание ассирийцев за независимость, он допустил бойню тридцать третьего года. После смерти Гертруды династия, которую она основала, держалась еще тридцать два года, а Европа рухнула в войну всего через тринадцать лет, потянув за собой весь остальной мир. Чего бы только сейчас не отдали Америка и Британия за перспективу мирного и управляемого Ирака хотя бы на четыре года!

Многочисленные письма, дневники и донесения, не меньше, чем ее восемь книг и основной труд «Обзор гражданской администрации в Месопотамии», сделали Гертруду Белл самой документированной женщиной всех времен. Как писать эту книгу, подсказывал мне ее голос, слышимый с написанных ею страниц, – доверительный, мечтательный, исполненный юмора и прозрачно простой. Хотя Гертруде не хватало повествовательного напряжения, чтобы уложить в контекст рассказа о ней все, что она имела сказать, ее голос нужно услышать и оценить – поэтому я и решила использовать куда больше ее слов, чем появилось бы в обычной биографии. Эти фрагменты передают непосредственное ощущение ее блестящего ума, живо показывая ее остроумие и характер.

В феврале 1905 года, в непогоду, Гертруда Белл встала лагерем в Тнеибе, на востоке Мертвого моря возле Мадебы, и там встретила с бедуинами племени бени-сахр. Она написала у себя в дневнике: «Мы очень подружились — люди бени-сахра и я. “Мацаллах! Бинт-Араб”, — сказали они. “Так повелел Бог: дочь пустыни”».

Мы тем более одно, потому что нас — много,
Потому что в глубинах, нас разделяющих,
хватает места для любви.
Наше разнообразие дышит лучезарной
красотой общей жизни,

Как горные пики в утреннем солнце.

Рабиндранат Тагор

Глава 1

Гертруда и Флоренс

22 марта 1921 года. Последний день Каирской конференции и последняя возможность для британцев определить послевоенное будущее Ближнего Востока. Как все туристы, делегаты совершили традиционное путешествие к Пирамидам и сфотографировались на верблюдах на фоне Сфинкса. На этой фотографии стоят два самых знаменитых англичанина XX века: государственный секретарь по делам колоний Уинстон Черчилль – который только что, к общему веселью, свалился с верблюда, – и Т. Э. Лоуренс в полосатом костюме и фетровой шляпе высокопоставленного гражданского служащего. Между ними, держась свободно, сидит верхом Гертруда Белл, единственный делегат, обладающий знаниями, без которых конференция была бы невозможна. Ее лицо, насколько можно видеть из-под украшенной розами соломенной шляпки, светится радостью. Мечта о независимости арабской нации вот-вот осуществится, ее выбор короля утвержден, и Ирак, каким она себе его мыслила, скоро станет страной. Сегодня перед уходом из отеля «Семирамида» Черчилль послал в Лондон важнейшую телеграмму: «Сын шерифа Фейсал – наша надежда на самое лучшее и самое дешевое решение».

Что за эволюция превратила наследницу кембрийских овцеводов в самую влиятельную фигуру на Ближнем Востоке? Гертруда была англичанкой из англичанок – то есть принадлежала к породе, выращенной на грозových перевалах Йоркшира. Эти северные фермеры проявили свой особый характер еще в одиннадцатом веке, когда отказались, единственные, покориться Вильгельму Завоевателю. Крепкие физически и умственно, они немногословны, их речь груба и пряма.

Прапрадедом Гертруды Белл был карлайльский кузнец, а ее прадед создал первые в Джарроу химзавод и чугунолитейное производство. Ее знаменитый и влиятельный дед сэр Айзек Лотиан Белл, родившийся в тысяча восемьсот шестнадцатом году, был химиком-металлургом и, вероятно, наиболее передовым промышленником страны. Выдавая широкий ассортимент сортов стали, он производил примерно треть потребляемого в Британии металла и во многом обеспечивал строительство мостов и железных дорог в быстро развивающейся империи. Он стал членом Королевского общества – самого выдающегося научного института Британии. Получив сперва инженерное образование, он после учился в Эдинбургском университете, в парижской Сорбонне, потом в Дании и на юге Франции. Автор «Химических феноменов при выплавке железа», он считался «верховным жрецом британской металлургии» и был первым, кто оценил значение фосфорных удобрений как побочного продукта при выплавке стали. Известный как «сэр Айзек» или, более фамильярно, «Лотиан», он в 1854-м был избран лорд-мэром Ньюкасла-на-Тайне, потом стал членом либеральной фракции парламента от Хартпула и верховным шерифом графства Дерхем. Он был современником и другом Чарльза Дарвина, Томаса Гексли, Уильяма Морриса и Джона Раскина – людей, с именами которых связаны выдающиеся успехи в теории эволюции, естественных науках, искусстве, архитектуре и социальном прогрессе. Лотиан был президентом или вице-президентом восьми национальных инженерных и химических институтов, из которых несколько основал сам. Еще он был директором Северо-Восточной железной дороги.

Братья Белл (кроме Лотиана, это еще Джон и Том) владели угольными копями, каменоломнями и железными рудниками, фабриками и литейными заводами, чьи печи, горящие круглые сутки, постоянно озаряли ночное небо. Компания старшего брата и ее филиалы давали работу сорока семи тысячам человек и хвалились, что могут сделать все на свете «от

иголки до корабля». Помимо первого сталелитейного завода в Ньюкасле и второго в Порт-Кларенсе в Миддлсборо, старший брат основал первый в стране завод по производству алюминия – раньше этот металл был дороже золота. На открытие завода его провезли в карете по улицам Ньюкасла в алюминиевой шляпе, которую он бросил в толпу. Лотиан стал первым в Британии металлургом, установившим у себя машину для изготовления стальных тросов.

Лотиан написал несколько научных книг, но наиболее замечательной из них был полный логический анализ конкурентных перспектив Британии на мировом рынке производства стали. Он делал серьезные инвестиции в исследование процесса изготовления стали и решительно собирался двигать Британию в сторону развития новых технологических отраслей промышленности. В надежде, что вся индустрия Британии последует его примеру, он добивался правительственной поддержки научных исследований и технического развития. Но в этом он потерпел неудачу, хотя всю жизнь пытался добиться своей цели. Как Лотиан и предсказывал, другие страны, в особенности Германия с ее оружейными заводами Круппа и металлургическими заводами Тиссена, усилили свои позиции в технологии и производительности труда, перегнав Британию и нарастив богатство и мощь, проявившиеся во время Первой мировой войны.

Незаурядный великан-человек, патриарх, у которого было почти шестьдесят внуков (это число оспаривается), Лотиан и его жена Маргарет Паттинсон создали для Беллов матрицу жизни скорее удобной, чем богатой. Если учесть огромный масштаб его предприятий и положение Билла Гейтса своего времени, его образ жизни нельзя назвать расточительным. Это, возможно, связано с влиянием Маргарет: она происходила из семьи лавочников и ученых. Первый его дом, Вашингтон-Нью-Холл в четырех милях от Ньюкасла-на-Тайне, в двух шагах от дома предков Джорджа Вашингтона – был не совсем особняком, а дом, построенный в зените могущества Лотиана, Раунтон-Грейндж, не отличался особенной величавостью. Лотиан подумывал о готике, но остановился на более скромном стиле «Искусства и ремесла» Уильяма Морриса, с его упором на традиционное мастерство ремесленника как панацею от катастрофы, принесенной промышленной революцией. Этот стиль и дальше оставался характерным для частных домов и общественных зданий Белла. В отличие от многих наследников больших состояний, старший сын Лотиана Хью, отец Гертруды, тоже жил достаточно скромно для капитана индустрии. Его первый собственный дом Ред-Барнс в рыбацкой деревушке Редкар на побережье Йоркшира – недалеко от Кларенса, если ехать поездом, – это вполне отражал. После смерти Лотиана его дом в Лондоне был продан, деньги предположительно разделены между Хью и его братьями и сестрами – Чарльзом, Адой, Мэйзи и Флоренс.

Лотианом скорее восхищались, чем любили, и со своими родственниками он казался внешне суровым диктатором. Гертруда, ее сестры и братья называли его «Патером». Иллюстрированный семейный алфавит, который они нарисовали на Рождество в Раунтоне в 1877 году, когда Гертруде было девять, отражает чувства детей к их суровому деду.

A for us All come to spend Christmas week,
B for our Breathless endeavours to speak
C is the Crushing Contemptuous Pater¹.

Эльза, младшая сводная сестра Гертруды, дописала карандашом: «Сэра Айзека Белла» – чтобы не подумали, будто описание относится к Хью, который был добрее и мягче.

Есть семейная история, показывающая, с каким благоговением относились Беллы к Патеру. Лотиан никому не позволял брать своих лошадей. Когда одна из его внучек за ужи-

¹ А – А вот, собравшись на Рождество, Б – Боимся мы как огня В – Властного сурового Патера.

ном потеряла сознание от травмы, полученной при верховой езде (сломанная ключица), очень важно было это скрыть, потому что она ездила на охоту на одной из лошадей деда. Бабушка Маргарет бывала не менее едкой, чем сам Лотиан. Приглашенный к чаю гость однажды сказал хозяйке: «Лепешки у вас чудесные». – «Вижу, – ответила старая леди. – Вы как пришли, так руку из тарелки не вынимаете».

На некоторые неизвестные ранее истории о Лотиане недавно пролили свет бумаги, найденные в одном из домов Беллов, Маунт-Грейс – разрушенном средневековом аббатстве, где окончили свои дни отец и мачеха Гертруды. Фонд «Английское наследие» реставрировал дом и открыл его для публики, и тогда были найдены бумаги, спрятанные под половицами. Среди них упоминание о трагическом событии в Вашингтон-Нью-Холле, когда «в 1872 году в трубе задохнулся семилетний трубочист». Если мальчик встретил свой конец в дымовой трубе Лотиана в семьдесят втором, то металлург грубо нарушил закон: парламент запретил использовать детей в качестве трубочистов за добрых двадцать шесть лет до того. Сэр Айзек мог ничего не знать о присутствии трубочиста, пока не оказалось слишком поздно, однако то ли потому, что был весьма расстроен, или же хотел избежать травмирующих воспоминаний, он при первой возможности переехал в недавно построенный Раунтон-Грейндж, оставив Вашингтон-Нью-Холл пустым и не проданным. Через девятнадцать лет он отдал его под дом для бездомных и бродяг – при условии, что его переименуют в «Холл леди Маргарет». Сейчас он разделен на хорошие квартиры. Быть может, с этой историей связан тот факт, что через много лет Хью Белл успешно лоббировал парламентский билль о защите детей от опасных работ. (В шестидесятых годах XIX века граф Шафтсбери докладывал, что дети четырех-пяти лет все еще работают на некоторых фабриках с шести утра до десяти вечера.)

В найденных под половицами бумагах содержалась и такая фраза: «Однажды зимним вечером [сэр Айзек] вышел из дому и обнаружил, что его кучер замерз на козлах кареты». Что именно произошло – неизвестно. У незадачливого кучера мог быть сердечный приступ, а потом он умер от переохлаждения, но все же создается впечатление, что забота о людях не была главным качеством Лотиана.

Автором этих бумаг, где содержится множество фактов о работе и жизни Лотиана, может быть мисс К. Е. М. Купер-Эббс, родственница Беллов, которая последней жила в Маунт-Грейс. Возможно, она решила записывать жизнь Лотиана, потому что случайно или намеренно многие семейные бумаги и архивы были сожжены родственниками после его смерти, и это ее разозлило. До сих пор не существует биографии человека, который в свое время был знаменит не меньше, чем Изамбард Кингдом Брюнель.

Более обаятельный по сравнению с Лотианом, отец Гертруды сэр Хью управлял предприятиями Беллов и унаследовал огромное состояние. Как и его отец, он получил образование в Эдинбурге, Сорбонне и Германии, где изучал математику и органическую химию. Работать он начал с восемнадцати лет на заводе «Белл Бразерс Айронворк» в Ньюкасле, стал директором растущего сталелитейного производства, возвышающегося над крышами Порт-Кларенса, и в конце концов распорядился всем семейным делом и его ответвлениями! Сэр Хью добывал бурый железняк на кливлендских холмах, обрабатывал уголь из Дерхема, привозил известняк из станового хребта Англии, жил на реке Тис и был директором Северо-Восточной железной дороги, которая подвозила сырье к сталелитейным заводам. В общественной деятельности он также не знал себе равных, особенно когда женился вторым браком на Флоренс Оллифф. Он строил школы, открывал библиотеки, возводил дома собраний и жилища для рабочих, построил общественный центр для руководителей и работников в Раунтоне и платил за дачи для уважаемых семей, которым нужен был отдых в сельской местности после тяжелой рабочей жизни. Сэр Хью также построил знаменитый мост Транспортер-Бридж, по которому до сих пор быстро и дешево возят рабочих и туристов через реку Тис. В 1906-м он стал лордом-наместником Норз-Райдинга, принимал особ коро-

левской крови и прочих важных персон, когда они решили посетить продуваемый ветрами Йоркшир, и три раза был избран мэром Миддлсборо.

Снабжая империю, Беллы выработали глобальный взгляд на промышленность Британии. Сэр Хью был весьма умелым оратором и убедительно говорил на такие темы, как свободная торговля, которую он страстно отстаивал, и самоуправление для Ирландии, которому он страстно противостоял. В его опубликованных речах слышатся напор и юмор, которыми он покорял аудиторию любого типа и класса. Вот что он говорил:

«Свободная торговля подобна милосердию: она есть двойное благо – благо для дающего не меньше, чем для принимающего, и я лично не сделаю ничего, что бы ее ограничило. Свободный рынок есть величайшая наша защита против тирании богатства. Я с ужасом гляжу на накопление огромных состояний в одних руках... В этой стране миллионы людей зависят от еженедельного жалованья, от работы, которая может закончиться в конце каждой недели. И это о них я волнуюсь, это они – предмет моей заботы, а вовсе не тот класс, к которому я принадлежу».

Сэр Хью приветствовал создание новых профсоюзов и при этом предупреждал, что работы Карла Маркса могут втянуть социалистов в революционное движение, которое разрушит британскую промышленность и рынок труда в том конкурентном мире, который он отстаивал.

Когда родилась Гертруда, королева Виктория царствовала уже тридцать лет. Она разделяла неослабную решимость принца Альберта заменить заслужившие дурную репутацию георгианские лень и разгильдяйство викторианскими предприимчивостью и порядком.

Британия, в особенности Англия, возглавляла мировую гонку за техническое превосходство, что подтвердил этот оживший гимн империи – Всемирная выставка в Хрустальном дворце в 1852 году. Британская армия, способная воевать в любой точке земного шара, представляла, быть может, самую большую военную мощь всех времен, британский флот контролировал океаны и морскую торговлю и поддерживал мир. Если другие империи, Российская и Османская, все еще существовали в состоянии феодального рабства и коррупции на всех уровнях, Британская, вдохновляемая Викторией и Альбертом, по крайней мере стремилась к умеренности, филантропии и честной работе. К середине XIX века империя совершала эволюцию: ее гордостью становилась не коммерческая эксплуатация, а честное и благонамеренное правление. Агрессивные коммерчески, но ответственные социально, Беллы олицетворяли это новое направление и отличались уверенностью правильных людей, оказавшихся в правильном месте в правильное время.

Хью женился на Мэри Шилд, когда ему было двадцать три, – выбрал местную девушку, дочь выдающегося коммерсанта из Ньюкасла-на-Тайне. Свадьба прошла на шотландском острове Бьют на реке Клайд, где у Шилдов был летний дом. Первая дочь, Гертруда, родилась в 1868 году в Вашингтон-Нью-Холле – доме Лотиана. Жизнь семьи вращалась вокруг этого промышленника, сделавшего семью Белл шестой по богатству в Англии. Жить с ним было нелегко, и есть множество свидетельств его взрывного нрава и едкого остроумия. Хотя Хью, его старший сын, имел склонность к политике, Лотиан недвусмысленно и грубо объяснил, что его будущее лежит в Миддлсборо, где находится самая быстрорастущая часть металлургического бизнеса. Лотиан же, живя рядом с первыми заводами в Ньюкасле, будет навещать время от времени новые производства вблизи Порт-Кларенса и, несомненно, критиковать все аспекты работы Хью.

Когда Хью и Мэри выехали с двухлетней дочерью из Вашингтон-Нью-Холла, чтобы вести собственную, более спокойную жизнь, это наверняка вызвало у них огромное облегчение. Однако счастье длилось недолго. После рождения второго ребенка, Мориса, в семьдесят первом году красивая, но хрупкая Мэри прожила всего три недели.

На время Хью стал предметом острой жалости. Когда он строил вблизи Редкара Ред-Барнс, то представлял себе здоровую и счастливую жизнь с семьей на берегу моря. Теперь же к нему переехала сестра Ада – вести хозяйство и присматривать за детьми. Хью шесть дней в неделю работал в Кларенсе, а воскресенья приходилось проводить с сестрой, нянькой и примерно полудюжиной слуг. В свободное время он гулял по берегу или на природе со своей непоседливой маленькой дочкой – Морис был еще слишком мал для прогулок, – разговаривая с ней и разглядывая ее открытое лицо в поисках сходства с матерью. С этих дней и на всю ее жизнь между ними установились теплые и доверительные отношения.

Положение Хью было очень заманчивым. Привлекательный вдовец, оставшийся с двумя осиротевшими детьми, он был бы желанной добычей даже без перспектив наследования огромного состояния. Мягкое чувство юмора, озорная, но добрая улыбка еще усиливали его обаяние. Тем не менее дочери аристократов сочли бы брак с кем-нибудь из Беллов шагом вниз, а Хью мог быть кем угодно, но только не снобом. Мэйзи преодолела сопротивление леди Стэнли Олдерли, выйдя замуж за ее остроумного сына Люлфа, впоследствии лорда Шеффилда. Эта замечательная женщина была известна своей привычкой, отвернувшись от собеседника, сказать соседу с другой стороны: «Как же утомительны дураки!» Она была матерью Бертрана Рассела и входила в число основателей Гиртон-колледжа в Кембридже. Давая согласие на свадьбу своего сына и Мэйзи, леди Стэнли считала, что проявляет огромную широту взглядов: в конце концов Беллы – это же «торговля». «Так как сэр Хью был мультимиллионером, я не особенно удивился», – говорил впоследствии Бертран Рассел.

Ада, хорошенькая и общительная, скучала по Лондону и наверняка была не в восторге от выпавшей ей роли тетушки – старой девы, так хорошо известной незамужним женщинам викторианской эпохи. Поэтому довольно скоро она и ее сестра Мэйзи наметили для Хью пару и постарались свести этих двоих вместе.

С двадцатидвухлетней Флоренс Эвелин Элеонор Оллифф они познакомились на почве общего интереса к музыке. Она училась в Ройал-колледже и пела в хоре Баха. В семидесятом году Флоренс переехала в Лондон из Парижа, где ее отец, достойный и приятный сэр Джозеф Оллифф служил врачом при британском посольстве. Пасхальные каникулы она проводила в Суррее в доме деда, сэра Уильяма Кьюбитта, члена парламента, когда-то – лорд-мэра Лондона. В другие времена Флоренс оставалась у двоюродного деда Томаса² в его хэмпширском имении Пентон-Лодж. Летние каникулы проходили в Трувиле или Довиле – модных морских курортах для богатых парижан. Когда при начале Франко-прусской войны ее отец скоропостижно скончался, семье пришлось быстро покинуть Францию. В девятнадцать лет Флоренс должна была распрощаться с Парижем и начать куда менее гламурную жизнь в доме номер 95 по Слоун-стрит в Лондоне, в тесном грязном доме, среди пыльного красного бархата и тяжелой мебели с неистребимым запахом котов. Английское общество того времени, описанное однажды как «набор закрытых дверей», не могло не казаться отвратительным контрастом к блестящему космополитическому миру, только что покинутому ею.

Флоренс была высокой, стройной девушкой, с синими глазами и темными волосами, отличалась общительностью и по-английски говорила с очаровательным французским акцентом. Мэйзи постаралась, чтобы, когда Хью приезжал в Лондон, Флоренс участвовала в семейных вечеринках, а Ада пару раз пригласила ее в Ред-Барнс. После этих визитов тетка попросила шестилетнюю Гертруду написать Флоренс теплое письмо, подписавшись «ваша преданная маленькая подруга».

План Ады и Мэйзи едва не дал осечку. Они слишком старались свести этих двоих вместе, и Флоренс довольно быстро догадалась, что они задумали. Она объявила, что никогда

---

² Тот самый Томас Кьюбитт, который перестроил для королевы Виктории и принца Альберта замок Осборн на острове Уайт.

не выйдет замуж за англичанина, и повторяла это все увереннее в течение тех двух лет, что Хью не делал ей предложения. На попытку сестер женить его вторично он заявил Аде, что этого никогда не будет, и еще глубже погрузился в работу. Но то, как Флоренс описывала свою первую встречу с Хью в туннеле роз в саду у Мэйзи, дает основания полагать, что она передумала сразу. Она увидела его «красивым, но очень печальным... с густыми кудрями и ярко-каштановой бородой».

По мере увеличения интереса Хью к Флоренс ему все труднее было представить, как девушка, выросшая в самом утонченном высшем обществе самого красивого в мире города, осядет навеки рядом с Миддлсборо. Одна из биографов Гертруды описала свои впечатления от этого города в тот же период, когда она впервые навестила живущую там тетку: «Район возле Миддлсборо и берег Тиса вплоть до моря были покрыты сажей... на двадцать миль вокруг воздух провонял химией, пеплом и копотью, а сбившиеся в тесную кучу дома пахли капустой, сыром и кошками. Фундаменты... покрывала черная липкая грязь, стоило только начаться дождю». Термин «дневная тьма» появился для характеристики промышленного смога, а Миддлсборо и Кливленд, говоря словами одного современника, «особенно преуспели в том, чтобы почти полностью затмить дневной свет».

Редкар, мощеная деревня, пропаханная штормовой силы морскими ветрами Северного Йоркшира, которой предстояло вскоре развиться в небольшой город, была спальным районом для многих преуспевающих промышленников, строивших там свои семейные дома. (Например, соседний с Беллами дом принадлежал одному выдающемуся металлургу.) Здесь вдали от сажи и загрязненного воздуха они растили детей, формировали элитное общество, все еще несколько отстающее от того, к которому привыкла Флоренс.

Жизнь в таком месте была, наверное, удручающей перспективой для молодой женщины, выросшей в особняке на рю Флорантен с элегантным двором, надежно скрытым за декоративными воротами XIII века. Рожденная в 1851-м – первом бурном году Второй империи, – Флоренс ежедневно гуляла с няней в саду Тюильри, где каталась в украшенных каретах, играла в обруч или покупала леденцы и имбирные пряники в киосках с полосатыми зубчатыми навесами. Прямо за углом ее дома располагалась Пляс-де-Конкорд с «изукрашенными радостно брызгающимися фонтанами». Намного позже ей предстояло написать: «Какая это привилегия – родиться в Париже! Прежде всего на свете узнать Париж, знать его всегда, вырасти в одной из самых красивых его частей, принимать это все как должное, быть в нем своей и ощущать его как свой город. Разве этого мало?» Вопреки гражданским бурям у Флоренс было очень счастливое детство, удачно проведенное в маленьких учебных *cours*, дававших образование, среднее между индивидуальным обучением и маленькой частной школой, где учат в основном хорошим манерам и музыке. На самом деле женщина, которую Ада и Мэйзи выбрали для Хью, была исключительно правильной кандидатурой. Дочь врача, Флоренс не принадлежала ни к «торговле», ни к аристократии, и у нее были две страсти, которые перевешивали все недостатки Миддлсборо: она обожала детей и домашнюю жизнь. Это то, чего была лишена недавняя иммигрантка, бродящая по Лондону и все еще тоскующая по Парижу. Флоренс жаждала безопасности собственного дома и уже сформировала десяток правил по образованию детей и ведению хозяйства. Жизнь не могла бы предложить ей ничего более захватывающего, чем поднесенный в дар собственный удел, где бы он ни был.

И Хью наконец поддался чарам Флоренс – это случилось во время любительского представления оперы, написанной ею. «Синяя борода» была исполнена друзьями и родственниками 4 июня 1876 года в доме леди Стэнли на Харли-стрит. Пели Ада и Мэйзи, играл пианист Антон Рубинштейн. После представления Хью спросил у Флоренс разрешения отвезти ее домой. Выйдя из кареты у дома 95 по Слоун-стрит, он провел Флоренс в гостиную. «Леди

Оллифф! – обратился он к ее матери. – Я привел вашу дочь домой – и пришел спросить вас, позволено ли мне будет увести ее».

В ответ на эту изящную речь леди Оллифф разразилась слезами.

10 августа после скромной свадьбы в небольшой церкви на Слоун-стрит пара провела медовый месяц в Вашингтоне, в гостях у любимой сестры Флоренс Мэри и ее мужа Фрэнка Ласселса, в то время секретаря британского посольства. Вернувшись в Лондон, они сели на поезд, идущий на север. Впервые возвращаясь домой, Флоренс дрожала от волнения перед тем, что для нее (как, наверное, и для любой новобрачной и мачехи) должно было стать событием огромной важности. Как наследник директора Северо-Восточной железной дороги Хью Белл принадлежал к высшей транспортной аристократии. В Миддлсборо начальник станции снял шляпу и проводил их до поезда в Редкар. Через много лет дочь Флоренс леди Ричмонд вспоминала случай, когда она провожала отца на вокзале Кингз-Кросс и они стояли вместе на платформе. А поезд после окончания посадки не отправился вовремя. Отметив это опоздание, они продолжали разговор, пока к ним не подошел охранник и не сказал: «Если вы соблаговолите закончить разговор, сэр Хью, – тут он снял шляпу, – то мы готовы отправляться». У поезда на Редкар и обратно был личный остановочный пункт для Беллов – маленькая платформа внутри сада Ред-Барнс. Хью, возвращаясь домой с завода, мог просто выйти из поезда и пройти через розарий мимо фонтана к своей задней двери. Гертруда, которая всегда там ждала, радостно его встречала. Когда она была маленькой, он заносил ее в дом на плечах, потом, когда чуть подросла, она сама хватала его портфель и бежала рядом, что-то рассказывая звонким голосом.

Когда пара вернулась из свадебного путешествия, дети были вымыты, причесаны и встречали прибывающих на платформе Беллов. За ними выстроились слуги, готовые сделать реверанс или поклониться. Флоренс, надеясь установить с детьми близкую связь с самого начала, была намерена сразу по прибытии попросить Гертруду и Мориса показать ей весь дом до самых дальних уголков, от подвала до чердака. Однако, к ее отчаянию, к ним в Миддлсборо присоединился брат Хью Чарльз, который из самых лучших побуждений, но с полным отсутствием чуткости увязался за ними в Ред-Барнс. Столь же неромантичный Хью направился прямо в свой кабинет на первом этаже и стал смотреть бумаги.

Брошенная с Чарльзом в гостиную, страстно желая, чтобы он ушел, Флоренс вела рассеянный разговор, а ее деверь прочно сидел в кресле, тоже думая, что сказать.

Довольная Ада уехала в Лондон, а для восьмилетней Гертруды и пятилетнего Мориса началась новая жизнь. Поскольку дети такого возраста не предполагают, что у родителей есть собственная жизнь, от них не зависима, они были потрясены известием, что отец женился на Флоренс. Позже, обсуждая свою новую мачеху, Морис выдвинул гипотезу, что ей восемьдесят, но сестра возразила, что она намного моложе. Наверное, предположила Гертруда, Флоренс шестьдесят. Бедняжке Флоренс на самом деле исполнилось двадцать четыре, и она была на восемь лет моложе Хью.

Так в жизнь Гертруды вошла эта женщина с добрым сердцем, больше всех повлиявшая на ее становление. Иногда Флоренс вступала с ней в конфликты, но ее влияние всегда было основательно и позитивно. У Флоренс имелось много талантов. Она тонко воспринимала музыку и литературу, писала книжки, эссе и пьесы, могла найти общий язык с любым человеком и глубоко интересовалась социологией и обучением детей. Все, что она делала, лежало в границах ролей, которые она считала для женщины самыми важными: ролей жены и матери. Флоренс беззаветно отдала себя семье, ведя при этом общественную жизнь, которая заработала ей признание и в результате привела ее к титулу дамы Британской империи. Самодельные драмы и комедии, которые она любила писать, изначально предназначались для детских спектаклей на Рождество и другие семейные праздники. Через некоторое время,

вмешательством ее театральных друзей, три ее пьесы были поставлены в театре «Вест-Энд». Что характерно, она решила оставить эти пьесы анонимными.

Флоренс сперва привели в недоумение северные манеры. Познакомившись с соседями, она стала устраивать домашние приемы по вторникам с легким (безалкогольным) угощением, приглашая на них семейные пары. И с удивлением обнаружила, что йоркширцы не рвутся сопровождать своих жен на подобные мероприятия. Ее биограф Кирстен Ванг отмечает, что одна леди, придя с мужем к Беллам, обескуражила Флоренс, сообщив шепотом: «Я сумела привести мистера Т. Уж как пришлось постараться!» Считая, видимо, что численность гарантирует безопасность, женщины приходили вместе, садились как можно дальше друг от друга, после чего воцарялось молчание. Флоренс, в отчаянии предлагая им кресла поближе к огню, встречала такой ответ: «Спасибо, мне и тут хорошо». В одной из своих книг Флоренс пишет о своей героине, учительнице, приехавшей на север: «Девушке нелегко было с прямодушными йоркширскими женщинами, среди которых она оказалась... В этом жизненном слое если человеку нечего сказать, он ничего и не говорит, а когда говорит, то его манера говорить все в лоб ее еще больше обескураживала. И все же нельзя сказать, что женщины относились к ней без доброты, пусть и своего рода».

Однако новая миссис Белл упорно гнула свою линию, и вскоре ее «приемы» стали обязательным элементом жизни города.

Но Флоренс больше интересовалась укреплением отношений с детьми Хью. Восемилетняя Гертруда рассматривала ее вдумчиво. В этой чужой женщине, ворвавшейся в семью, было что-то незнакомое ребенку: парижский лоск и в манерах, и в одежде. Хотя Флоренс по сути своей была серьезна и склонна к морализаторству, она никогда никого не критиковала за интерес к своей внешности и не осуждала любовь к предметам одежды как легкомыслие. Она тщательно взвешивала свои суждения на эту и другие темы и высказывала их не прямо. Женщина деликатная, она предпочитала излагать свои взгляды в виде рассказов или эссе. В одном из них она писала о своей героине:

«Урсула обладала тем, что французы называют “жанр”... Наиболее близкий английский аналог этого слова – “стиль”, но оно подразумевает энергию и напор. Что до “жанра” – это скорее внутреннее качество его носителя не зависит от одежды – скорее от того, как ее носят. В английском языке этого слова нет – видимо, само качество встречается так редко, что нет смысла заводить для него отдельный термин».

Следуя примеру Флоренс, Гертруда, в свою очередь, приобретала «жанр», так что люди, видевшие ее впервые, замечали ее «мейфэрские манеры и парижские платья». Но Флоренс никогда не следовала моде. Она всю жизнь так и носила эдвардианскую одежду, даже в 1920-м, когда все другие женщины перешли на короткие юбки. Ее внучка вспоминает, как однажды Флоренс поскользнулась и упала на мостовой Лондона. Девочка поразилась, увидев под юбкой у Флоренс самые обыкновенные ноги. Склонная к соблюдению формальностей, Флоренс почти все время, в помещении и на улице, носила серые шелковые перчатки и даже на пианино играла в них.

Гертруда росла быстро – своенравный ребенок постоянно конкурировал с тетей Адой, гувернанткой, братом, многочисленными слугами за внимание отца. Флоренс очень легко могла стать врагом девочки. Она же, напротив, стала преданной мачехой, почти уступчивой, относилась к детям сочувственно и ободряюще. Она была равно внимательна к обоим детям, любознательным и с чувством юмора. Сама деятельная, Флоренс учила их не сидеть сложа руки, и когда они не были заняты чем-нибудь активным, предлагала им читать, а не «болтаться без дела». У нее всегда была наготове какая-нибудь история, чтобы прочесть ее вслух детям. Морис, который был глуховат, о родной матери ничего не помнил, но к Флоренс сразу привязался.

У Гертруды же мнение о мачехе, которую ей советовали называть матерью, было двоякое. Отец, несомненно, готов был сделать все, чтобы Гертруда сблизилась с Флоренс и делала все, о чем ее просят, но девочка, вероятно, переживала из-за навязывания ей близких отношений с женщиной, в которой изначально не могла не видеть чужую. Связь между Хью и Гертрудой была очень тесной. Они всем делились друг с другом, и это так и осталось, даже когда они жили в разных концах света. Как позже писала Флоренс: «Постоянное влияние на жизнь Гертруды с самого раннего детства оказывали ее отношения с отцом. Ее преданность ему, ее чистосердечное им восхищение, их близкая дружба, приятная обоим, взаимная глубокая преданность – для них обоих это была самая основа жизни до дня ее смерти». Слова о Гертруде показывают великодушные Флоренс: она никогда не поддавалась ревности, не пыталась отдалить друг от друга преданных отца и дочь.

Художник сэр Эдуард Пойнтер, член Королевской академии художеств, в семьдесят шестом году написал двойной портрет. И это был не свадебный портрет Хью и Флоренс. На портрете была изображена восьмилетняя Гертруда, рыжие кудри спадают на плечи кружевного передника, и ее подталкивает вперед стоящий с гордой улыбкой Хью. У Хью после первого брака остался портрет Мэри, и он вполне мог думать о том, чтобы заполучить и портрет Флоренс после их свадьбы. И типично для Флоренс было предложение сменить тему. А вот оценила ли этот тактичный жест Гертруда – другой вопрос. Флоренс была слишком добра и скромна, чтобы обнародовать какие-либо трудности с падчерицей, но по многочисленным косвенным признакам можно догадаться, что это имело место. «Анджела» – пьеса, которую она опубликовала в 1926 году (что, возможно, важно – после смерти Гертруды), рассказывает о втором браке одного йоркширского промышленника, в котором новая жена пытается встроиться в семью, где сложились очень близкие отношения между отцом и осиротевшей дочерью.

«Гертруда была ребенком вдохновенным и инициативным», – пишет Флоренс в своем предисловии к «Письмам Гертруды Белл». Иногда эти вдохновения и инициатива перехлестывали через край:

«Вечная заводила, [Гертруда] увлекала за собой младшего брата в опасные предприятия, для которых он был еще слишком мал. Она могла приказать, к его ужасу, следовать ее примеру и прыгнуть со стены сада высотой девять футов. Она приземлялась на ноги, что ему удавалось очень редко».

Однажды Флоренс помчалась из гостиной в оранжерею на звук удара и зловещего звона. Оказалось, что Гертруда повела Мориса в альпинистскую экспедицию по краю крыши. Она пробежала свой путь ловко и быстро, а брат, качаясь от страха, хромал за ней следом. Гертруда спокойно спустилась вниз, а Морис пробил ногой крышу и вслед за ней рухнул на землю в кучу битого стекла. В другой раз она баловалась садовым шлангом, направила его в трубу прачечной и погасила огонь. Когда Флоренс из-за этого вышла из себя, Гертруда и Морис собрали все шляпы в прихожей и принялись кидать ими в мачеху. Остановилась Гертруда лишь тогда, когда одна из шляпок Флоренс влетела в огонь. Еще в детстве Гертруда «очень интересовалась модой», как сообщил мне один из ее родственников.

За свои восемь лет Гертруда привыкла командовать слугами и обводить вокруг пальца гувернантку. Она всей душой ненавидела дисциплину и любила дразнить людей, выводя их из себя. Мисс Огль уехала от них в глубоком возмущении, но Флоренс надеялась, что у мисс Клуг получится лучше. Эта немецкая дама продержалась намного дольше, но Флоренс иногда уставала успокаивать гувернантку по поводу выходок Гертруды.

Дом, где основала свой удел миссис Белл, был простым кирпичным зданием в стиле «Искусств и ремесел» – ранний и довольно невразумительный эксперимент Филиппа Уэбба с местным колоритом. Уэбб проектировал Ред-Хаус Уильяма Морриса и много элементов скопировал в свое второе творение, Ред-Барнс. Моррис декорировал интерьер, и его очаро-

вательные ботанические обои использовались практически всюду. Дом был компактным и маленьким по сравнению с элегантными пристанищами юности Флоренс, но ему предстояло увеличиваться по мере роста семьи. Крыльцо, выходявшее на Кирклитан-стрит, вело к большой площади, обставленной террасами георгианских домов с зеленой лужайкой посередине. От Ред-Барнс до длинного пляжа Редкара вела короткая дорожка, тянувшаяся от Готэма на юг до обрывов Салтберна. Возле ничем не примечательных песчаных гребней, где в отлив садились на песок обшитые внакрой рыбацкие лодки, летом стояли полосатые купальни и бегали ослики, катающие детей. Местность вокруг была ровная и не особенно живописная. Но Флоренс всегда считала, что детей следует вывозить за город, и было очевидно, что Гертруде и Морису здесь нравится.

Учитывая постоянно меняющихся пони, можно сказать, что дети выросли в седле. Бесстрашные вылазки Гертруды вели к тому, что Морис, пытавшийся не отстать от сестры, возвращался весь в синяках. Среди своих сверстников она прославилась как храбрейшая из всадников, и ее письма к теткам и двоюродным сестрам и братьям были полны хвастовства на этот счет. «Моя кобылка вела себя как хулиган, лягалась всю дорогу. Если бы она так повела себя с матерью, боюсь, мама тут же бы слетела», – писала она своему кузену Хорейсу. Развлекаясь, скача по берегу или охотясь, девушки ездили в дамском седле в соответствующей одежде – черный жакет и юбка-передник на пуговицах поверх бриджей. «Сегодня я ездила как циркач», – писала Гертруда, имея в виду – по-мужски. Дети Беллов ездили по пескам под наблюдением конюха, няньки или гувернантки. Если их сопровождала осторожная мисс Клуг, Гертруда, когда дом уже не был виден, прищипоривала пони и скакала галопом, предоставляя гувернантке бежать следом и призывать ее. Однажды, выведя детей на прогулку, мисс Клуг вернулась одна и прервала литературные занятия Флоренс. Со слезами гувернантка сообщила, что когда велела детям возвращаться домой к чаю, они убежали и спрятались среди рыбацких лодок, откуда она тщетно пыталась их выманить целых тридцать минут.

Властная и своенравная, Гертруда всегда требовала внимания и считала, что, когда отец дома, он должен заниматься ею. Хью, занятый работой, часто бывал дома всего день в неделю. Флоренс, естественно, тоже хотела какое-то время провести с мужем, и ее викторианская требовательность к домашнему порядку и ходу жизни, хотя едва ли обременительная, не могла не войти в конфликт со свободой детей. Гертруда обнаружила, что волю мачехи ей далеко не всегда гарантированно удастся сломить, в отличие от воли отца. Гертруда выбрала такую тактику противостояния диктату Флоренс: ждать, пока отец придет домой, и пытаться склонить его на свою сторону.

Прошло немного времени, и родились собственные дети Флоренс: Хьюго в семьдесят восьмом, Эльза в семьдесят девятом и Молли еще через два года. К Ред-Барнс пристроили двухэтажное крыло со спальнями, ванной и классной комнатой, а еще конюшню. Гертруда, бесстрашный древолаз, сочла, что леса – идеальное дополнение к дому. Однажды, когда она по ним лазила, Флоренс, заметив ее в окно, выбежала в сад и велела немедленно спуститься. Гертруда предпочла не слышать, и тогда Флоренс побежала за Хью и послала его за ней. Вернувшись в дом, она с ужасом увидела в окно, как муж лезет по лесам на верхний этаж к своей дочери – а под каждой рукой держит по младенцу.

Хью был чудесным отцом и не особенно переживал, что ребенок может пораниться. Как вспоминала потом Эльза, он вместе с ними по воскресеньям лазил по песчаным холмам и «мог вдруг зацепить кого-нибудь из нас набалдашником трости за лодыжку и сбросить с верхушки песчаного склона»; «бегал по твердому песку, держа в каждой руке по ребенку, и сшибал нас между собой лбами». На вопросы Гертруды у него было изобилие ответов, которые она внимательно слушала. Это отличало ее от братьев и сестер. Если Гертруде или отцу случалось задумчиво произнести: «Интересно, почему бывает прилив?» или «А что

такое биметаллизм?», остальные дети тут же кричали: «Нет, не надо рассказывать!» Хью в таких случаях смеялся и говорил: «Ах вы, капризные деточки!»

Жизнь у Хью постепенно улучшалась, и настал момент, когда он понял, что у него снова есть дом и счастливая жизнь и женитьба на Флоренс было правильным решением. Откровенное письмо от Флоренс к Молли рассказывает о случае в Ред-Барнс, когда они с Хью дошли до точки поворота:

«Помню, словно это было вчера, как я приехала в Редкар, когда нам было столько же, сколько тебе сейчас, – твой отец мог быть избран [в парламент] от Миддлсборо практически без борьбы и очень хотел это сделать и пойти в политику, потому что, как тебе известно, он равнодушен и всегда был таким. Вот этими мыслями была занята его голова. Его отец (письмо это не для разглашения!) был против и никак этому не сочувствовал – и никогда не сочувствовал, а дела шли не очень, и Хью ходил туда-сюда по дорожке, проговаривая все это снова и снова, и наконец решил бросить политику и ограничиться Миддлсборо. Ты знаешь, как он рьяно за это взялся. Но это было... на всю жизнь упреки самому себе и на всю жизнь сожаление, и мы тогда это знали. А потом он почувствовал, каково бы ему пришлось, если бы потребовалось все это делать в одиночку, и какая радость была для нас так любить и так близко быть друг к другу. Какая огромная перемена в жизни – вступить в брак, и тогда то, что происходит с другим, волнует тебя не меньше, чем происходящее с тобой!»

С точки зрения Гертруды, жизнь их семьи в Ред-Барнс была идеальной, и она тоже стала понимать, что Флоренс ее только улучшила. Дети все лето были на воздухе, и у них имелись свои участки в саду. Гертруда обнаружила, что любит цветы и у нее есть природный талант работать с растениями. В одной ранней дневниковой записи она тщательным курсивом пишет: «У нас сейчас есть несколько желтых крокусов и первоцветов падснежников и первоцветов».

Правописание, музыка, которую так любила Флоренс, и готовка – вот три области, к которым Гертруда не испытывала ни малейшего интереса и потому не преуспевала, вопреки всем стараниям мачехи. Зато Гертруда не вылезала из книг. Она читала все, до чего могла дотянуться. «Дни Брюса» Агилар была самой любимой, как и «История английского народа» Грина, которую она изучала каждый день перед завтраком. «Я читаю очень хорошую книжку под названием “Лондонский Тауэр”... полную убийств и пыток».

Когда Флоренс «заболела» какой-то загадочной болезнью (иными словами, забеременела), Гертруду и Мориса отослали из дому к большой группе кузенов и кузин, в более мягкий климат побережья южной Шотландии, где они резвились на пикниках, учились лазить по скалам и ловить рыбу.

«Дорогая мама!

Нам здесь очень весело. Вчера мы поймали живого угря. Каждый день мы ходим на скалы в купальных костюмах и прыгаем оттуда в озеро. Это называется «ласточкой», и это очень здорово. Передай папе, что я его люблю.

Твоя любящая дочь Гертруда».

Любимым спутником у нее был Хорейс Маршал, двоюродный брат, сын сестры ее матери Мэри Шилд, миссис Томас Маршал. Были еще мальчики Ласселсы и их сестра Флоренс, названная так в честь мачехи, на несколько лет моложе Гертруды, но одна из ее любимых подруг. На свои карманные деньги Гертруда покупала птичьи яйца для своей коллекции, соревнуясь с Хорейсом. «5 галок, 2 крапивника, 1 зеленушка, 2 коноплянки», – писала она у себя в дневнике – и покупала зверушек и птичек, сколько позволяла Флоренс. Ручной ворон Джамбо жил в садовом сарае – чтобы не попадался на глаза нервному коту по кличке Шах. Когда спустя время эти животные умерли, Гертруда нашла выход для своего горя, устроив

пышные похороны с кортежем из родственников и слуг, картонными гробами, крестами и цветами.

За садом Ред-Барнс и железной дорогой находился большой огороженный частный парк (теперь общественный сад), где дети могли ездить на пони и играть сами по себе почти в пределах видимости из дома. Вокруг пруда шли пешеходные тропинки среди деревьев, где можно было ездить верхом или ходить на ходулях, пока не прозвенит гонг, зовущий на обед или на чай – последнюю еду перед сном. Иногда по воскресеньям Хью с двумя старшими детьми выезжали на верховую прогулку вокруг Редкара или по берегу и брали с собой еду, которую паковала Флоренс. Гертруда раскладывала сэндвичи на клетчатом одеяле, изображая для Хью и Мориса хозяйку.

Для дождливых дней Гертруда и Морис изобрели игру в прятки под названием «Служанки» – игру, которую она запомнит и которая приобретет для нее совершенно иное значение в пустыне через много лет. Начинаясь она в подвале, где дети могли стоять во весь рост, а взрослым приходилось пригибать головы. Играющий должен был тихо пробежать по множеству коридоров, наверх по узким извилистым лестницам, которые вели в комнату служанок, и так, чтобы слуги его не увидели. Если тебя заметят – следовало завопить и возвращаться обратно, начинать все сначала. Или можно было начать из-за водопроводного бака на чердаке, куда добраться по короткой привинченной к стене лестнице, бежать вниз в прачечную и комнату экономки в тихом полуподвале. Комната, обставленная выкрашенными в кремовый цвет буфетами, была оклеена обоями Уильяма Морриса, где поющие птицы сидели на шпалерах в листьях и плодах на фоне темно-синего неба. Следы этих обоев заметны еще и сегодня.

Гертруде повезло, что у Флоренс была такая добрая душа. Режим более суровый мог бы подорвать доверие падчерицы, а еще вероятнее – сделать из нее бунтовщицу, которой она так и не стала. Младшая дочь Флоренс Молли, впоследствии леди Тревелиан, писала о матери: «Не могу припомнить, чтобы она с кем-нибудь из нас говорила сурово или кричала за неправильные поступки. Она была мягкой, понимающей, полной нежности ко всем детям, не себялюбивой и с таким даром сочувствия, какого я ни у кого больше и близко не встречала. В ее присутствии мы ощущали себя надежно и уверенно».

Еще с Флоренс было очень интересно. Дети превратили садовый сарай в дом для игр и назвали его «Вигвам». У них была резиновая печать с этим названием, и они рассылали официальные приглашения к чаю или к обеду родителям, садовнику и гувернантке. Флоренс, явившись в ответ на такое приглашение в лучшем своем вечернем платье и с бриллиантами в волосах, обнаружила, что дети собираются везти ее в сарай на тачке. По дороге к «Вигваму» они тачку перевернули, но Флоренс, поцарапанная и испачканная, героически выдержала всю дневную программу, не только проявив хороший характер, но и показав отличный пример социального самообладания.

Другое приглашение звало «мистера и миссис Хью Белл на чай в пятницу 13 августа 1892 года в 5 часов вечера» и заканчивалось просьбой RSVP³. Флоренс, которую дети неустанно поддразнивали за французский акцент, включилась в игру.

«В собственные руки для Monsieur и Mesdames de Viguevamme, Ред-Барнс, Коатем, Редкар, – написала она. – Маркиза де Смех будет иметь удовольствие видеть у себя за ужином мистера Чепухмена, мисс Ерундель и мисс Трень-Брень в 19.30». Видимо, опасаясь пожертвовать еще одним вечерним платьем, она добавила: «Маркиза сожалеет, что приключившееся, к несчастью, деликатное состояние здоровья не позволит ей для этого случая надеть придворное платье с перьями или напудрить волосы».

³ Répondez s'il vous plaît – ответьте, пожалуйста (фр.).

Но как бы ни была Флоренс весела и терпима, в отношении правил поведения она держалась строгости. Она часто писала эссе с названиями вроде «Маленький моралист» или «*Si Jeunesse Voulait*» (если бы молодость хотела). Правила, касающиеся хороших манер, соблюдались неукоснительно – давала ли она нагоняй кучеру, покинувшему козлы ради укрытия от дождя, или ребенку, недостаточно вежливо поздоровавшемуся с гостями. Манеры, утверждала она, важны для нас не менее, чем для других. Может быть, она повторяла это для подростковой Гертруды, когда писала: «Как бы ни были ценны интеллектуальные богатства, которые ты можешь предъявить, но если в качестве метода обращения с коллегой-мужчиной и ради привлечения его внимания ты используешь пощечину, то вряд ли завоеешь его блажелательный интерес к твоим будущим достижениям».

Нетерпеливую Гертруду все это несколько утомляло. Для нее разговор состоял в том, чтобы что-то выяснить или кому-то сообщить. Она не чувствовала глубокой заинтересованности в том, чтобы коллеги-мужчины оценивали ее достижения. Но бывали времена, когда Флоренс оказывалась на одной с Гертрудой волне, как в своем сетовании: «Тенденция, демонстрируемая многими в остальном разумными людьми: верить, что их собственная раса – самый интересный в мире предмет, их семья – наиболее достойна упоминания, школа, где они учились, – единственно возможная, квартал Лондона, где они живут, – самый приятный, а их собственный дом в нем самый лучший». Это «коварная опасность, с которой следует бороться». Сама наполовину англичанка, наполовину ирландка, Флоренс очень нервно относилась к тем издевательским карикатурам, которые иногда появлялись в «Панче» о французах, их привычках, гигиене, еде и нравственности, – а все это, как она знала, во многих случаях бывало лучше английских аналогов. Обстановка восприимчивости к чужим стандартам и образу жизни оказалась лучшей подготовкой к путешествиям, и Гертруда с детства к ней привыкла. Позже она довела эту восприимчивость до логического завершения, пройдя при этом куда дальше, чем имела в виду Флоренс.

«Правильное» воспитание, которое получила Флоренс, космополитическое общество, в котором она вращалась до брака с Хью Беллом, погрузило ее в интеллектуальную и артистическую богему, с которой она вряд ли бы столкнулась, если бы была воспитана в Англии.

До самого восшествия на трон Эдуарда Седьмого актеры, художники и скоробогатые купцы не включались в аристократические круги, разве что в исключительных случаях, объясняемых покровительством. Флоренс за свою жизнь очень подружилась со многими актерами, в частности Кокленом – звездой французского театра, с Сибил Торндайк и с американской актрисой Элизабет Робинс. Флоренс познакомилась с Робинс, которая представила английской сцене пьесы Ибсена, вскоре после своего прибытия в Лондон. Несмотря на то что Робинс была активной участницей движения суфражисток, с которым Флоренс никогда не могла согласиться, они стали близкими подругами. Робинс поставила в театре «Вест-Энд» самую известную пьесу Флоренс «Жена Алана» и сыграла главную роль в этой трагедии из жизни рабочего класса. Она стала одной из самых частых гостей в доме Беллов, внося большой вклад в текстуру интеллектуальной жизни, среди которой росла Гертруда. Лайза, как ее называли в доме, забавляла детей, показывая им комические театральные падения, лицом на ковер. Позже, когда Гертруда стала старше, они вдвоем, дождавшись, пока Флоренс ляжет спать, обсуждали различные «про и контра» суфражизма. Флоренс придерживалась по этому вопросу такой жесткой точки зрения и столько написала против суфражизма, что обсуждать это с Лайзой не могла. Гертруда и Лайза позже много лет состояли в переписке, и вечная странница часто упоминала в письмах, написанных в шатре, как ей не хватает этих «бесед у огня».

Флоренс рассказала Гертруде и Морису о самом раннем своем знакомстве с Чарльзом Диккенсом, дочь которого Китти Перюгини была одной из первых ее приятельниц. Диккенс был близким другом ее родителей сэра Джозефа и леди Оллифф, как и его современник Тек-

керей, и часто навещал их в Париже. Однажды он должен был читать на благотворительном вечере в британском посольстве, организованным сэром Джозефом. Флоренс вспоминает, как Диккенс вошел в салон и спросил: «А где будет сидеть мисс Флоренс?» – «Флоренс там не будет, – решительно сказала леди Оллифф. – Она еще слишком маленькая». – «Очень хорошо, – жизнерадостно ответил Диккенс. – Меня тогда тоже не будет».

Флоренс сидела в первом ряду и горько плакала над печальной кончиной Поля Домби. Диккенс потом писал в письме: «Флоренс очень переживала во время чтения».

Идеи Флоренс по поводу воспитания детей были прогрессивны для своего времени и сформировались во многом под влиянием новых европейских теорий, которыми она восхищалась. Много позже, когда ее дети уже выросли, в 1911 году, она ездила в Рим изучать работу реформатора образования Марии Монтессори. Ее предпочтением было – там, где можно позволить себе гувернантку, – домашнее образование для девочек. Такую систему Флоренс выбрала для своих собственных дочерей, Эльзы и Молли. Впоследствии Молли писала:

«Идея моей матери о том, к чему необходимо готовить двух ее дочерей, исходила из того, что мы должны стать хорошими женами и матерями и принимать участие в общественной жизни своего круга. Мы должны идеально говорить по-французски и по-немецки и дружить, пусть даже не очень тесно, с итальянским. Мы должны уметь немножко играть на пианино и петь, должны научиться хорошо танцевать и вести салонную болтовню. Никакие более серьезные аспекты образования в планах моей матери относительно нас не рассматривались. Естественные науки, математика, политическая экономия, греческий и латынь – все это считалось ненужным».

Ни одну знакомую Флоренс девушку не учили ни одной профессии, ни одна «девушка нашего круга» не была отдана в школу. То, что такой подход оказался удачным для этих двух сестер, видно по тому, что они считались очень приятными в общении. Не столь заметные, как Гертруда, но обладающие ее прямой осанкой и хорошим вкусом в одежде, они представляли собой привлекательную пару и пользовались большим успехом. Вирджиния Стивен, впоследствии Вирджиния Вулф, в довольно бессвязном письме о своем первом майском бале в Кембридже упомянула их: «Бал был на Троицу... Были Бу, Элис Поллок и семейство Хью Белла (если вы их знаете – МАП их зовет “самые блестящие девушки-консерваторы во всем Лондоне”), и Тоби [ее брат] был очень ими увлечен, а они им».

Флоренс соглашалась с общепринятой тогда медицинской теорией, что девушки перенапрягаются, если давать им слишком много ментальной нагрузки. Считалось, что особенно серьезный риск для здоровья представляет образование для девушек-подростков. Еще даже в девяносто пятом, когда Гертруде было двадцать семь, некто доктор Джеймс Барнетт, автор книги «*Delicate, Backward, Puny and Stunted Children*» (Болезненные, отсталые, слабые и чахлые дети), сообщал миру, что девушка в пубертатном периоде всегда будет отставать от своих братьев в академических успехах из-за «бурь ниже пояса», и уверял читателей: «Ни одного исключения из этого правила я никогда не видел». Книга Элизабет Миссинг Сьюэлл «*Principles of Education, Drawn from Nature and Revelation*» (Принципы образования, взятые у природы и Откровения) утверждала, что девушку всегда следует оберегать от учения, потому что «если ей разрешить идти на риски, которые для мальчика являются несущественными, у нее наверняка разовьется какая-нибудь болезнь, которая даже если и не окажется фатальной, в любом случае создаст ей трудности на всю жизнь». Флоренс следила, чтобы все девочки семьи Белл вели такую же активную жизнь, как их братья, но начинала понимать, когда дело доходило до образования, что ее формула не ко всякой девочке подходит. Как сама она это формулировала: «На тысячу тех из нас, кто может идти по ровной дороге и успешно дойти до ее конца, находится одна, которая может переплывать реки и перебираться через обрывы, встречающиеся на пути». Флоренс теперь начинала думать, что Гертруда –

как раз такое исключение. Когда Мориса отдали в школу-пансион, пятнадцатилетняя Гертруда скучала по нему сильнее, чем сама ожидала. Ее сводные сестры и брат были слишком маленькими, и жизнь стала довольно пустой. Она давно уже переросла бедную мисс Клуг, которая постоянно обижалась на прямые пререкания и пренебрежительное поведение своей непокорной воспитанницы. Всю жизнь Гертруде трудно было усидеть в кресле, и сейчас она почти всегда валялась на ковре, нетерпеливо перелистывая книгу, или дергала вязанье, которое начинала, но никогда не заканчивала. Она бродила по дому с мрачной физиономией, оглашая свои недавно приобретенные взгляды, споря со всяким, кто был на это готов, и попадаясь на дороге служанкам. Когда однажды ей предложили пойти развлечься в саду, она изобрела игру в ракетки – нечто вроде сквоша, в которую можно было играть одной, изо всех сил впечатывая мяч в двери каретного сарая. Постоянный грохот мяча и крики ярости, когда она промахивалась, не могли не раздражать Флоренс, которая, вероятно, пыталась сосредоточиться на рассказе для детей или трактате об их воспитании. Вопреки протестам отца, Гертруда ежедневно кидала в пруд своего пса, потому что «не так уж это ему и не нравится».

Флоренс, имеющая на руках еще троих младших детей, не могла придумать, чем бы занять этого подростка. И не только она из семьи находила Гертруду трудной. Молли Тревелиян писала: «Гертруда стала очень колючей, и скоро у нас с ней будет сцена. Она возражает на все, что говорит мама, и очень старается быть нелюбезной и высокомерной». Не так уж трудно было Флоренс прийти к выводу, что Гертруда и есть тот особый случай и что пятнадцатилетней девушке, настолько самоуверенной, настолько способной и настолько жаждущей знаний, можно напрячь свой организм.

Флоренс с самого начала наилучшим образом построила отношения с падчерицей, и ее влияние на Гертруду было постоянным. Это влияние не всегда обращало ее в ту сторону, в которую хотела мачеха, но во всех существенных вопросах Гертруда, как бы далеко ни заходила, следовала правилам Флоренс. Она всегда соблюдала условности и ограничения, привитые ей воспитанием. Она была предана своей семье, и как бы далеко от дома ни заносила ее жизнь, никогда не дистанцировалась от ее интересов и не считала их менее важными, чем свои собственные.

А сейчас Гертруде, у которой дыхание захватило от волнения, было сказано, что ее посылают в школу в Лондон.

Глава 2

Образование

«Моя дорогая, любимая мама!

Как же мне здесь противно... если бы только ты была здесь! Не бывает одиночества сильнее, чем у меня сейчас. Каждый день я хочу, чтобы ты...

Не могла бы ты мне прислать “Элегию” Грея, а еще два несесера и чехол для ночной рубашки? И немецкую книжку “Deutsches Lesebuch”, автор Carl Oltrogge».

Так что Гертруда собрала чемодан и в сопровождении Флоренс поехала в Лондон третьим классом – ей было указано, что не следует демонстрировать свое богатство по сравнению с другими ученицами. В учебное время, в первый год, она жила у матери Флоренс леди Оллифф, в грандиозных, но все же обветшалых помещениях дома 95 по Слоун-стрит. Это был степенный положительный дом, оживляемый только визитами непутевого Томми, брата Флоренс, который со своей приемной племянницей играл в бильярд, традиционно намеливая нос вместе с кием. Он отлично умел дразнить маленьких девочек, доводя их до ярости, а с подростками флиртовал с намерениями – как однажды сам сформулировал в разговоре с не понимающим юмора отцом – «строго бесчестными». Его «глухая и глупая» сестра Бесси, жившая с их общей матерью, однажды заметила в окно, как он заигрывает на садовой скамейке с какой-то юной леди. Она открыла окно и запустила в него теннисным мячом. Едва не задев предмета воздыханий, мяч стукнул Томми прямо в ухо.

Выбор школы для Гертруды был облегчен тем фактом, что бывшая подруга Флоренс, Камилла Кроудейс, недавно стала «леди-резидентом» Куинс-колледжа на Харли-стрит. Эта школа, расположенная в элегантном георгианском четырехэтажном доме кремового цвета, была основана за двадцать лет до рождения Гертруды реформатором образования и христианским социалистом Фредериком Денисоном Морисом. Источник академического образования и признаваемых профессий для женщин, эта школа в 1853 году получила первую королевскую хартию на женское образование. Она выпускала уверенных в себе и в мире молодых женщин, способных играть значительную роль в интеллектуальной, деловой и общественной жизни страны. Впоследствии среди выпускников школы числилась писательница Кэтрин Мэнсфилд, но в восемьдесят четвертом, когда туда поступила Гертруда, многих из ее выпускниц ждала судьба гувернанток.

Хотя попасть в эту школу было самым лучшим, что могло случиться с Гертрудой, вскоре радость сменилась тоской по дому. Девушку, которая едва ли оставляла родной город иначе как на каникулы, в компании родных и двоюродных братьев и сестер, поначалу она мучила сильно. На расстоянии еще больше усилилась любовь к мачехе. Гертруда внимательно рассматривала своих одноклассниц и очень скоро попросила Флоренс в письме добыть ей «несколько стоечек». Имелись в виду жесткие кружевные корсеты из китового уса, которые, как оказалось, носят под тугими поясами другие девочки.

Учениц водили на концерты и картинные галереи, в церкви и соборы. Гертруда быстро выработала суждения по всем этим вопросам и рьяно их отстаивала, не в последнюю очередь в своих письмах домой: «Рубенса я не люблю. Совсем не люблю... стены перехода оклеены такой ужасной зеленой бумагой, что страшнее не придумать... Как же я не люблю и видеть не могу собор Святого Павла... нет в нем ни одной детали, что не была бы ужасной – не хочу говорить “отвратительной”».

Юные леди никуда не ходили без внимательного сопровождения, и Гертруда, желавшая видеть как можно больше достопримечательностей города, фыркала, что ей не позволяют

ходить одной. «Я хотела бы сходить в “Националку”», – писала она родителям, – но меня, видите ли, некому туда отвести! Будь я мальчишкой, я бы каждую неделю туда ходила!»

В Куинс-колледже – не менее, чем в Ред-Барнс, – строгое соблюдение условностей не обсуждалось. Гертруда должна это принять, объяснила ей миссис Кроудейс, как условие своей расширившейся свободы и независимости. Флоренс ответила на жалобу Гертруды только пожеланием, чтобы девочка не использовала таких сокращений, как «Националка» вместо «Национальная галерея». Рассерженная Гертруда сердито ответила:

«Я внимательно прочла [твое письмо], что рассматриваю как величайший акт самодисциплины, но вознаградила себя тем, что тут же [его] и сожгла... В следующем моем письме, когда я смогу успокоиться и дать себе труд подыскивать слова, прилагательных будет не меньше, чем у самого Карлайля... Должна ли я, говоря о государыне, писать: “Королева Англии, Шотландии, Ирландии, Императрица Индии, Защитница Веры”? Жизнь не так длинна, чтобы всех и все называть полным титулом».

Получив такое – несколько резкое – письмо, Флоренс вполне могла тяжело вздохнуть. Хью трудно было бы сдержать улыбку при таком проявлении силы духа и силы аргументов родной дочери.

Подобные вспышки вскоре стали сопровождаться покаянными посланиями к родителям, где говорилось, что она взялась за ум и надеется, что в дальнейшем будет для Флоренс лучшей и более послушной дочерью.

Вероятно, до той поры Гертруде и в голову не приходило задаваться вопросом, нравится она людям или нет. Сейчас она должна была признать, что не слишком популярна в школе, и в ответ стала выдавать некоторую взаимную эмоцию – начало того высокомерия, которое было у нее всю жизнь, плюс неприязнь к обществу «ординарных» женщин. Флоренс предостерегала ее со всей возможной тактичностью насчет ее склонности к бахвальству – и в ответ получила очередной взрыв. Соученицы, написала Гертруда, «неинтересны», а потом, найдя более дипломатичное выражение, добавила: «Это весьма неприятный процесс – обнаруживать, что кто-то ничем не лучше общей массы. Мне пришлось это много раз проделывать с тех пор, как я попала в Колледж, и мне это совершенно не нравится».

На второй год в Куинс-колледже она стала пансионеркой и лучше ладила с одноклассницами. Ее пригласили на уик-энд к подруге юности Флоренс, дочери Теккерей Анне, миссис Ричмонд Ритчи, и к вдове историка, чьи книги она глотала перед завтраком, – миссис Дж. Р. Грин. Но попытки сближения со стороны школьных подруг жестко цензурировались из Редкара. Приглашения, как оказалось, не могут быть приняты, пока Флоренс и Хью не проверят при посредстве миссис Кроудейс, приемлема ли приглашающая семья. Три приглашения, уже принятые, пришлось в результате отвергнуть, что не прибавило Гертруде популярности. Предполагалось, что их семьи «недостаточно хороши» для Беллов, потому что занимают недостаточно важное место в обществе. Но это маловероятно. В домах, которые Флоренс не разрешала Гертруде посетить, пили алкогольные напитки, домашние вечеринки были поводом для внебрачной активности, девушки находились без строгого присмотра – иными словами, это были дома беспутной аристократии, и пусть хоть сам принц Уэльский туда вхож, это ничего не меняло.

На уроках Гертруда блистала. Ей были рады как одаренной ученице, которая всегда просилась в старший класс, если работа оказывалась легкой. В первый свой год в классе из примерно сорока девушек она оказалась первой по английской истории, своему любимому предмету, получив оценку 88 из 88. В английской грамматике она оказалась второй, по географии третьей и по французскому и древней истории – четвертой. В Священном Писании успехи у нее были скромнее. Когда преподаватель спросил, почему она здесь успевает не так, как по другим предметам, ответ ее был прост: «Я ни единому слову из этого не верю!»

Хью и Флоренс в церкви бывали нечасто, и никто никогда не мог убедить Гертруду, что Бог существует. Она стала называть себя атеисткой.

Точно так же не воспринимала она критику своих работ по истории. Когда мистер де Сойрес заявил, что написанное ею эссе о Кромвеле не заслуживает обычного примечания «Отлично», поскольку Гертруда предполагала факты, вместо того чтобы их доказывать, а также игнорировала доводы, противоречащие своей точке зрения, Гертруда написала отцу возмущенные слова: «Недостаток моего эссе о Кромвеле вот какой: я пыталась доказать, что Кромвель поступал правильно, в то время как мне нужно было доказать всего лишь, что он не поступал неправильно».

У нее сейчас было чем заниматься, по ее ощущениям, и Гертруда настоятельно просила Флоренс позволить ей отменить уроки вышивки и фортепиано. Она писала, что учиться играть для нее – это «чистая потеря времени», и вкрадчиво добавляла: «Представь себе, сколько я могла бы прочитать книг за этот час упражнений». Мачеха же, считавшая, что невозможно достигнуть чего-то без упорства, не поддавалась на эти соблазнительные перспективы и отвечала, что уроки надо продолжать. Гертруда выждала несколько недель, а потом стала обрабатывать отца. Хью вмешался и, как всегда, принял ее сторону, – так что ей наконец-то позволили оставить фортепиано, уж если не вышивальную иглу.

Если два эти умения Гертруда считала необязательными, то в стихи влюбилась и получала от них удовольствие всю жизнь. В четырнадцать лет она презирала кузена Хорейса за то, что он не прочел еще последнего сборника Роберта Браунинга. Сейчас она писала домой: «Сегодня почти весь день читала Милтона. Всегда у меня такое чувство, что хоть на голову встать готова, если это даст выход восторгу, в который приводят меня “Люсидас” или “Комус”. Очень трудно держать про себя знание этой исключительной красоты, ни с кем ее не обсуждая».

В потоке писем домой становится явным различие ее отношений с отцом и матерью. Она все еще зависит от мнения отца по крупным вопросам и пишет ему отдельно, чтобы спросить его мнения о гомруле для Ирландии или о судьбе Гладстона и либеральной партии. По-иному она пишет Флоренс, когда ей нужно, например, новое легкое платье, чтобы, когда ее возьмут с собой навестить Мориса и кузена Герберта Маршала в Итоне, она выглядела наилучшим образом. Сейчас Гертруда очень привлекательная девушка. Зеленые глаза несколько резковаты, а нос чуть заострен, но у нее сильная стройная фигура, хорошая осанка и охапка красивых непослушных каштановых волос.

Два ее преподавателя истории, мистер де Сойрес и мистер Ренкин, считают ее блестящей ученицей, как и мистер Кремб, старший преподаватель истории. Они решили, что Гертруда заслужила право учиться дальше, и в последнем семестре ее обучения написали ее отцу письмо с вопросом, не может ли она поступить в Оксфорд. Хью и Флоренс удалось убедить не сразу. Флоренс могла бы согласиться на обучение Гертруды, но Оксфорд как вариант для юной девушки не рассматривала. Однако после поездки в Лондон для обсуждения вопроса с миссис Кроудейс решение было принято. В 1886 году Гертруда поступила в Леди-Маргарет-Холл – один из двух женских колледжей Оксфорда.

Гертруда с тревогой знакомилась с леди Стэнли – основательницей Гертон-колледжа в Кембридже. Она писала Флоренс: «Чувствовала себя очень виноватой, когда пожимала ей руку. Как будто у меня на лбу написано: “Я не иду в Гертон”. А она ничего не сказала!»

В восемьдесят пятом до нее дошла весть, что ее дед Лотиан получил титул баронета. Она ему написала поздравление, но Хью сообщила: «Тебе могу сказать, что я, кажется, очень расстроена, и мне досадно. Я считаю, что он полностью заслуживает титула, но мне только хотелось бы, чтобы он этот титул отверг». В это время Гертруда не знала, что Хью не информирован. «Представь себе мое удивление, – писал он матери, – когда я открыл “Таймс” и увидел объявление, что Патер будет баронетом! Почему никто мне не написал?» И еще он

добавил: «Очень рад, что заслуги нашего дорогого мудрого Патера будут признаны», – явное выражение задетых чувств. Хью считал, что с ним надо было посоветоваться – в конце концов, ему предстояло наследовать титул. Гертруда и Хью были согласны в том, что получать титул по наследству, а не по заслугам – сомнительная честь. Такое отношение к равенству и простой жизни, вероятно, было усвоено ими от квакеров Паттинсонов. Может быть, поэтому Хью решил написать матери, а не отцу.

Эта пожилая дама была уже больна, когда стала леди Белл, и прожила еще только год. Вскоре после этого смерть посетила семью еще раз: дядя Томми, непутевый брат Флоренс, погиб, попав под лондонский омнибус.

Вернувшись в Редкар, Гертруда была втянута в социальную работу Флоренс, как всегда происходило, если она слишком долго задерживалась дома. Вскоре после своей свадьбы ее мачеха начала масштабный проект, посвятив его Чарльзу Буту, который за несколько лет до того стал печатать свое масштабное исследование нищеты: «Жизнь и труд людей Лондона». За период почти в тридцать лет Флоренс и ее комитет опросили около тысячи семей, работающих на сталеплавильных заводах Кларенса, изучив жизнь этих представителей рабочего класса словно под микроскопом. Гертруда время от времени помогала комитету, опрашивая жен рабочих, а в восемьдесят девятом выполняя функции казначея в различных рабочих проектах. Позже, в отсутствие Флоренс, она организовывала ужины, читала лекции о своих приключениях, показывая диапозитивы, и устраивала рождественские праздники для рабочих.

Книга, которую Флоренс в конце концов напечатала в 1907 году, «На заводах», собрала в себе все факты и богатый исследовательский материал для тех, кто считал своей задачей бороться за перемены.

Труд Флоренс очень легко счесть неполным. Обнажив страдания, переносимые беднейшими семьями рабочих, особенно когда наступают тяжелые времена, она не углубляется в исследование трещин викторианского общества. Не предлагает лечения. Работу Флоренс компрометирует ее статус жены заводчика. Но считать так – значит игнорировать экстраординарный характер ее мужа и предприятий Беллов. Хью, капиталист и работодатель, не видел конфликта между хозяевами и рабочими – более того, он считал их необходимыми друг другу. Его люди получали хорошую зарплату и пользовались привилегиями, которых были лишены многие бедняки и те, кто трудился в непросвещенных сельскохозяйственных имениях. Хью продолжал дело своего отца – внедрять образование, а ведь именно недостаток образования лежал в основе трудностей хозяйства в плохо управляемых семьях. Хью был не просто либералом по складу мыслей, но активистом политики либералов. Он отстаивал мысль, что долг государства – заботиться о личностях. Он верил в важную роль новых тред-юнионов, считал, что работодатели должны поощрять их в общей заботе о благе рабочих. В основе этой политической философии уже лежал социализм, хотя ее и отвергали более марксистско-крайние деятели. Хью мечтал о государстве благоденствия, реализованном при его жизни Ллойд-Джорджем и Черчиллем в законодательстве о льготах для больных, безработных и пенсионеров. А для Флоренс было достаточно показать страдания рабочих, объяснить, как они возникают. То, что у нее была уникальная возможность доступа к рабочим, их женам и в их дома, связано с огромным уважением Хью к своей жене как человеку глубокого ума и большой целеустремленности.

Чтобы понять важность работы Флоренс, необходимо помнить, что в то время принятая в среднем классе точка зрения на рабочий класс была невежественной и морализаторской. Жены коммерсантов и леди на ужинах Лондона охотно соглашались с такими фразами, как «Я никак не могу сочувствовать рабочим, потому что они плохо смотрят за своими детьми и не поддерживают в доме чистоты. Дети умирают, и это вина матерей». Флоренс же так правдиво изложила факты из жизни рабочих и их семей, что ни один человек, прочитавший

«На заводах», уже не мог бы такого сказать. Ее миссия заключалась в том, чтобы распространять это должным образом, пусть даже она жена промышленника, состояние которого создали рабочие. Установив факты, Флоренс их анализировала. Ей удалось создать впечатляющий массив социальных исследований, оставив заключения социологам промышленно-сти и реформаторам, которые придут за ней. Точно так же эмоциональные мотивы она оставила другу семьи Чарльзу Диккенсу, у которого от Бога был дар – рисовать незабываемые лица и души бедных.

Читатели «На заводах» узнавали о беднейших из рабочих и о том, «как близко к краю пропасти идет человек, у которого в обычных условиях едва хватает денег на поддержание своего существования». Зарплаты варьировались от 18 до 80 шиллингов в неделю, и читатели узнавали, какая доля уходила на абсолютно необходимое: плата за съём жилья, уголь и дрова, за одежду и транспорт «там, где для многих между домом и работой лежит река, и ее приходится переплывать за полпенни на паровом пароме». Они узнавали, что запас еды, который семья из трех человек растягивает на семь дней, у более процветающей семьи уходит за два. Богатые часто упрекают женщин рабочего класса за измазанные в грязи подошвы. Флоренс открыла правду: они таким образом скрывают печальное состояние своей обуви. Она объяснила, как девушки-подростки идут замуж, полные надежды и радостного волнения, как потом постоянные роды подрывают их здоровье, угнетают дух и делают невозможными физические усилия, необходимые для уборки, шитья и готовки. «Не удивляет, что одежду приходится оставлять незащищенной, а пол – неподметенным». Флоренс описывает разрушение браков, когда усталый рабочий «начинает искать утешения и радости вне своего дома», жена поворачивает его жизнь не в ту сторону «не из-за дурных намерений, а просто потому, что не справляется с существованием, как бы ни боролась, к тому же на фоне разрушающегося собственного здоровья». Флоренс проводит напрашивающееся сравнение с женщиной среднего класса, которая может чистку и уборку переложить на кого-то другого. «Мы лучше все поймем, если признаем это и не будем себя обманывать. Если откровенно признаем: есть один кодекс поведения для богатых и другой – для бедных».

Супруги Белл, как гражданские лидеры и местные благотворители, строили залы собраний, библиотеки, школы и офисы. Флоренс признала, что в Миддлсборо нужно такое место отдыха, куда могли бы пойти вечером усталые рабочие, дабы отдохнуть от крика детей. Она хотела создать альтернативу пабу, где мужчины тратили слишком большую часть своей зарплаты и где часто возникали драки. В 1907 году Флоренс открыла «Зимний сад» – большой и хорошо обогреваемый современный зал, «светлый, яркий и радостный... открытый для всех и каждого, кто решится заплатить один пенни». Еще за пенни подавали чай и бисквит, но алкоголь не подавали. На открытии Хью произнес свою обычную изящную речь: нет позиции, которую он хотел бы тут занять, сказал он, кроме позиции «собрата-рабочего, капитана индустриальной армии, которой я командую», и он надеется, что «Зимний сад» улучшит и осветит жизнь солдат этой армии. Женщины также приглашались, хотя Флоренс понимала, что по большей части они должны по вечерам оставаться дома – кормить детей и присматривать за ними, но, радостно заметила она в первый день, «женщин здесь много».

Хью взял на себя издержки по расчистке площадки и возведению здания, а дальнейшая сумма в 2070 фунтов была собрана на месте. Готовый зал декорировали висячими корзинами цветов и обставили бильярдными столами, рядами сидений и столами с газетами и журналами. В будни и выходные происходили соревнования духовых оркестров, выступали певцы и бродячие артисты всех сортов. После рабочих часов там всегда былолюдно, и когда Флоренс туда заглядывала, ее обычно просили поиграть на пианино и исполнить песню. «Зимний сад», впоследствии переименованный в «Сад Дамы Флоренс Белл», сразу стал успешным и оставался таким и дальше. На одну из годовщин свадьбы Хью преподнес Флоренс документ на право владения зданием.

Гертруда в этом и участвовала, и нет. Наблюдая вблизи, чего стоит посвятить себя улучшению жизни людей и постоянно настраиваться на сочувствие, видя, какая нужна выносливость, чтобы год за годом тянуть этот воз, не ожидая благодарности, она поняла, что такая работа не для нее. Эта территория принадлежала Флоренс. Гертруда, тактично признавая огромные достижения мачехи на данном поприще, начала поглядывать в сторону. Ее собственные интересы являлись международными, а не местными, и вклад ее должен был быть сделан в мировом масштабе.

Ее взгляды отшлифовались в долгих дискуссиях с отцом. Гертруда уже имела твердые суждения по поводу многих злободневных вопросов. Она жаждала дебатов и надеялась их найти на множестве обедов и ужинов, куда теперь бывала приглашена. Но, сталкиваясь с «обычными» взглядами «обычных» людей, она часто злилась на их непонимание и неумение увидеть вопрос с ее точки зрения. Домой из Лондона Гертруда писала: «Хватит с меня этих обедов, где люди все время говорят “Я думаю”». Ей хотелось говорить с людьми, знающими факты или готовыми их открывать. Легко представить ее на званом обеде – как она вертится на своем стуле между двумя доброжелательными взрослыми, изо всех сил стараясь сбросить с рельсов медленнодвигающийся к обычным заключениям поезд застольной беседы. Если темой разговора была свобода торговли, то дискуссия могла происходить примерно так:

СОСЕД. Если снять пошлины на импорт, начнется ужасная безработица, потому что с дешевой рабочей силой из-за границы мы конкурировать не можем.

ГЕРТРУДА. Чушь. Почему вы так решили?

СОСЕД. Потому что, дорогой мой молодой друг, закроются наши заводы.

ГЕРТРУДА. Заводы могут закрыться, но это не обязательно повлечет за собой широкий рост безработицы.

СОСЕД. А как вы пришли к этому заключению?

ГЕРТРУДА. Если Британия сможет закупать дешевый хлопок из Индии, у населения останется больше денег, которые можно будет потратить на товары, сделанные в Британии.

СОСЕД. А что станет с бедным фермером, у которого исчезнет источник средств к существованию?

ГЕРТРУДА. Он переедет в Миддлсборо, научится на заводах в Кларенсе выплавлять чугун и заработает больше денег приобретенными умениями.

Гертруда, будучи дочерью Флоренс не менее, чем Хью, часто ввязывалась в дискуссии о рабочем классе. Она была либералкой и последовательницей Гладстона и свои взгляды на современные политические противоречия формулировала с помощью логических рассуждений и здравых исторических перспектив. Ко времени поступления в университет ее в смысле поведения в обществе можно было сравнить с ручной гранатой.

В 1886 году в Оксфорде студенты еще ездили на двуколках, доктор Джоуэтт возглавлял «Баллиол», а в четырехугольнике Крайст-Черча еще можно было заметить иногда фигуру Льюиса Кэрролла. Хотя в университете было два женских колледжа, он продолжал оставаться бастионом женоненавистничества. В возрасте восемнадцати лет Гертруда вошла в почти исключительно мужской мир под руководством первой директрисы Леди-Маргарет-Холла, мисс Элизабет Вордсворт, внучатой племянницы поэта. Но даже там, где вроде бы должна процветать эмансипация, оказалось, что женщинам, входящим в мужской колледж, совершенно необходимо сопровождение – как и в случае, когда они принимают у себя мужское или смешанное общество. Мисс Вордсворт была осторожной. Женщина, говорила она, задумана как «помощница Адама» и должна заниматься «изящными мелочами». Гертруда неохотно согласилась на обучение изящному почерку и «умению закрывать и открывать двери». С другой стороны, она повсюду разъезжала на велосипеде и входила в любой

круг, согласный ее принять. Она плавала, гребла, играла в хоккей и на сцене, танцевала и выступала на диспутах, но все равно ей приходилось тратить драгоценные часы на работу с иголкой. Гертруда быстро научилась сопоставлять необычайную свободу, в которой была воспитана, с поведением, принятым в более широком мире. «Я сегодня собираюсь на званый чай у Мэри, познакомиться с одним ее родственником, который заодно директор “Веллингтона”. Она так несчастна, потому что мисс Вордсворт объявила, что лучше будет принять его в общей гостиной! А это и вполтину не так хорошо, как чай у себя в комнате...» Ее комната была довольно невзрачна, но вскоре кровать и пол оказались усеяны привычной мешаниной из книг и бумаг. Гертруда попросила Флоренс сказать садовнику, чтобы передал ей на поезде горшок с подснежниками.

Присутствие дам повергало университет в печаль. Он не давал женщинам полного членства до 1919 года, а Кембридж и потом еще отказывался. Почти все студенты в те времена считали университет чем-то вроде объединения чисто мужских клубов, дающих прекрасные знакомства для будущей карьеры в армии, парламенте, в церкви империи. Женщины в этом никак не участвовали, как и в проведении досуга: пьянство, игра, скачки – или погоня за прекрасным полом. Мужское общество управлялось мужчинами и было создано для мужчин, а присутствие женщин противоречило самим его основам, озадачивало, будто сестры и матери приехали в университет и мешают вести себя так, как положено мужчинам в отсутствие женщин.

Это был век, когда даже ножки рояля драпировали, чтобы не казались слишком провокационными. Мысль, что женщины – низшие существа, была неотделима от преподавания в Оксфорде. Чтобы девушка получила разрешение на посещение лекций и сдачу определенных экзаменов, нужно было отдельное прошение. «Перегрузка [женских] мозгов, – писал философ того времени Герберт Спенсер, – приведет к дефициту репродуктивной способности». «Низшей перед нами сотворил тебя Господь, и низшей перед нами останешься ты до конца времен», – гремел с кафедры Нью-Колледж-Чепел декан Джон Бергон. Когда один из тьюторов, мистер Брайт, заставил женщин в аудитории сесть к нему спиной, у Гертруды затряслись плечи. Почти сразу захихикали все три девушки, и вскоре все они неудержимо смеялись. Но это, сообщила Гертруда отцу в письме, была проблема мистера Брайта, а не ее.

Она работала ежедневно по семь часов, но домой писала:

«Объем работы безнадежен. Вот на прошлой неделе я должна была прочесть биографию Ричарда Третьего, еще одну биографию Генриха Восьмого в двух томах и все ту же историю Хэллама и Грина от Эдуарда Четвертого до Эдуарда Шестого, третий том Стаббса, 6 или 7 лекций мистера Лоджа, просмотреть несколько лекций мистера Кэмпбелла за прошлый семестр и несколько лекций мистера Брайта, и наконец – написать 6 эссе для мистера Хассела. Вот я и спрашиваю: это возможно?»

И вот Гертруда, одетая в свободное черное платье, развевающееся вокруг шнурованных ботинок, надвинув шапку с кисточками на собранные в пучок волосы, в колонне по два шла вместе с прочими студентками ЛМХ через Университи-парк к Баллиол-колледжу на первую лекцию по истории. В аудитории находились две сотни парней, занявших все скамьи. С поразительной антикуртуазностью они остались сидеть и отказались двинуться с места. Девушек провели наверх к платформе, где стояли стулья рядом с кафедрой преподавателя. В конце лекции мистер Лодж повернулся к студенткам и спросил с невыносимо снисходительным видом: «Ну-с, что юные леди сегодня усвоили?» Блеснули зеленые глаза, и Гертруда громко отрапортовала: «Вряд ли что-нибудь новое. Мне кажется, вы ничего не добавили к тому, что написано в вашей книге».

Раздался громовой смех, и атмосфера, наверное, слегка разрядилась.

Уверенность в себе у Гертруды была необычайная. Однажды посреди устного экзамена она затеяла с профессором спор относительно местоположения одного немецкого города: «Простите, но он на правом берегу. Я там была, и я знаю».

В другой раз она обидела выдающегося историка, профессора С. Р. Гардинера, перебив его рассуждения: «Боюсь, что должна дистанцироваться от вашей оценки Карла Первого». Мисс Вордсворт вздрогнула, когда ей это пересказали. «Да тот ли это человек, которого захочется иметь возле своей постели, если заболеешь?» Но в планы Гертруды не входило играть роль сиделки. Она отработала заключительные экзамены в два года вместо обычных трех, назвала сами экзамены «восхитительными» и прямо после них пошла играть в теннис. Потом она поехала в Лондон покупать изумрудное шелковое платье для бала в День поминовения и вернулась в огромной соломенной шляпе, украшенной махровыми розами. Вскоре ей сообщили, что она блестяще заняла первое место.

Диплом первого класса – вершина интеллектуальной квалификации. Хорошее второе место дается за прилежание в трудном освоении знания и за детальные ответы на вопросы экзаменатора. Студент первого класса должен уметь выходить за рамки принятых на сегодня теорий и исследовать новые горизонты знания, без колебаний бросая вызов самым изощренным в данном вопросе умам. Гертруда была первой женщиной, получившей диплом первого класса по современной истории – оценка выдающихся качеств ее ума.

Есть лимерик тех времен (автор неизвестен), который мог бы быть написан о Гертруде кем-то из знавших ее студентов.

I spent all my time with a crammer
And then only managed a gamma,
But the girl over there
With the faming red hair
Got an alpha plus easily – damn her!⁴

Гертруда считала себя деятельной, а жена одного из ее тьюторов – «чопорной». На этом этапе и в этом возрасте можно найти в ее характере параллели с литературной героиней Э. М. Форстера Люси Ханичерч из романа «Комната с видом» (напечатан в 1908 году). Гертруда нетерпима, видит себя восхитительно не похоже на других и полна возвышенных идеалов. Она любит общество мужчин, и у нее уже возникла привычка, которая останется на всю жизнь, воспринимать их жен как «зануд». С другой стороны, на их оживление и увлеченность она смотрит так скептически, будто ей пятьдесят, а не девятнадцать. «В гостинице вместе с нами собрался один кружок читателей из Оксфорда... судя по шуму, который они поднимают, чтению они уделяют очень мало внимания».

Женщины, которых Гертруда встречала в Оксфорде, были куда больше ей по вкусу, чем ее прежние соученицы, хотя одна из новых подруг, Эдит Лэнгридж, пришла из Куинс-колледжа, как и она сама. Ей нравилась Мэри Талбот, племянница директора колледжа Кеббл, но ее лучшей подругой стала Джанет Хогарт. Брату Джанет, археологу и арабисту Дэвиду Хогарту, также предстояло сыграть существенную роль в ее жизни. Джанет рисует пронизательный портрет девятнадцатилетней Гертруды:

«На мой взгляд, другого столь блистательного создания среди нас не было. Невероятно живая во всем, с неисчерпаемой энергией, блестящим жизнелюбием, неограниченной жадностью к работе, к разговору, к игре. Она всегда была странной смесью зрелости и детскости, взрослая в своих суждениях о делах и людях, подобная ребенку в решительности убеж-

---

⁴ Учился я круглые сутки, На тройку старался я жутко. А эта вот рыжая, Такая бесстыжая, Пятерки брала ради шутки.

дений и вся погруженная в свою цельную веру в отца и мир живого интеллекта, в котором была возвращена».

Но более всего освещает для нас душу Гертруды Флоренс, та милейшая женщина, которой было доверено необычайное и разумное дитя – Гертруда, которая нарушила собственные правила и сделала так, что ее падчерица получила образование наравне с мужчинами. Флоренс воспитывала трудного ребенка с огромной чуткостью и осторожностью, когда один неверный шаг мог превратить девочку в бунтовщицу. Она направляла жизнь падчерицы, смотрела, как эта жизнь отделяется от ее собственной в непредвиденных, но положительных направлениях, и это она чувствовала себя превзойденной, глядя на приключения и карьеру Гертруды. Флоренс никогда не сетовала, что Гертруда стала в большей степени космополитом, чем она, лучшим писателем и лучшим администратором, чем она, пользовалась большим почетом как интеллектуал, большим восхищением, если не любовью, стала более знаменитой и более влиятельной. Гертруда, в свою очередь, начала любить Флоренс – хотя и не в такой степени, как отца, – как человека, с которым хочется в жизни быть близко, которого хочется иногда защитить от знания о собственных опасных приключениях. Письма ее к отцу обычно более полны чувства и нежности, как и письма Флоренс к ее собственным детям, Эльзе, Хьюго и Молли, показывают большую близость между ними и матерью. Согретая нежностью, но не ослепленная любовью, Флоренс писала о падчерице после ее смерти: «...На самом деле реальной основой натуры Гертруды была ее способность глубоко чувствовать. Великие радости были у нее в жизни, но и великие печали тоже. Как иначе могло быть у человека, чей темперамент был так жаден к опыту? Ее пылкая магнетическая личность на ходу увлекала за собой других».

Глава 3

Цивилизованная женщина

Ставшая первой женщиной, получившей первое место по современной истории, Гертруда с ее триумфом попала в объявления «Таймс». Встретившись с этой интеллектуально надменной и обладающей порой огромным самомнением девицей, вернувшейся после Оксфорда в Ред-Барнс, Флоренс сказала Хью, что надо будет убрать эту «оксфордскую манеру», иначе никто на ней не женится. Флоренс была настроена одомашнить Гертруду и объяснить, что жизнь – это не только сдавать экзамены и выигрывать споры. Но прежде всего девушка заслужила отдых.

Ей предстояло поехать в гости к тете Мэри, сестре Флоренс, в Бухарест, где ее муж сэр Фрэнк Ласселс служил британским посланником в Румынии. Мэри очень любила Гертруду и находила ее забавной, а ее дочь Флоренс, названная в честь Флоренс Белл, была одной из лучших подруг Гертруды. У Ласселсов было еще два мальчика: Билли, только что закончивший Сэндхерст и ждущий назначения в гвардию, и его младший брат Джеральд. Билли, первый объект «случайного флирта» Гертруды, встречал Хью и Гертруду в Париже и далее провожал ее без всякого другого эскорта до Мюнхена, где им предстояло встретиться с Джеральдом и продолжить путь в Восточную Европу.

Гертруда была невероятно взволнована и ожидала оказаться на вершине счастья. Она за последние пару лет постройнела и была уже не расхристанным подростком, а ухоженной девушкой с великолепными каштановыми мягкими волосами. Кудри, спадающие от заколок, смягчали эффект ее пронзительного взгляда. Наступило Рождество, а Бухарест 1888 года являлся одной из самых развитых и светских столиц Европы. Ядром его жизни был двор и посольства. Гертруда привезла с собой чемоданы восхитительных модных платьев для четырехмесячного вихря балов, обедов и театров, куртки с меховыми воротниками и белые шнурованные ботинки для катания на коньках в лесу, индийские шали, муфты и митенки для санных экспедиций в горах со средневековыми замками и ярко раскрашенными гостиницами.

Вскоре Ласселсы представили ее королю Каролю и королеве Елизавете, и с этой печальной и красивой королевой у Гертруды возникла мимолетная дружба. Королева, более известная под литературным псевдонимом Кармен Сильва, пользовалась куда большей популярностью, чем ее суровый и, в общем, прозаичный супруг. «Король так похож на всякого другого офицера, – писала Гертруда кузену Хорейсу, – что я никак не могла запомнить, кто он, и только милостивое провидение уберегло меня от попытки дружески кивнуть ему несколько раз за вечер, спутав с кем-нибудь из моих многочисленных знакомых... мы с Билли однажды танцевали вальс совсем рядом с ним. “Король! На ногу ему не наступи!” – прошептал мне Билли – но было поздно». Многие дебютантки о первой встрече с особой королевской крови рассказывают односложными восклицаниями, но Гертруда демонстрирует здесь свою способность разговаривать с важными людьми, не становясь ни застенчивой, ни развязной:

«Невозможно себе представить, как обаятельна королева. Вчера мы ездили на благотворительный бал... она приехала туда и долго разговаривала с тетей Мэри и со мной и наконец дала мне 10 франков и послала покупать билеты благотворительной лотереи... мы уже долго разговаривали с королевой, когда до меня вдруг дошло, что это действительно королева... но она не стала бы со мной беседовать, если бы ей того не хотелось. Она рассказала мне, как проводит зиму, – звучало просто ужасно. Бедная женщина».

Ласселсы много ездили по стране, любясь пейзажами, и брали с собой Гертруду. Ее развлекали страстными, почти бурными дебатами в кабинете министров, а многие поздние развлечения и балы вполне оправдали ее надежды. Она хорошо танцевала, знала все па и даже научила секретарей посольства новому танцу – бостону. Она писала Флоренс, что в Румынии партнера выбирают иначе:

«Здесь не танцуют с одним человеком. Получается так: партнер подходит и приглашает тебя на тур. Ты с ним три-четыре раза танцуешь вокруг всего зала, он тебя сбрасывает на руки твоему шаперону, изящно кланяется – и тут подходит кто-нибудь другой, и тебя уводят. Все офицеры, конечно же, в мундирах, в сапогах со шпорами, но танцуют так умело, что никого не царапают совершенно... Не могу даже попытаться рассказать тебе, с кем я танцевала, потому что всех запомнить невозможно».

В эти вечера Гертруда танцевала без остановки до трех ночи, а потом все возвращались в каретах домой по освещенному луной снегу, завернувшись в одеяла, позвякивали бубенчики лошадей, кареты мчались по обледенелым мостовым. В теплой гостининой посольства ждали сэндвичи и горячие напитки, и все еще сидели часок у огня, обсуждая тех, кого сегодня видели. Здесь Гертруда оказалась в более утонченном и космополитичном кругу, нежели тот, с которым познакомилась под внимательным надзором Флоренс. Она удивилась, узнав, что в обществе принимают разведенных женщин. Не украшенная косметикой, как и положено порядочной юной леди тех времен, Гертруда была поражена игривостью фрейлины королевы, которая совершенно открыто пудрилась – и мазала пудрой лица всех молодых людей, которые болтались возле двери гардеробной. Среди толпы графов и князей, секретарей и послов Гертруда познакомилась с двумя людьми, которым предстояло сыграть в ее жизни важную роль: Чарльзом Хардингом из британского посольства в Константинополе, впоследствии вице-королем Индии, и тридцатишестилетним Валентайном Игнатием Чироллом, иностранным корреспондентом «Таймс». Чиролл, близко друживший с Ласселсами, стал одним из самых лучших друзей Гертруды. Она будет писать ему со всех концов света, и эти отношения прервутся лишь с ее смертью. Со своим любимым «домнулом» (по-румынски – господин) она делилась эмоциями и дилеммами, о которых не могла поговорить с родителями. Сперва ее пленила широта его знаний международной политики. Он, в свою очередь, был поражен пытливым и агрессивным стилем ее разговора, на который очень быстро стал отвечать в тон. Свою карьеру Чиролл начинал клерком в министерстве иностранных дел, потом, вооруженный знанием дюжины языков, выбрал себе жизнь путешественника, лектора и писателя, передавая в Уайтхолл важную информацию. Он стал экспертом по всем аспектам мощи Британской империи и угроз ей, а впоследствии – редактором иностранного отдела «Таймс».

Независимый нрав Гертруды иногда создавал ей проблемы. Однажды, слушая спор между дядей и одним иностранным государственным деятелем, она вмешалась в разговор, обратившись к французу так: «Il me semble, Monsieur, que vous n'avez pas saisi l'esprit du peuple allemand»⁵. По собранию пробежал гул неодобрения, и только Чиролл улыбнулся. Тетя Мэри в ужасе отозвала Гертруду в сторону и велела ей удалиться. Флоренс, описывая этот инцидент через двадцать пять лет, согласилась с реакцией сестры: «Несомненно, что... со стороны Гертруды было неправильно выступать со своим мнением, тем более критическим, перед теми, кто превосходил ее по возрасту и опыту». Однако потом она добавляет: «Но впереди было время, когда многие выдающиеся зарубежные государственные деятели не только слушали ее мнения, но и принимали их и действовали соответственно».

Однако пришел конец и румынским каникулам, и четыре счастливых месяца Гертруды завершились поездкой с Ласселсами в Константинополь. К еще большему ее удовольствию,

⁵ Мне кажется, мсье, вы недопонимаете дух немецкого народа (фр.).

их сопровождал Чирол, показывая много прекрасных экзотических мест, которые обычно туристы не видят. Билли провез Гертруду на веслах в кайке через Золотой Рог. «Это было восхитительно – низкое солнце поблескивало на воде, возвращая цвет поблеклым турецким флагам военных кораблей и превращая каждый минарет Стамбула в ослепительную марморную колонну», – писала она домой.

Вскоре Гертруде предстоял «выход в свет» дебютанткой в Лондоне – ритуал для девушек из состоятельных семей, входящих в «общество» со школьной скамьи, – и представление королеве на приеме, который называется «гостиная». Но пока что, в Редкаре, Флоренс приводила в действие свою угрозу одомашнивания Гертруды. Для людей здравомыслящих, вроде Флоренс и Хью, мужчины являются нравственными, если посещают церковь, а женщины – когда содержат дом в чистоте и порядке. Но женщины интеллектуальные, заполняющие свою жизнь «мужской работой» (политические дебаты, деловые встречи, кампании) и в то же время пренебрегающие детьми, мужьями и домом, – безнравственны определено. Чарльз Диккенс дал незабываемое описание этого типажа в лице миссис Джеллиби в «Холодном доме». Это особа с необычайно сильным характером, всецело посвятившая себя «обществу», в особенности – своему «Африканскому проекту». Платье на ней незастегнуто, волосы причесаны только спереди. В комнате грязь и разбросаны бумаги, голодные дети вертятся вокруг и хнычут, а тихий и скромный мистер Джеллиби, начисто лишенный мужественности от долгого общения с этой амазонкой, тихо сидит в углу и пытается унять головную боль, прижимаясь лбом к стенке. Гертруда может быть синим чулком, думала про себя Флоренс, но миссис Джеллиби она не станет.

Вынужденная совершать иногда некоторые путешествия, Флоренс поручила падчерице заниматься тремя младшими. Гертруде необходимо было учить их истории, вести дом и руководить слугами, записывать расходы в бухгалтерские книги и следить, чтобы все было в порядке, когда по вечерам Хью возвращался из Кларенса. Морис был в Итоне и должен был там оставаться до своих девятнадцати лет. Гертруда, любившая общество детей и очень нежно относящаяся к братьям и сестрам, делала абсолютно все, что нужно, хмурилась над счетами, навещала женщин в Кларенсе и организовывала для них развлечения, пыталась работать иглой и посылала Флоренс отчеты о своей ежедневной деятельности. «Я вышла в сад освежиться, но тут же явились детки, которые заявили, что они – бароны и сейчас меня ограбят. Я была несколько удивлена таким взглядом на функции аристократии... мы все играли в скакалочку... Молли недавно весьма шокировала мисс Томпсон [гувернантку], спросив ее, как будет по-французски “У этой лошади колер!”».

Сама не очень хорошая кухарка, Гертруда научила Молли и Эльзу печь лепешки и имбирные пряники. В промежутке между домашними делами она брала уроки танцев, читала «Джонсона» Суинберна и иногда оставляла детей на слуг и ездила к леди Оллифф на Слоун-стрит подгонять платья для лондонского сезона. Труды над счетами наводят на мысль, что Флоренс особо подчеркивала важность домашней экономии и старалась научить падчерицу понимать цену денег. По письмам Гертруды того периода невозможно предположить, что они написаны наследницей шестой по богатству британской семьи.

«По поводу передников для девочек. Хант [их нянька] хотела бы иметь один для Молли из батиста, 16 пенсов за ярд, 40 дюймов шириной, еще два хлопчатобумажных, они лучше отстирываются, 13 пенсов, 38 дюймов ширины. Еще две вставки, одна за 6 пенсов, не очень красивая, и одна за 10, действительно красивая. Но она на 4 пенса за ярд дороже... Мистер Гримстон говорит, что не может нам поставлять баранину за 9 пенсов фунт, она теперь подорожала. Я спрашивала у других мясников и выяснила, что они продают ее минимум по 10 пенсов за фунт...

Я заплатила всем, кроме мясника, тем, что ты послала, и еще остался фунт, который я сохранила до следующего раза... сегодня я ездила в Кларенс и договорилась о лекции по

уходу за детьми на завтра... Потом сделала несколько визитов и домой вернулась с папой в 4.35. Потом мы с Молли собирали первоцветы».

Выполнив семейные обязанности, Гертруда переехала в Лондон для своего «выхода в свет». На тех приемах, домашних вечеринках и балах, куда приглашали девушек, им представляли ряд подходящих холостяков из официального списка, из которых, как предполагалось, они найдут мужей. В обязательном белом платье с треном, с высокими белыми перьями, надежно закрепленными в рыжих волосах, Гертруда приехала в Букингемский дворец с Флоренс и Хью в медленно ползущей череде карет и сделала свой официальный реверанс стареющей королеве. В плотном сопровождении она посещала вечера в десятке главных домов, в том числе у герцога Devonshire, в семействе Лондондерри и Стэнли, гостила на Одли-сквер у лорда и леди Артур Расселл, среди многочисленных детей которых числилась ее близкая подруга Флора, ездила в Аскот в великолепной шляпке, присутствовала на крикетном матче между Итоном и Хэрроу и проводила уик-энды в загородных домах. Флоренс она писала: «Помнишь, мы обсуждали, как другие девушки проводят свои дни? Теперь я это узнала: они спешат из одного дома в другой на крикетные недели, что означает целый день крикета и целую ночь танцев...» Ей нравились разговоры с разными людьми. «Приехал лорд Карлайль и сел возле меня. Мы говорили о футболе и о церкви! Он был удивлен, сколько я знаю церковных сплетен, а я – что он вообще знает о футболе. Еще должна сказать, что я была в очень красивом платье, которое имело большой успех».

Как Оксфорд казался ей тесным после той свободы, которой она наслаждалась дома, так и теперь лондонское общество связало ее условностями, которые не так строго соблюдались в Бухаресте. Поскольку аристократические фамилии, такие как Сесилы, Говарды, Кавендиши и Стэнли, правили обществом, наличие или отсутствие приглашений от этих социальных арбитров говорило о степени принятости девушки в обществе. Гертруде более всего досаждала, как это было и в школе, и в университете, необходимость сопровождения при каждом выходе из дома, пусть даже в картинную галерею или церковь. Привыкшая галопировать по всему Йоркширу, перемахивая на охоте через изгороди, теперь она в гостях в деревне должна была медленно рысать в кавалькаде среди других гостей, грумов и семейных кучеров, держась в тесной группе. Ей приходилось осторожно выбирать книги, с которыми ее могли увидеть, и даже выслушивать порицание за чтение «Ученика» Бурже. И тот факт, что она читала книгу на французском, не спас ее от упрека: в романе выведен ученик, применяющий натуралистические теории своего учителя в повседневной жизни.

Время от времени Гертруда вырывалась из плена. Ее добрая подруга по школьным временам Мэри Талбот, праведная женщина, которой предстояло выйти замуж за будущего епископа Чичестерского, посвятила свою трагически краткую жизнь работе в трущобах лондонского Ист-Энда. Понимая, несомненно, насколько начинают расходиться их жизненные пути, однажды Гертруда ускользнула от своих сопровождающих и вызвала недовольство Флоренс, поехав самостоятельно на новой подземке в Уайтчепел, где провела восхитительный день, сопровождая Мэри в ее обходах.

Флоренс выразила неодобрение по поводу флирта Гертруды с Билли Ласселсом. Тот факт, что они кузены, сказала она, не дает Гертруде права пренебрегать условностями, тем более что Билли много времени проводит в Лондоне, пока его родственники путешествуют за границей. Гертруда пользовалась доверием в том смысле, что она будет вести себя прилично, хотя это часто ее раздражало. «Мы с Билли сидели в саду и долго разговаривали. Он хотел взять меня с собой в Паддингтон и отослать обратно в кебе. Не бойся, я не поехала – а что бы случилось, если бы поехала? Было десять часов». Еще один кавалер, некто капитан Икс, повез ее на выставку и отвез домой в кебе. Гертруда писала Флоренс: «Надеюсь, я тебя не шокировала». Если капитан рассчитывал на флирт, то его ждало разочарование. «Я всю дорогу туда рассуждала о религиозных верованиях, а всю дорогу обратно – о весьма мета-

физических понятиях истины... очень люблю говорить с людьми, когда у них есть желание говорить разумно и о том, что хочется обсуждать». Когда Флоренс высказала ей упрек за нескромность поведения, Гертруда ответила обезоруживающе: «Вряд ли много внимательных знакомых видели меня в воскресенье, это был очень суматошный день. Я уверена, что тебе он бы не понравился, но знаешь, и мне тоже нет!»

Когда с течением времени Гертруде самой пришлось сопровождать Эльзу и Молли на танцы в Лондоне, она очень радовалась, помогая им одеваться в парадные платья, но вскоре ей надоело, что за ними нужно все время присматривать. Вспомнив замечание Флоренс на майских балах насчет того, какой старой она себя чувствует, присматривая за молодыми, Гертруда ей написала: «Я сидела и смотрела, как они танцуют, и понимала, как ты чувствовала себя в Оксфорде».

Какой была Гертруда в свои двадцать с лишним? Увлекает мысль, что мы можем иметь некоторое ее описание, сделанное тонким аналитиком характеров Генри Джеймсом. Этот писатель был хорошим другом Флоренс и Элизабет Робинс, Гертруда с ним несколько раз виделась: иногда как с гостем семьи Белл и неоднократно на обедах у Расселлов, где он тоже был частым гостем. Слушая, как он смеется над романом миссис Хэмфри Вард, она сказала, что он «настоящий критик – такой умеренный, такой справедливый и такой презрительный! Каждая фраза вонзалась в голову, как гвоздь, и это был гвоздь в крышку гроба, где лежала репутация миссис Вард как писателя». О герое романа Джеймс заметил: «Тень. Персонаж, отложенный на неопределенное время, он не приходит ни к чему». Вряд ли простодушный и очень прямой характер Гертруды остался Джеймсом не замеченным, и очень хочется сравнить ее с Нандой, героиней романа «Неудобный возраст», выпущенного не сколько лет спустя, в 1899-м. Гертруда могла быть среди молодых леди, которые его вдохновили. Флоренс Белл была сторонницей и confidentкой Джеймса в борьбе за успех в театре, и в 1892 году главную героиню своего рассказа «Нона Винсент» он списал в основном с нее.

«Неудобный возраст» создан на материале чуть более раннего периода жизни Джеймса, когда он был закоренелым завсегдатаем лондонских гостиных. Он касается «иногда ужасного, часто запаздывающего, но никогда полностью не останавливаемого выдвижения на первый план» дебютантки и «“сидения вниз”, начиная с определенной даты, жестокосердной девы, прежде стоявшей на возвышении, – ситуация, которая может легко ощущаться как кризис [из-за] того, что в кругу, где свободно велась речь, приходится теперь принимать во внимание присутствие новой, невинной, совершенно неакклиматизированной личности».

В его юмористическом повествовании показан утонченный круг взрослых, «озадаченных внезапным появлением открытого ума и пары ясных любознательных глаз, с которыми отныне приходится считаться». В мире Джеймса – мире полутемных гостиных и тонких подтекстов – Нанда торчит бескомпромиссной фигурой, вопрошающей, своеобразной, честной до неловкости. «Не такая хорошенькая», как маленькая красивая Эджи, она «владеет собой... искренняя... забавным образом лишена робости и легкомыслия... нелегко обескураживаемая» и в разговоре проявляет «жестокую ясность юности». Глаза из-под «шеренги светлых волос» смотрели на собеседника «с мягкой прямоотой», которая «создает красоту всего остального». Она предпочитала, когда есть возможность, ходить пешком, а не ездить в карете.

До двадцати четырех лет Гертруда дожила, ни разу по-настоящему не влюбившись, – состояние, которое вряд ли могло продолжаться долго. Она три года жила в обществе, но у нее был слишком решительный характер, слишком острый ум и слишком резкое критическое отношение к менее развитым личностям и умам, ее окружающим. Многие ее родственники относились к ней с высочайшим почтением – если не за ее социальное положение, то за ее интеллект, а Гертруда, подобно многим дочерям влиятельных и знаменитых отцов, не умела

скрывать ощущение превосходства по отношению к мужчинам, которым было не сравниться с Хью. Она, видимо, это осознавала и не могла избавиться от некоторого давления ожиданий своей семьи – и ожиданий, вызванных семьей. Она была женственной, привлекательной, живой, она была готова стать счастливой, но у нее в голове отложилось, что веселее всего ей жилось в Бухаресте и там она пользовалась наибольшим восхищением. Когда тетя Мэри снова пригласила ее к Ласселсам, на этот раз в Персию, Гертруда пришла в восторг. Это будет ее первая встреча с Востоком.

Узнав, что «его превосходительство» сэр Фрэнк готов поехать послом в Тегеран, Гертруда сразу же принялась учить язык. Лорд Стэнли из Олдерли – семья, в которую после замужества попала тетя Мэйзи, – стал ее первым учителем персидского языка, а потом она посещала Лондонскую школу восточных исследований. Уезжая через полгода в Персию, Гертруда уже понимала устную речь. Вместе со своей двоюродной сестрой Флоренс она поехала на поезде из Германии через Австрию в Константинополь, потом через Тифлис и Баку вокруг Каспийского моря. Ощущение бегства и восторг росли с каждой пересекаемой границей, и когда Гертруда ступила на землю Персии, то почувствовала, будто родилась заново.

В первый же день, выехав из Тегерана на восходе, она отправилась со своим проводником на гребень горы. И оттуда увидела внизу ландшафт, показавшийся ей самым красивым на свете. Этот момент выкристаллизовался в ее письме к кузену Хорейсу Маршаллу от 18 июня 1892 года – момент чистого восторга, и в нем слышится почти мистическая нота, когда Гертруда входит в края дикой природы, которой предстояло стать ее духовным домом:

«О эта пустыня вокруг Тегерана! Мили и мили, где не растет ничего, совсем ничего, обрамленные суровыми голыми горами со снежными шапками, изрытые глубокими руслами потоков. Я не знала, что такое пустыня, пока не приехала сюда. Это чудеснейшее зрелище, и вдруг посередине всего этого, из ничего, из капли холодной воды возникает сад. И какой сад! Деревья, фонтаны, пруды, розы и посреди – дом, такой, как бывал в детстве в волшебных сказках: выложенный зеркальной мозаикой красивыми узорами, синей плиткой, укрытый коврами и наполненный гулками звуками фонтанов и бегущей воды...»

Связанная дома ограничениями и условностями, на Востоке Гертруда становилась самой собой. Ее дух парил, а восприимчивость к природе и жизни расцветала так, что ей пришлось признать в себе наличие двух Гертруд. Отчасти это чувство различия объяснялось тем, что здесь было мало правил и мало ожиданий. Она вышла из сумрака Беллов на свет независимости. Это ее несколько смирило и привело к осознанию того, чего дома она бы не осознала:

«Мне интересно: остаемся ли мы теми же людьми, когда меняется окружающая обстановка, связи, знакомства? Вот то, что есть я, что есть пустой сосуд, который проходящие мимо наполняют чем хотят, здесь наполнен таким вином, о котором я никогда не слышала в Англии... Как велик мир, как велик и как чудесен! Мне теперь кажется до смешного самонадеянной мысль, что я свою мелкую личность смею пронести через половину его и наивно пытаюсь измерить... то, к чему вряд ли применима какая-либо система мер.

Каждый волшебный день начинался с двухчасовой загородной верховой прогулки, потом холодная ванна, ароматизированная розовой водой, потом завтрак, поданный под тен-том в саду посольства. А впереди – море удовольствий: экспедиции и прогулки по живописным местам, прекрасные долгие обеды, лежание в гамаке с книгой, игры и развлечения, неистовые танцы вечером и ужин в удивительных дворцах-павильонах до утренней прохлады. Да и просто ехать верхом или править каретой на улицах было уже откровением.

В этой стране женщины поднимают вуаль – и на тебя смотрит «Мадонна» Рафаэля... мне стыдно чуть ли не перед попрошайками на улице: они носят свои лохмотья с большим изяществом, чем я – лучшие свои наряды, а вуали женщин из самого простонародья (вуаль

– это пробный камень для туалета дамы) куда лучше надеты, чем моя. Вуаль должна спадать от макушки до пят, в этом я уверена, и не должна быть прозрачной».

И наконец к ней пришла любовь в лице обаятельного секретаря посольства, Генри Кадогана, старшего сына почтенного Фредерика Кадогана и внука третьего графа Кадогана. Гертруда его описывает в письмах так подробно, что подобный интерес наверняка насторожил Флоренс заранее. Это был мужчина тридцати трех лет, «высокий, рыжий и очень тощий... умный, отлично играет в теннис, еще лучше на бильярде, энтузиаст безика, предан верховой езде, хотя ездить не умеет совершенно... сообразительный, аккуратный, хорошо одетый, смотрит на нас так, будто мы для того и существуем, чтобы он на нас глядел и веселился». Генри был хорошо образован – даже учен, а внимание, оказываемое им Флоренс и Гертруде, вскоре сосредоточилось на последней. Он умел говорить и читать на местном языке и приносил Гертруде пачки книг. Он нашел ей учителя, чтобы она продолжала уроки персидского.

Гертруда писала:

«Это определенно неожиданно и незаслуженно – приехать так издалека в Тегеран и найти в конце пути человека такого восхитительного. Он ездит с нами, он строит для нас планы, он показывает нам прекрасные вещи с базаров – он всегда там, где нам нужен...

Кажется, он прочел все, что стоит читать по-французски, по-немецки и по-английски».

Тетя Мэри, возможно, иногда хворающая во время долгого визита Гертруды, смотрела сквозь пальцы на то, что Флоренс бы осудила. Во время частых прогулок и пикников Гертруда и Генри уезжали неспешно вдвоем и сидели возле ручьев и в садах, читая и разговаривая. Они искали сокровища на базарах и играли в триктрак с приятелем-купцом. Они посещали шахскую сокровищницу, ловили форель и охотились с соколами на куропаток. Когда в Тегеране становилось слишком жарко, иностранные посольства переезжали на летние квартиры, в прохладу Гулахека, где подавали еду под деревьями в садах или под тентами. К тому времени блуждание по базарам пришлось прекратить из-за вспышки холеры. С самоуверенностью молодости Генри и Гертруда продолжали ездить где хотели. Генри имел твердые взгляды и слегка тяготел к дидактике. Он не уступал Гертруде в спорах, и как минимум один раз у них обнаружилась «серьезная разница во мнениях, и я отослала его домой, не попрощавшись!» «Мы с мистером Кадоганом ходили в воскресенье на долгую прогулку и яростно спорили о политике. Его взгляды на гомруль оставляют желать много лучшего, но я думаю, что заставила его несколько изменить точку зрения в пользу юнионистов!»

Они одинаково восхищались Персией, ее романтикой и загадочностью. Генри вынимал из кармана книжку и читал суфийские стихи, пьянящие стансы Хафиза – суфийского мастера четырнадцатого века и самого знаменитого поэта Персии, попутно объясняя его желание встречи с Возлюбленной, заполняющей вакуум между мирским и Божественным. Однажды утром они поднялись до рассвета и поехали на север к пустынной горе, где стоит Цитадель мертвых. «Не успели мы далеко отъехать, – писала Гертруда, – как солнце вспыхнуло и с внезапным ярким блеском взмыло над снежными пиками, и по равнине помчался день... Каменная долина привела нас к сердцу пустыни и концу всех вещей».

Здесь они нашли Башню молчания, ослепительно-белую, первую станцию на дороге загробной жизни, где зороастрийцы оставляли трупы для солнца и стервятников – знак очищения и уничтожения. «Сюда приходили они сбрасывать одежды плоти... чтобы их души, пройдя через семь врат планет, достигли священного огня солнца».

Путешественники обошли башню, залезли на площадку наверху и стали слушать великую тишину безлюдья. Потом спустились и, отпустив поводья, погнали наперегонки по бездорожью со всем азартом и пылом юности. Гертруда описывает переполнявшие ее в тот момент счастье и свободу, которые дает влюбленность:

«Жизнь схватила нас и наполнила бесшабашным весельем. Гудящий ветер, изобильная земля кричали нам: “Жизнь! Жизнь!” Мы скакали и слышали этот крик – жизнь! Щедрая и великолепная! Старость от нас далеко, и смерть далеко; мы оставили ее на ее троне среди пустынных гор, в компании призрачных городов и отжившей веры. Нам досталась широкая равнина и бескрайний мир, красота и свежесть этого утра!»

Как-то лунным вечером, когда они лежали в траве у ручья и воздух был полон ароматом фиалок и роз, а далекая музыка мешалась с уханьем совы, Генри сделал предложение, и Гертруда его приняла. Она тут же написала домой Хью и Флоренс, что они с Генри помолвлены, и стала ждать ответа. Когда же он наконец прибыл, она прочла, что это невозможно. Ей следует не только разорвать помолвку, но и вернуться домой немедленно – или как только Джеральд, брат Билли, сможет освободиться, чтобы ее сопровождать. Гертруда поняла, что это конец самому счастливому времени ее жизни и конец ее надеждам на брак с Генри. Хью навел справки у сэра Фрэнка и других и выяснил, что доход Генри «абсолютно недостаточен для содержания семьи». Хью также отметил, губя последние надежды, что «обаяние и интеллект [Генри] не помешали ему залезть в долги».

И хотя этого Хью дочери не сообщил, но до него дошло и худшее: Генри – игрок.

Как бы ни было прочно с виду финансовое положение Беллов, Хью оставался директором сталелитейных заводов с фиксированной зарплатой. Бразды правления, как и весь капитал, держали его отец и дядя. Хью содержал недешевое хозяйство, жену и пятерых детей в достаточно скромном доме, Ред-Барнс, и один его сын уже учился в Итоне, а второму предстояло вскоре туда отправиться. Лотиан жил в пятиэтажном загородном доме, Раунтон-Грейндж, и держал собственный дом в Лондоне на Белгрейв-Террас, 10, – в основном для своих нужд. В черной металлургии, как и в других ключевых отраслях промышленности, в последнее время наблюдался спад, прибыль стала уменьшаться. Когда-то, в восьмидесят девятом году, Гертруда не без интереса услышала разговор двух людей в поезде, обсуждавших, действительно ли сталепромышленники «наживают гигантские состояния». Она написала Флоренс: «Бедняги решили, что да. Я не стала рассеивать их иллюзий». Сейчас, в июле девяносто второго, лишившаяся надежд, с разбитым сердцем, Гертруда пишет Чиролу невероятно трогательное письмо:

«Мистер Кадоган очень беден, его отец, насколько я понимаю, практически банкрот, а мой, хотя он ангел и готов для меня сделать все на свете, никак не смог бы содержать еще один дом, кроме своего, – а это, получается, именно то, что мы его просили бы сделать... Я надеюсь, он теперь увидится с мистером Кадоганом в Лондоне и придет как минимум к тому же заключению. Тем временем мы с Генри Кадоганом не имеем права считать себя помолвленными, и, боюсь, свадьба если и ждет нас, то в очень, очень отдаленном будущем. Я пишу об этом разумные слова, но в сердце у меня ничего нет разумного, только слишком все безнадежно, чтобы над этим плакать. Приходит момент в самые черные дни, когда они настолько черны, что ничего не можешь делать – только молчать... Куда легче казаться счастливой, когда никто не знает, что у тебя есть причины такового не быть. А я так тревожусь... я забыла, как быть храброй, а ведь всегда себя считала такой».

Генри ничего не оставалось делать, как уехать из Персии на год-другой и попытаться добиться более прибыльной должности. Менее цельная девушка могла бы взбунтоваться против решения отца, а Гертруда написала Флоренс письмо, замечательное по чувству чести и даже по необычайной степени сочувствия родителям:

«Наше положение очень трудно, и мы очень несчастны. Мы нечасто видимся теперь... поскольку после письма отца не чувствуем себя вправе встречаться. Самое для меня невыносимое – это что ты или папа можете о нем подумать иначе как о человеке благородном и хорошем, настоящем джентльмене. Я его другим не знала.

Это ужасно с моей стороны так писать, вызывая у вас лишь совершенно бесполезные и напрасные сожаления. Не нужно ни на миг думать, что если бы я могла выбрать, то не повторила бы все это снова, при всем нетерпении, душевной боли и разлуке, которые только еще предстоят. Оно того стоило... некоторые люди могут всю жизнь прожить и не знать этого чуда... только можно человеку слегка поплакать, когда приходится отказаться от него, и снова погрузиться в ту же тесную жизнь... ох, мама!»

Нет сомнения, что Гертруда любила. И вполне возможно, что Генри тоже ее любил. Может, они были бы счастливы вместе, он бы бросил игру, а она бы сумела смириться с его скромной карьерой и ездить за ним от должности к должности. Но у них не оказалось такого шанса. Тяжелые прощания как-то были пережиты, и Гертруда вернулась на Слоун-стрит, где ее ждала любящая Флоренс, чтобы утешить. Через пару дней с севера возвратился Хью – заключить любимую дочь в объятия и поговорить с ней сквозь ее слезы. Находясь в подавленном состоянии, Гертруда следующие несколько месяцев писала мало писем. Чувства ее были глубоки, и отходила она медленно. Все же весна застала ее во Франции. Из романтического сада в Ниме, чья красота напомнила ей один сад в Персии, где она была так счастлива, Гертруда пишет домой:

«Взяла карету и поехала в сад, где расположен Нимский храм. Квакали лягушки, совы перекликались в деревьях, теплый ароматный вечер со всеми его звуками так похож был на другие вечера в далеком саду, где кричали совы. Я плакала, плакала в этом храме и римские ванны наполняла слезами, которых никто в сумраке не видел».

Не прошло и года после ее отъезда из Персии, как после краткой болезни, вызванной падением в ледяную реку во время рыбалки, Генри Кадоган умер от пневмонии. Так возникла трагическая схема ее любовной жизни. При всех ее успехах во множестве необычных предприятий и приключений от этого события Гертруда полностью не оправилась никогда.

Желая отвлечь ее, Флоренс придумала, что падчерица должна опубликовать книгу путешествий, составленную по материалам ее дневника и почти ежедневных писем, написанных из Персии в первые счастливые месяцы пребывания там. Гертруда возражала против этой идеи, но, вероятно, это Флоренс связалась с издательством «Бентли», и в ответ на письмо оттуда Гертруда без энтузиазма капитулировала. Своей подруге Флоре Расселл она писала:

«“Бентли” хочет напечатать мои персидские вещи, но ему нужно их больше, так что я после всех колебаний согласилась на публикацию и теперь пишу для него еще шесть глав. Это занятие скучноватое, более того, я бы охотно предпочла, чтобы они не публиковались. Я их писала, как видишь, чтобы сама себя развлечь, и развлекалась, как только могла ожидать, потому что (скромно говоря в сторону) они невероятно слабы. Более того, я так не люблю людей, которые бросаются печататься и наполняют мир своей дешевой и противной писаниной, – а вот теперь сама становлюсь такой. Сперва я отказывалась, но мать решила, что я поступаю неверно, а отец был разочарован, а так как они почти всегда правы, я сдалась. Но в душе я твердо придерживаюсь прежнего мнения. Не будем об этом говорить. Я бы предпочла, чтобы их не прочли».

Мысли ее были настолько же эмоциональны, насколько и рациональны, но все же ее собственное суждение, вероятно, оказалось верным. Денисон Росс, глава лондонской Школы восточных исследований и большой почитатель своей ученицы, был вынужден к последующему изданию написать объяснительное предисловие. Он признал, что главы, написанные в Персии, «... уступают более поздним». «Персидские картинки» были напечатаны в девяносто четвертом году анонимно – компромисс между желанием Флоренс и нежеланием Гертруды – и вскоре забыты.

Персия стала для нее бесконечно более интересна из-за знания языка. Но, как писала Флоренс, «она еще не достигла стадии, когда изучающий язык вдруг осознает, что знание

усвоено, того озарения, когда понимается не только буквальное значение слов, но и их суть и различия могут восприниматься критически. Прошло немного времени – и Гертруда в этом свете читала персидских поэтов».

В Лондоне она продолжала брать уроки языка, особенно делая акцент на изучении любовной поэзии Хафиза. Генри познакомил ее с его стихами, обсуждал их ритмы и мистический смысл. Работа началась как способ сохранить в себе любовь к нему. На этот раз Гертруда была намерена создать действительно ценную книгу: сборник своих переводов стихотворений Хафиза вместе с биографией этого суфийского поэта, вложенной в контекст современной ему истории. Это, наверное, стало тайным памятником Генри.

Денисон Росс написал предисловие, где скромно заметил, что при обучении Гертруды «в присутствии такой блестящей ученицы» получил «полезный урок понимания своих собственных ограничений». Собрать воедино биографию Хафиза по множеству рукописных источников, писал он, было огромной заслугой: к этому времени не существовало истории исламской Персии.

«Диван Хафиза», антология его стихов, была напечатана «Хайнеманном» в 1897-м – году бриллиантового юбилея королевы и, что куда печальнее для семьи Белл, смерти тети Мэри, внесшей так много приятных интерлюдий в жизнь Гертруды. Книгу встретили настолько благожелательно, насколько на это может рассчитывать сборник стихов. Эдуард Дж. Браун, величайший на тот момент авторитет по персидской литературе, сказал о переводах Гертруды так: «Хотя и весьма вольные, они, по моему мнению, в высшей степени художественны и являются – в смысле передачи духа Хафиза – наиболее точным переводом его поэзии». Это, за исключением вольного перевода Эдуардом Фицджеральдом катренов Омара Хайяма, «вероятно, наилучший и наиболее поэтический перевод любого персидского поэта на английский язык».

Намеренная неясность стихов Хафиза, игра слов и музыкальность персидского языка в его формах, размер и рифма – все это делало перевод почти невозможным. Гертруда решила писать свободные стихи, вдохновленные оригиналом, передающие суть и функцию – взлетать вверх и уноситься прочь. Денисон Росс показал в своем предисловии и проблему, и ее решение, предложив в начале одного стиха подстрочник для сравнения с переводом Гертруды.

Первые четыре строчки этого перевода таковы:

I will not hold back from seeking till my desire is realized,
Either my soul will reach the beloved, or my soul will leave its body.
I cannot always be taking new friends like the faithless ones,
I am at her threshold till my soul leaves its body⁶.

Гертруда написала так:

I cease not from desire till my desire
Is satisfied; or let my mouth attain
My love's red mouth, or let my soul expire
Sighed from those lips that sought her lips in vain.
Others may find another love as fai;
Upon her threshold I have laid my head...⁷

---

⁶ Я не оставлю поисков, пока не осуществится мое желание, Пока душа моя либо достигнет возлюбленной, либо расстанется с телом. Я не могу вечно брать новых друзей, как делают вероломные, Я у ее порога, пока душа не расстанется с телом.

⁷ Я не оставлю желаний, пока оно не исполнится. Пусть или мои уста коснутся алых уст моей любимой, Или пусть

Особенно остры ее последние строчки стихотворения, которые довольно заметно отличаются от оригинала:

Yet when sad lovers meet and tell their sighs
Not without praise shall Hafz' name be said,
Not without tears, in those pale companies
Where joy has been forgot and hope has fed⁸.

Ей повезло с учителями персидского и арабского: кроме Денисона Росса был еще выдающийся лингвист С. Артур Стронг, кого она называет «мой пандит». «Мой пандит продолжает хвалить мои успехи... остается лишь думать, что остальные его ученики просто дубины!.. Он вчера отдал мне мои стихи [ее переводы Хафиза] – и они ему действительно понравились».

Всю жизнь Гертруда читала и перечитывала классических и современных поэтов, собирая все издания сразу же по выходе и держа стихи в своей походной библиотеке. К удивлению и разочарованию Флоренс и Хью, она после всех похвал за переводы Хафиза все-таки сочла, что этот талант лежит в стороне от ее главной дороги, и махнула на него рукой. «Мне всегда казалось, что этот дар просматривался во всем, что она писала, – говорила Флоренс. – Дух поэзии окрашивал все ее прозаические описания, все картины, которые она видела сама и сумела показать другим». Этот дух, как считала ее мачеха, был неожиданным и интересным ингредиентом «характера, при случае способного на весьма определенную жесткость и сознательное пренебрежение чувствами, и ума, которому свойственна отличная практическая хватка и понимание общественной жизни, необходимое государственному деятелю».

Вероятно, не следовало ожидать, что Гертруда будет писать еще и стихи – помимо своих чудесных писем, дневников и прозы. В этом уникальном случае грусть по недостижимой любви, метафизической или реальной, задела в больной душе ту струну, что звучит высокой поэзией. Кажется, эта чистая творческая сила зажглась в ней в ответ на что-то уже внешнее, но ощущаемое внутри на ином уровне. Все, что делала она в жизни, было в каком-то смысле эмоциональной реакцией: путевые дневники, экспедиции, археология, самообразование – особенно изучение языков, – альпинизм, работа на Британскую империю и главное желание всей жизни – воссоздание арабской цивилизации. Читая ее перевод стихотворения Хафиза на смерть любимого сына, невозможно не слышать голос Гертруды и не вспоминать ее собственную скорбную утрату.

Good seemed the world to me who could not stay
The wind of Death that swept my hopes away...
Light of mine eyes and harvest of my heart,
And mine at least in changeless memory!
Ah! When he found it easy to depart,
He left the harder pilgrimage to me!
Oh Camel-driver, though the cordage start,
For God's sake help me lift my fallen load,
And Pity be my comrade of the road!⁹

душа моя испарится вздохом из этих губ, Что тщетно искали ее губы. Пусть другие находят новую любовь и считают себя верными — Я сложил голову на ее пороге.

⁸ Но когда встретятся грустные любовники и скажут свои печали, Имя Хафиза произнесут не без восхваления, Не без слезы в тех бледных собраниях, Где забыта радость и исчезла надежда.

⁹ Добрым казался мир мне, не могущему остаться, Ветер смерти, который смел мои надежды... Свет очей моих и жатва

моего сердца, Мой хотя бы в неизменной памяти! Ах, когда ему так легко оказалось уйти, Он оставил мне дорогу потруднее!
О Погонщик верблюдов, Во имя Бога помоги мне поднять упавшую ношу, И да будет моим спутником Жалость!

Глава 4

Стать Личностью

В декабре девяносто седьмого года в возрасте двадцати девяти лет Гертруда отправилась с Морисом в свое первое кругосветное путешествие. Она любила своего брата, как и всех родных, и его любили металлурги Кларенса, пока его не позвала армейская служба и не увлекла прочь от Кливленда. Ехали они роскошно, в каютах первого класса на пароходе королевской почты «Рио-де-Жанейро».

Вскоре Морис попросил разрешения капитана разметить на корабле поле для гольфа, что имело большой успех среди прочих пассажиров. Он был сердцем и душой капитанского бала, а Гертруда тут же подружилась с детьми на корабле и организовала турнир по крикету.

Морис любил дразниться. Он взял с собой для Гертруды книжку с названием «Манеры для женщин» и получал большое удовольствие, читая ей вслух нравоучительные пассажи, пока она сидела в шезлонге и курила, глядя на горизонт. «Современные английские женщины, – читал он, – должны уметь работать иглой не хуже, чем ездить на велосипеде»... так вот, не пришьет ли ему Гертруда пуговицы, пока они в дороге? На что она вполне могла выхватить книжку и дать ему ею по голове.

В июне следующего года в Йоркшире Гертруда снова вернулась к работе с женщинами Кларенса, разъезжая с лекциями и организуя мероприятия. Она играла в теннис и гольф, охотилась и рыбачила. Наезжая в Лондон, она уходила с друзьями на долгие прогулки в лунные ночи, вдоль набережных Стрэнда, через Сити к Тауэр-Бридж, потом домой на Слоун-стрит через Холборнский виадук и Оксфорд-стрит. Свой старый велосипед она держала в передней и ездила через Гайд-парк к Британскому музею, на уроки арабского и в Лондонскую библиотеку, повесив корзинку с книгами на руль. Она ездила через Кенсингтон-Гарденс кататься на коньках на Принс-Ринк и на уроки танцев и фехтования. Когда Гертруда пожаловалась отцу, как это тяжело – крутить педали против ветра, – он прислал ей чек на новый велосипед. «Я сегодня пошла в магазин, села на новый велосипед и уехала. Это мечта! – написала она ему. – Я проехала через весь Лондон... Но у меня угрызения совести из-за того, что я хочу так много разных вещей. Это мне самой не на пользу, и я бы хотела, чтобы ты попробовал ввести на ближайшие месяцы систему отказов».

В 1901 году, после продолжительного спада в угольной, сталелитейной и судостроительной отраслях сэра Лотиан, достигший уже восьмидесяти пяти лет, принял меры для защиты интересов семьи Белл. Он видел, что вопреки его усилиям Британия не достигла тех технических высот, до которых добралась Германия. Америка и Япония тоже рванулись вперед в выработке чугуна и стали. Сэр Лотиан решил объединить свои компании с давним конкурентом Дорманом Лонгом, чтобы обеспечить необходимые ресурсы на будущее. Продажа акций и химических компаний плюс слияние железнодорожных предприятий с Северо-Западной железной дорогой освободили для семьи огромные суммы денег. Внуки, племянники и племянницы получили по пять тысяч фунтов. Такое состояние, несомненно, сыграло роль в решении Гертруды и ее сводного брата Хьюго посетить мероприятие, которое бывает лишь раз в жизни: торжественный прием лорда Керзона в Дели для провозглашения восшествия Эдуарда Седьмого на трон императора Индии. После этого путешествие продлится еще полгода: это будет второе кругосветное путешествие Гертруды.

Само событие в январе 1903 года, время высшего расцвета империи, было из тех, которые никогда не забудет тот, кто их видел. В Дели Гертруда и Хьюго встретились со своей компанией – Расселлы, Валентайн Чирол и один из двоюродных братьев, Артур Годмен, – и куда бы они ни направились, по выражению Гертруды, встречали там весь свет. Жили они

в шикарном лагере для гостей вице-короля и зрелищную процессию наблюдали с лучших мест. В дневнике Гертруда писала:

«Такое великолепное зрелище просто нельзя себе представить... Сперва солдаты, потом охрана вице-короля, местная кавалерия, потом Пертаб Сингх во главе кадетского корпуса (все кадеты – сыновья раджей), потом вице-король и леди Керзон, за ними Конноты, все на слонах, потом группа примерно из сотни раджей на слонах – сверкающая масса золота и драгоценностей. Раджи увешаны жемчугами и изумрудами от шеи до пояса, жемчужные шнуры через плечо, жемчужные кисти на тюрбанах, одежда из золотой парчи или вышитого золотом бархата. У слонов свисают с ушей кисточки с драгоценностями».

Но все же Гертруда, принимая в подарок новый велосипед или позволяя себе такие роскошные каникулы, часто задумывалась, как на самом деле следует использовать ей свое время и богатство. Она колебалась между личным счастьем и безвозмездным служением обществу. Эти сомнения преследовали ее всю жизнь. Убежденная атеистка, она была на переднем крае нового мышления, свежего взгляда на человека и общество. Утилитаризм, выраженный как основа нравственной философии Джереми Бентамом, подчеркивал, что стремление к счастью и избегание горя и страданий есть важнейшие цели человека. Утилитаризм признавал, что стремиться к таким целям может лишь свободный человек, но утверждал, что свободой нельзя пользоваться без чувства личной моральной ответственности перед людьми и окружающим миром. Джон Стюарт Милль рассматривал практические вопросы достижения ответственной свободы, предлагая возможные формы правления, которые позволят обществу развиваться сплоченно, оставляя в то же время личность свободной.

Вопросы, касающиеся должного поведения человека в обществе, возникали постоянно, и полученные заключения применялись как моральный ориентир для всех аспектов жизни. Например, должен ли человек, идущий играть в теннис, волноваться, правильно ли он проводит время? Не должен ли он дать противнику выиграть и вообще хорошо ли играть в теннис, пока другие работают? Или можно не заморачиваться и просто играть?

Такова была схема споров, постоянно вспыхивавших между Гертрудой и Хьюго в их совместном путешествии. В Редкаре, до отъезда в Индию, их навестил преподаватель из Тринити-колледжа, который учил Хьюго в Оксфорде и пестовал в нем желание пойти по церковной линии. Такое желание стало совершенным сюрпризом для всех Беллов – они были, по выражению Гертруды, «счастливы нерелигиозными» – и заметным разочарованием для Флоренс, желавшей, чтобы Хьюго реализовал свой музыкальный талант как композитор или концертирующий пианист. Гертруда, владеющая техникой научного спора, обнаружила, что она и Хьюго с его религиозными убеждениями стоят на разных полюсах. Приехавшего гостя, преподобного Майкла Ферза, впоследствии епископа Претории и Сент-Олбенса, Гертруда повела на прогулку в сад после обеда и вдруг огорошила вопросом: «Я полагаю, вы не одобряете план Хьюго поехать со мной вокруг света?» Удивленный Ферз спросил: «Почему я не должен его одобрить?» – «Да потому что обратно он, скорее всего, вернется не христианином». – «Почему так?» – «Да потому, – ответила Гертруда с обычной для нее нахальной прямой, – что у меня мозги лучше. Год в моем обществе сильно пошатнет его веру».

Ферз, засмеявшись, ответил, что не был бы так уверен на ее месте.

Это был вызов, против которого она не могла устоять. Хьюго писал родителям:

«Гертруда – чудесный товарищ для путешествия, потому что, помимо факта, что она... очень интересуется вопросами Востока, еще она твердо придерживается (что весьма интересно мне) атеистических и материалистических взглядов, что должно, как говорит Майкл Ферз, достать меня и вывести из себя. Иногда она излагает их агрессивно: я думаю, что эта агрессия с ее стороны должна быть встречена агрессией с моей, после чего мы будем ругаться и ссориться!»

Дебаты были вначале шуточные: Гертруда рассказала историю о бывшем епископе Лондона докторе Темпле. Однажды он взял кеб в Фулхем и дал чаевые, которые не устроили кучера. Тот сказал: «Будь на вашем месте святой Павел, он дал бы мне шиллинг и шесть пенсов». – «Будь на моем месте святой Павел, – ответил епископ с большим достоинством, – он бы ехал от Ламбета¹⁰, а оттуда до Фулхема всего за шиллинг».

Они с Хьюго разговаривали об утилитаризме. Гертруда утверждала, что стремление к личному счастью – наиболее убедительный мотив действий человека – всегда должно ограничиваться тем, чтобы не испортить счастья другим. Людям приходится включать мозги. Сочинять стихи – лучшее времяпрепровождение, чем играть в крокет, потому что это более вероятно будет использовано обществом. Хьюго заявил, что любое действие либо нравственно, либо безнравственно, и человек должен стремиться идти по нравственному пути. Гертруда возразила, что когда она поднимается на гору, то делает это лишь для собственного удовольствия, никому не причиняя вреда, – это не морально и не аморально. Дебаты стали жарче, когда она заявила, что Христос в одном ранге с Мухаммедом и Буддой. Великие люди все трое, но не более чем люди. Хьюго начал раздражаться, Гертруда заговорила резче и более провокационно. Когда же она заявила, что если бы бедняки прониклись идеей равенства всех людей, то больше не было бы слуг, Хьюго ушел прочь, и некоторое время они старались друг другу не попадаться.

Гертруда любила осматривать достопримечательности. Ни один храм, музей или развалины в пределах досягаемости не были ею пропущены. При этом она не прекращала чтения и работы над языками. Денисон Росс очень удивился, получив от нее отправленную во время путешествия в Рангун телеграмму с просьбой: «Пожалуйста, пришлите мне первое полустихие стиха, который заканчивается словами “a khayru jalisin fi zaman kitabue”». При всех телеграфных искажениях он все же смог ответить: «A’azz makanin fiddunya zahru sabihin», и она закончила стих:

The finest place in the world is the back of a swift horse,
And the best of good companions is a book¹¹.

Свое глобальное путешествие Гертруда и Хьюго закончили в Соединенных Штатах и Канаде, где Гертруда пару дней до приезда в Чикаго провела, лазая по Скалистым горам. «Мы шли по серпантину, выводящему на перевал. Не могу сказать, чтобы это было приятно, – писала она родителям. – Помню только ветер и как мы лезли вверх, и у меня чуть не сорвало шляпу».

Когда в 1904 году умер ее дед Лотиан, Гертруде исполнилось тридцать шесть. Хью унаследовал титул баронета, и семья перебралась из Ред-Барнс в Раунтон-Грейндж, поднявшись по социальной лестнице. Солидный загородный дом с массивными дымовыми трубами, центр имения в три тысячи акров, был построен архитектором Филиппом Уэббом в семьдесят шестом году как образчик стиля «Искусства и ремесла». Медового цвета дом с красной крышей волнистой черепицы – характерная для Беллов черта – стоял среди старых деревьев, которые Лотиан не разрешал срубать. Вряд ли среди жителей двух деревень, расположенных на этих акрах, нашелся бы человек, не работавший в Раунтоне. Работники жили на небольшом расстоянии от дома в деревне, тоже построенной Уэббом. У Флоренс работали несколько дочерей рабочих с заводов Кларенса, она обучала их работе горничных и прачек и следила, чтобы «дом отдыха», построенный для того, чтобы их семьи могли отдохнуть в выходные в селе, никогда не пустовал.

¹⁰ Резиденция архиепископа Кентерберийского, главы англиканской церкви.

¹¹ Самое лучшее место на земле – на спине быстрого коня, А самый лучший из хороших товарищей – книга.

В постройке этого дома, самого большого на тот момент проекта Уэбба, использовались элементы постсредневековых украшений и готические мотивы. Из холла с огромным камином спиралью уходила вверх широкая лестница, сводчатая галерея шла вдоль всей стены дома с одной стороны. Гостиная, с камином стиля Адама и двумя большими роялями, была укрыта таким большим ковром, что для ежегодного выбивания его выносили восемь человек. По всей комнате стояли столы и стулья, готовые принять самую большую из домашних вечеринок. В столовой, богато украшенной Уильямом Моррисом, висел фриз, иллюстрирующий «Роман о розе» Чосера, вышитый за несколько лет леди Белл и ее дочерьми, сестрами Хью, по проекту Морриса и Берн-Джонса.

Имелось помещение для дворецкого, домоправительницы и шеф-повара плюс двухэтажная прачечная и холл для слуг. Каждые четверть часа на конюшне звонили «Раунтоновские часы». Вскоре Хью пришлось пристроить «автомобильный дом» для шоферов и семейного парка машин.

Рождественский список 1907 года, написанный рукой Флоренс, указывает двадцать человек домашней прислуги и подарки для них: платки, броши, пояса, кардиганы и шляпные булавки для женщин; булавки для галстуков, носовые платки и ножи для мужчин. Для родственников – кошельки и книжки, боа, несессеры, «Энциклопедия Ларусса», перчатки и наборы инструментов, лошадки-качалки и погремушки для детей. В том же году отмечены подарки для четырех постоянных слуг в Лондоне. В 1900 году, после смерти леди Оллифф, в чьем доме всегда предпочитали останавливаться родные при наездах в столицу, Флоренс получила в наследство дом 95 по Слоун-стрит и переделала его изнутри сверху донизу, даже перестелила полы. Гертруда, у которой были там свои комнаты, писала Чиролу на Рождество: «Дом 95 растет невероятно быстро. Когда вернетесь, увидите, что мы сделали самый красивый дом во всем Лондоне!» Через месяц она была рада сообщить, что на ее подругу Флору Расселл дом произвел «огромное впечатление».

Гертруде было тридцать шесть, когда семья переехала в дом деда. Нельзя сказать, чтобы она жила как старая дева, но Раунтон расширил ее мир в двух важных смыслах. Будучи вместе с Флоренс хозяйкой дома, она могла теперь приглашать в гости больше людей, а периоды времени, проведенные в Англии, стали разнообразиться вечеринками с друзьями и родными. Этот поток светской жизни начался в 1906 году блестящим новогодним балом для всех друзей и знакомых.

Гертруда сразу же взяла на себя заботу об обширном саде со стриженными газонами, рощей с нарциссами, розарием и двумя озерами – одно таких размеров, что можно на лодках кататься. Ей доставляло огромное удовольствие разбивать новые участки под определенные растения, работать с Тэвишем – шотландским садовником – и дюжиной его помощников, и довольно скоро она превратила Раунтон в один из образцовых садов Англии.

Цветы Гертруда обожала с девяти лет – тогда у нее появился свой участок, где она выращивала «первоцветы и падснежники». В первом дневнике видно, как часто она «хадила в сад» смотреть на цветы. Начав писать дорожные дневники, она не думала скрывать своей любви к диким цветам и их влиянию на ландшафт: описывая, например, древнюю стену, Гертруда надолго останавливается на пучках диких фиалок, забившихся в щели. Орошенная пустыня поражает ее своими чудесами вдруг возникающего цвета и аромата. «Я поставила лагерь в рощице абрикосовых деревьев, снежных от цветов и гудящих пчелами. Трава густо усыпана анемонами и алыми лютиками», – напишет она потом. И дальше:

«Когда мы вышли на Иорданскую равнину – невероятно, но все вокруг цвело как роза. Совершенно незабываемое зрелище – по пояс в цветах. Я здесь нашла такие прекрасные ирисы, которых не видела никогда: большие, со сладким ароматом и такие темно-лиловые, что свисающие лепестки казались почти черными. Сейчас они стоят у меня в шатре».

Исследуя Альпы, Гертруда пишет домой сестре с просьбой прислать книжку по альпийской флоре, чтобы можно было определить «запораживающие» цветы, которые ей попадались. Она писала, что возле Глиона видела «луга, полные цветов. Склоны были белы, будто на них снег выпал, белы от огромных одиночных нарциссов. Никогда не видела ничего столь же красивого. Это поразительно, как меняется флора от долины к долине...»

Преодолевая нижнюю часть склонов Шрекхорна в 1901 году, Гертруда постоянно отвлекалась на аромат фиалок: «Я шла по склону, собирая гербарий, пока мои проводники варили суп. На этом возделанном склоне растут почти все виды альпийских растений, я нашла даже очень милые бледные фиалки под большими камнями. И все это было мне одной».

Гостя у своих друзей Розенов в Иерусалиме в девяносто девятом году, Гертруда «жарко занималась садоводством» в консульстве. В письмах к Чиролу частота упоминаний растений и садовых работ наводит на мысль, что этот интерес у них был взаимный: «Мои японские деревья зацветают, а сирийские корешки отлично всходят. Когда приедете, я вам покажу букет черных ирисов из Моава!»

Она привозила с собой, а иногда присылала домой самые сенсационные ботанические образцы. Однажды это были шишки ливанского кедра – один посадили в Раунтоне, другие все еще можно увидеть в Вашингтон-Холле, родовом гнезде Тревелиянов – семьи, в которую вошла Молли, сводная сестра Гертруды. В другой раз она прислала мандрагору – загадочное растение, чьи клубни и разветвленные корни под розеткой листьев напоминают человеческую фигуру. В Средние века считалось, что когда корень вытаскивают, он «стонет» – и эти стоны могут свести с ума. Старинные рисунки показывают, как люди закрывают уши, а к корню привязана цепь от ошейника, надетого на собаку. Когда мандрагору вытащат, сойдет с ума собака, а не люди. И вот в Раунтоне появилась своя мандрагора. «Посылаю вам пакетик семян, – писала Гертруда. – Они более интересны ассоциациями, нежели красотой растений: это знаменитая и прославленная мандрагора. Кстати, корни мандрагоры вырастают до двух ярдов, так что, наверное, кто-то стонет, когда ее вытаскивают. Если не мандрагора, то ее сборщик».

В кругосветном путешествии с Хьюго после торжества в 1903 году Гертруда остановилась в Токио на достаточный срок, чтобы увидеться с Реджинальдом Фаррером, «великим садоводом». Фаррер восторгался сдержанной красотой японских садов, пренебрегая популярными английскими «имитациями» того времени. Рожденный с заячьей губой и говорящий с большим трудом, он прикрывал свой изъян большими черными усами. Происходил Фаррер из Клэпэма в Северном Йоркшире, что недалеко от родового гнезда Беллов. Его ждала слава одного из самых крупных коллекционеров растений в мире. В садоводстве Фаррер предпочитал естественность и писал о ней уайльдовской прозой. В Баллиоле он влюбился в Обри Герберта, сына графа Карнарвона. Герберт был атташе британского посольства в Токио, а Фаррер – одним из оксфордских друзей, которых он к себе пригласил. У Фаррера имелся там дом, и он ездил с Гертрудой и Хьюго по сельской Японии и Корее. В письме от 28 мая она описывает, как он спускался с горы Фудзи, неся «розовую кипродию [кипредию]». «К нам приехали Реджинальд Фаррер, Коллиеры и мистер Герберт и увезли Хьюго в чайный домик провести вечер в компании гейш! Интересно мне, как он там приспособился к обстановке».

Контраст между Гертрудой и гейшей был очень отчетлив, и в свою книгу «Сад Азии», вышедшую в следующем году, Фаррер включил главу о жизни японок – наверняка тема живых обсуждений между ним и Беллами. Двойной стандарт, применяемый к японским женщинам: они либо гейши, либо жены, – привел к резкому контрастному заключению о его соотечественницах, которые либо зануды, и тогда годятся в жены, либо не зануды, и тогда не годятся. Вероятно, Гертруда, незамужняя в тридцать пять лет, с ее ярчайшим любопыт-

ством и живой энергией, явилась катализатором этой идеи, которой Фаррер остался верен всю жизнь.

Садоводство до начала XX века сильно отличалось от того, что мы знаем сегодня. Упор делался на оранжереи, которые заставляли тысячи растений зацветать и давали возможность садам богатых домов и муниципальным паркам наполняться яркими кварталами цветов, сложенных в геометрические узоры, живыми коврами в границах, которые могли тянуться на сотни футов. В 1877 году в парках Лондона высадили два миллиона растений, выращенных в оранжереях. Поборником выращивания зимостойких растений – наиболее натурального садоводства сегодня – был садовод и писатель Уильям Робинсон, настроивший прессу против ковровых клумб. Робинсон, работая с Гертрудой Белл, наполнял клумбы многолетними травами, а цветы сажал большими группами – получаемый результат сегодня известен под названием английского сада.

Фаррер был одним из первых, построивших сад камней. Гертруда хотела сделать сад камней в Раунтоне, где его можно было разбить вокруг озера, и засадить альпийскими цветами, полюбившимися ей с альпинистских экспедиций. Сады камней Фаррера и Гертруды не были природными кучами щебня с большими колючими растениями, пробивающимися среди камней. Они оба выросли в местности, имевшей известняковые каменоломни и состоявшей из предметов массивных, вроде естественной скалы, в расщелинах которой цвели цветы, как весной в горах. Книга Фаррера «Мой сад камней» была выпущена в 1907 году, через четыре года после их встречи, но Гертруда разбила сад камней в Раунтоне двумя годами раньше. Используя большие куски известняка из каменоломен кливлендских холмов, распороченных в процессе добычи железной руды, она, видимо, велела всем садовым службам в Раунтоне и конюшенному персоналу, в том числе помощникам из деревни, построить вокруг озера ожерелье из массивных камней. Потом Гертруда засадила его большим количеством цветов, перемежаемых группами цветущих кустов, среди которых в семейном альбоме Беллов явно заметны азалии. В апреле 1910 года она писала Чиролу: «Почти все дни я провожу в саду камней, воплощающем мое представление о красоте, вопреки погоде, которая в основном склоняется к холоду и дождю. Но мир все равно на удивление красив, и какая бы ни была погода, я все же думаю, что нет в мире другого такого чуда, как Англия весной».

Через пару лет Гертруда построила в другой части озера водяной сад. «Если взглянуть на него очами веры, то можно увидеть ирисы, расцветающие над камнями и кучками грязи, – пишет она Чиролу. – Это будет прекрасно».

Летом 2004 года Национальная портретная галерея Лондона устроила выставку портретов женщин-первопроходцев, названную «Вдали от торной дороги».

В уголке, посвященном Гертруде, висел ее акварельный портрет в ранней юности, написанный Флорой Расселл, карта и красивый маленький теодолит, выданный ей Королевским географическим обществом вместе с медалью имени Гилла в 1913 году. Она стала первой женщиной, награжденной этим августейшим институтом. Награда была присуждена за многие экспедиции и исследовательские путешествия. Четырехстрочный заголовок – все, что о ней сказано, – гласит: «Вопреки собственным достижениям, она активно возражала против предоставления британским женщинам права голоса». Это утверждение, хотя и формально справедливое, тем не менее есть грубое искажение ее конечных целей, не учитывающее ни политических сложностей тех времен, ни ее положения как дочери Промышленной революции. Это свехупрощение часто выдвигается как обвинение против Гертруды, и в нем недооцениваются ее достижения. Право голоса для женщин было острой темой моральных и политических споров того времени, и с момента, как ее посадили за стол вместе со взрослыми, Гертруда слышала страстные обсуждения этого вопроса со всех точек зрения. Хью и Флоренс были против и выдвигали разумные доводы, но некоторые их друзья, например актриса Элизабет Робинс, были твердо за. Все Беллы соглашались с Джорджем Стюартом

Миллем, великим в то время проповедником женской эмансипации, что для женщины жизненно необходимо быть Личностью, и семейной шуткой стало, что женщина редко чувствует себя достаточно Личностью.

Флоренс критиковали за то, что в своей книге «На заводах» она не пришла ни к какому заключению. Однако на самом деле она пришла к одному глубокому убеждению: «Женщин, которые могут вынести тяжелое бремя, налагаемое сегодняшними условиями на рабочую-женщину, никогда не будет больше определенного процента».

Под словами «рабочая-женщина» она подразумевала жен рабочих-мужчин, и в этих немногих словах заключена суть ее антисуфражистских возражений.

Если Флоренс в чем-то повлияла на Гертруду, то именно в этой поддержке – для нас странной – движения против предоставления женщинам права голоса. Она лично видела, сопровождая мачеху при посещении семей рабочих в Миддлсборо, что эти женщины уже на пределе сил. Без жен, которые полностью отдавали бы себя ведению домашнего хозяйства и семье, эта самая семья, а с ней и социальная структура просто развалится. Многие женщины, как видели Флоренс и Гертруда, падают, обессилев, многие семьи голодают и погибают, и многие мужчины спиваются до смерти. Неужели эти вопросы, спрашивала Флоренс, менее важны, чем парламентские билли и реформы? Как может жена рабочего из Кларенса бросить детей, чтобы пойти голосовать, или найти время для чтения, или научиться сперва читать, потому что она неграмотная, – чтобы разобраться в политических вопросах? Что может жена из Кларенса знать о том, за что ее попросят голосовать, – о свободе торговли, билле о реформах, политической коррупции, реформе пенитенциарной системы, гомруле? Эти вопросы, которыми тогда занималось правительство, и возможность голосовать, теперь признанная универсальным правом человека, считались серьезным делом, требующим определенного образования и политической грамотности.

Такие вопросы, как здравоохранение, образование, отдых, социальные службы, законы о бедных, пособия нуждающимся, работные дома и богадельни, находились в ведении местного правления, и ими Флоренс и почти все знакомые ей женщины среднего класса занимались по мере сил. Они опасались, что реакцией на требования суфражистов (которые держались в рамках закона) и суфражисток (которые его нарушали) станут резкий откат и разрушение всего, чего женщины уже достигли.

Если что-то побудило Гертруду к действию – помимо давления семьи, – то это воинственность Кристабель Панкхерст, которая в 1904 году повела женщин на борьбу с «пагубной сутью мужской сексуальности». Суфражисток втянули в войну полов, где использовались методы вплоть до террористических. Сторонницы Панкхерст нападали на дома, били окна и громили вагоны, вытапывали клумбы и резали в галереях изображения обнаженных женщин. Они отрицали брак, называя его легализованной проституцией, устраивали беспорядки, действовали бандами, срывали одежду с мужчин и пороли их. Заливали в почтовые ящики смолу и кислоту, отправляли посылки с серной кислотой Ллойд-Джорджу, потом пытались сжечь его дом. Нападали на людей, которым «посчастливилось» быть похожими на премьер-министра Герберта Асквита. 28 октября 1908 года Гертруда писала:

«Вчера была прекрасная вечеринка у Гленконноров, и как раз перед моим приездом (как обычно) на Асквита напали четыре суфражистки и схватили его. Тогда разъяренный Алек Лоуренс схватил двух из них и выкрутил им руки так, что они завизжали. Потом одна укусила его за руку до крови... когда он мне все это рассказывал, то еще был замазан засохшей кровью».

Гертруда явно сожалеет, что пропустила действие, однако, наверное, это providение позаботилось. Как ни противно ей было насилие, неизвестно, не возникло ли бы у нее желание влезть в драку и разбить вазу о чью-нибудь суфражистскую голову. Какой бы ни была драка, хорошей рекламы она бы Гертруде не сделала.

Помимо переживаний Флоренс о трудной жизни жен рабочих и ущербе, который наносят делу воинственные суфражистки, были разумные причины, по которым Беллы сопротивлялись требованиям шумной кампании борьбы за всеобщее право голоса для женщин. Притом что Билль о реформах 1932 года и последующие увеличили число голосующих от жалких 500 тысяч до пяти миллионов к восемьдесят четвертому, право голоса все еще принадлежало лишь мужчинам, владеющим собственностью, так что голосовать могла лишь четверть всех мужчин Британии. Учитывая, что такой возможности лишены столько мужчин, парламент не стал бы ставить вопрос о предоставлении голоса всем женщинам.

Решение может показаться совершенно ясным: дать право голоса всем взрослым, независимо от пола и имущественного состояния. Но тогда систему захлестнули бы избиратели, не платящие налогов и требующие максимума льгот. Было много дискуссий о том, чтобы дать право голоса только женщинам, владеющим имуществом, но по существовавшим законам имущество жен автоматически становилось имуществом их мужей в момент брака. Таким образом, права голоса были бы лишены замужние женщины, в то время как оно оказалось бы предоставлено вдовам, старым девам и проституткам.

Как считали такие независимые и рациональные женщины, как Флоренс Найтингейл, вопрос о праве голоса для женщин не может быть рассмотрен, пока не изменятся имущественные законы. Палки и камни суфражисток – чепуха по сравнению с двадцатью миллионами рабочих, марширующих ради возврата своих имущественных прав. Для либеральных реформистов, таких как Беллы, существовали более важные социальные вопросы, нежели долгие битвы за корректировку баланса избирательных прав.

Гертруда примкнула к движению против права голоса для женщин в 1908 году и стала членом антисуфражистской лиги. Это была ее первая работа, а она никакую работу не делала наполовину. Она вступала в дебаты с жадой победы в них, чему научилась в Оксфорде, и при ее таланте эффективного администратора вполне вероятно, что это Гертруда организовала 250 тысяч подписей под антисуфражистской петицией 1909 года. Но все же она проговаривается об отсутствии «миссии» в делах антисуфражистского движения, а это наводит на мысль, что за эту работу Гертруда взялась во многом ради того, чтобы сделать приятное Флоренс. О первом заседании лиги она пишет:

«У нас председателем леди Джерси... мне оказали честь стать почетным секретарем, что самое ужасное... Почти на месяц жизнь оказалась в развалинах – надо было организовать в Миддлсборо антисуфражистский митинг максимального масштаба. Мы это сделали, и плюх был очень громкий... это было интересно, но отняло ужасающее количество времени, долгие часы на писание писем и агитацию».

Позже в Ираке Гертруда довольно много сделала для женщин-мусульманок. Она помогла создать в Багдаде первые школы для девочек, собрала средства для женской больницы и организовала первую серию лекций женщины-врача для женской аудитории. Гертруде приходилось оглядываться на свои антисуфражистские дни со смешанным чувством: ее старая подруга Джанет Хогарт заметила, что Гертруде «было забавно вспоминать свою позицию» в те времена.

Ее участие в этом движении изжило себя к концу десятилетия. Она уже готова была предаться новым всепоглощающим занятиям: все сильнее ею овладевал интерес к археологии как мотиву для приключений в пустыне, и вскоре Гертруда уже влюбилась в это дело. Неловкая студентка стала в высшей степени эрудированной, умелой и одаренной женщиной; она была богата, одинока, ей не приходилось отвлекаться на детей. Ее способности и умения охватывали целый спектр, от стихов до административной работы, от приключений первопроходца до спорта и археологии. Мало кто так разбирался в мировой истории и современной политической ситуации, как она, и это вполне сочеталось с любовью к красивой одежде. Гертруда говорила на шести языках, умела писать интересные письма и вести дискуссии на

любом из них. И все это имело хороший фундамент в виде добрых человеческих чувств: глубокого ощущения семьи, ландшафта, архитектуры – любви к самой жизни. Мало кто мог с ней соперничать просто по широте диапазона умений. Как Личность Гертруда пришла исполнить самые смелые надежды на судьбу женщин, которые питал Джон Стюарт Милль.

Глава 5

Восхождения

Гертруда с детства обладала выдающейся жизненной силой и ума, и тела. Невысокого роста, при этом сильная и спортивная, она всегда стремилась к физической активности, и чем труднее, тем лучше. Она охотилась, танцевала, ездила на велосипеде, стреляла, ловила рыбу, работала в саду и каталась на коньках, а на отдыхе не уставала осматривать достопримечательности. Гертруда не выносила, чтобы о ней думали, будто она себе потакает, и к тридцати годам, когда большинство ее сверстниц ушли в семейную жизнь и материнство, была готова к новым трудностям и задачам – показать, что она не просто плывет по течению. И она открыла для себя альпинизм. После первого серьезного восхождения в девяносто девятом Гертруда писала: «Это было ужасно – идеально страшно! Крутая стенка до самого низа, а я никогда практически не была раньше на скалах. Наверное, если бы я знала заранее, что меня ждет, то не пошла бы на это... Однако я не сдала назад».

За два года до того, на семейных каникулах во Французских Альпах, она обещала, что вернется и поднимется на гору Меж, покрытое снегом ребро которой возвышалось над деревней Ла Грав и маленькой горной гостиницей, где остановилась семья Белл. Родные посмотрели на Гертруду скептически. Гора эта была для серьезных альпинистов и очень отличалась от всего, что Гертруда до сих пор знала. И когда она приехала подниматься на эту гору высотой 13 068 футов, оказалось, что удобнее всего делать это в белье. В те времена не было «правильной одежды» для альпинисток, и Гертруда сняла с себя юбку там, где связалась веревкой с проводниками, а как только спустилась обратно на ледник, то надела ее.

Для богатых семей поздневикторианского времени каникулы в Альпах были романтическим экзотическим антрактом, например, как сегодня зимний отпуск на островах знаменитостей вроде Барбадоса или Сент-Барта.

Горные прогулки, здоровая еда, поездки на велосипедах, катание на лодках по озерам и игра в карты перед сном – такова была программа подобных отпусков. Беллы, много путешествовавшие, в этом не отличались от всех прочих, и хотя Гертруда поднималась в горы сколько хотела, во время двухнедельного пребывания в Ла Грав она тоже придерживалась этой программы.

Случившийся в девяносто седьмом году бриллиантовый юбилей королевы был отмечен для Беллов траурным событием – смертью Мэри Ласселс, сестры Флоренс. Мэри наблюдала за взрослением Гертруды, пыталась феминизировать «оксфордскую» девушку в бурной светской жизни Бухареста, с тревогой следила за ее романом с Генри Кадоганом. Она умерла, когда еще не прошло и месяца с тех пор, как Гертруда снова у них гостила, на этот раз в Берлине, где сэр Фрэнк был британским послом. Четыре месяца траура вряд ли превратили горе в смирение, и Хью с Флоренс решили, что всем им нужны каникулы. Они договорились собраться все вместе в августе. Флоренс находилась в Потсдаме, в гостях у Ласселсов, и с остальными должна была встретиться в Париже. Хью, Гертруда, Хьюго, Эльза и Молли соберутся в Лондоне, приедут к Флоренс, а потом совершат культурную экскурсию к массиву дез Экрен в Дофине, посетят по дороге галереи Лиона и церкви Гренобля. Однако Флоренс с самого начала поездки свалилась в постель с простудой, а остальные сидели на солнце и пили горячий шоколад. Отцу и дочери идеально подходили не слишком трудные экскурсии, в которых они радовались красивому виду и цветам, с удовольствием беседуя, забывая обо всем на свете. Хью решил сопровождать Гертруду в подъеме на местный пик, где в основном нужно было идти, но иногда и лезть, – Бек-де-Л'ом. Они поднялись по крутому склону, поросшему эдельвейсами, до подножия ледника, а затем связались веревкой

и полчаса карабкались вверх. На гребне они позавтракали, любуясь видом, и потом спустились. Хью этого хватило, но Гертруда вскоре стала уходить дальше и возвращаться позже. Она организовала для себя восхождение с местными проводниками, Матоном и Мариусом, на небольшой пик 3669 футов, примерно на 400 футов ниже вершины Меж, и почти все это было гораздо легче, чем подниматься на Меж. Седьмого августа Гертруда записала в своем дневнике: «Эльза и папа оставались на Коле, пока мы с проводниками поднялись на пик Ла Грав, вырубая ступени во льду примерно три с половиной часа... Папа и Эльза в обратный путь пустились одни».

Перед самым возвращением она взошла на Бреш – проводники провели ее в обход экстремального скально-ледового маршрута. Гертруда переночевала в горном приюте, в двух часах ходу от гостиницы. На следующее утро она в приподнятом настроении сбегала по последнему склону обратно в Ла Грав. «Она гордо вступила в деревню... идя между проводниками, очень собой довольная», – писала Флоренс. Она, завернутая в пальто и шали, впервые в тот день поднялась с постели и вышла на террасу. В тридцать лет Гертруда открыла для себя азарт и опасность восхождений, и жребий был брошен. Когда Беллы вслед за своим багажом выходили из гостиницы, Гертруда решила, что обязательно сюда вернется.

Это обещание она выполнила через пару сезонов, объехав вокруг света. Приехала одна в Ла Грав из Байройта, где вместе с Хьюго встречала Фрэнка Ласселса и его дочь Флоренс, а еще любимого «Домнула» из Румынии, ныне сэра Валентайна Чиролы, который сразу же начал отговаривать Гертруду от этих опасных новых авантур. В те времена для альпинистов-мужчин, зачастую британских студентов на каникулах, было обычным делом рваться в Альпы, не имея опыта скалолазания, если удавалось найти хороших проводников. До введения в пользование «кошек» оставалось еще около десяти лет, да и тогда они всерьез считались неспортивными. Еще не изобрели карабины, тем более нейлон. Веревка, чтобы от нее была польза, должна была быть толстой и тяжелой (становясь еще тяжелее, когда напитывалась влагой). Без всяких современных приспособлений, без опыта скалолазания Гертруда была таким же новичком, как и в девяносто седьмом. И все же, вероятно, мысля несколько театрально, она договорилась с Матоном и Мариусом и наметила восхождение с ними на Меж 29 августа, если позволит погода.

Предыдущие пару ночей они ночевали в приюте и первый день посвятили тренировке в скалолазании. Когда стало темнеть, к ним присоединился молодой англичанин по фамилии Тернер со своим гидом Родье. Гертруда, вышедшая полюбоваться закатом, в ошеломлении смотрела, как возвышается над ней Меж – весь крутые обрывы и негостеприимные тени. В восемь вечера все пятеро набились на спальную полку и под нее. На соломе вместо матраса и с плащом, заменяющим подушку, Гертруда сочла, что устроилась «очень комфортабельно», но четырехчасовую ночь провела без сна, раздумывая, несомненно, о своей близости к Тернеру – они лежали «как сельди в бочке». Вскоре после полуночи она уже умывалась под звездами в каскадах реки, а потом они с Мариусом шли за фонарем Матона до линии снегов. В час тридцать луна светила достаточно ярко, чтобы можно было связаться веревкой и двинуться к леднику де Табуше. В этот момент Гертруда избавилась от юбки. Штанов для восхождения у нее тогда не было. «Я отдала юбку Мариусу – Матон сказал, что вряд ли я в ней пройду. Он был совершенно прав, но я чувствовала себя очень неловко».

Перейдя Бреш с севера на юг, они дошли до Промонтуара – плоской скалы, где отдыхали десять минут. После подъема – «очень приятного» – по длинному камину они вышли на крутой гребень Гран-Пика. Пару раз Матон и Мариус просто втащили Гертруду, как сверток.

Пока все было довольно легко, но тут наступил момент инициации. «Нас ожидали два с половиной часа жутко трудной скалы, – писала она потом, – совершенно страшной. Первые полчаса я прощалась с жизнью. Невозможно было себе представить, что я пройду всю

эту стенку, ни разу не поскользнувшись... но постепенно стало казаться совершенно естественным, что можно висеть над пропастью, зацепившись краями век».

Когда они дошли до знаменитого своей хитростью Па-дю-Ша, Гертруда уже держала собственный вес и справлялась так хорошо, что даже не поняла, как завершила один из самых трудных маневров этого подъема. До Гран-Пика они дошли в 8.45, после чего осталось преодолеть только Шваль-Руж – пятнадцать футов абсолютно отвесной скалы, которая получила свое название из-за необходимости лезть верхом по ее гребню¹². После этого оставался двадцатифутовый карниз – и вершина.

Матон, шедший впереди, вдруг зацепился и порвал шнур ледоруба, привязанного к поясу. Ледоруб сверкнул, пролетая мимо Гертруды, и в жуткой тишине исчез в пропасти. Потом они стояли на вершине Межа на высоте 13 тысяч футов, на ярком солнце, и перед ними расстилался ни с чем не сравнимый вид. Следом подтянулись Тернер и Родье.

Через полчаса Матон расталкивал заснувшую Гертруду. Путь вниз оказался дольше пути вверх, и идти было так же трудно. Теперь шли все вместе. На половине спуска с Гран-Пика проводники привязали двойную веревку к железному крюку и опустили Гертруду и Тернера на маленькую полку. Там они уселись рядом, свесив ноги над головокружительной пропастью. Следующий кусок – «очень противный», по словам Гертруды, – следовало проделать без двойной веревки. Сейчас она была на Бреше, на который лазила в другом месте два года назад, и не ожидала того, что стало самым худшим моментом всего приключения. Матон, идущий впереди с ней в связке, вдруг исчез за углом каменной стенки. Гертруда подождала и вскоре почувствовала рывок веревки и услышала его голос: «*Allez, Mademoiselle*»¹³. В письме к родителям она писала: «Надо было держаться за два крошечных выступа на нависающей скале, а внизу лежал Ла Грав, и я висела в воздухе, а за углом Матон крепко держал веревку – но она, естественно, была направлена горизонтально. Вот такое осталось у меня общее впечатление от этих десяти минут».

Еще три часа неослабного напряжения, и Гертруда спустилась на безопасный ледник и получила обратно юбку. Мистер Тернер, замечает она не без лукавства, «ужасно выдохся». Только альпинисты знают, как долгий тяжелый день в горах способен заставить человека ликовать в слезах, как можно испытывать дикое желание спать и в то же время переживать заново каждый момент миновавшей опасности. На трясущихся, несомненно, ногах, ощущая бурю эмоций, Гертруда дотащилась с Матоном и Мариусом до деревни. Там, к ее удивлению, постояльцы и прислуга гостиницы топтались на заиндевевшем пороге, ожидая ее, чтобы поздравить. Гертруду хлопали по спине, запускали фейерверки, поздравляя ее с первым восхождением. Она рухнула в кровать и проспала одиннадцать часов, а проснувшись, выпила пять чашек чаю и послала в Ред-Барнс телеграмму: «*Meije traversée*»¹⁴.

Гертруде всегда нужно было иметь какой-то проект. Сейчас она натренировалась на Меже и двинулась дальше – после нескольких дней восхождений на менее трудные скалы нацелились на самую высокую вершину южной части Французских Альп, Барр-дез-Экрэн. Это была очень трудная задача для альпиниста столь неискушенного, но Гертруда верила, что сможет взойти на этот пик в 13 422 фута, который официально категоризовался как «крайне трудный». Уступая требованиям рискованного предприятия, она приобрела пару мужских брюк, туго затянутых ремнем под юбкой, так что ее дневниковые отчеты каждого тренировочного дня начинались словами: «Юбки прочь – и на скалы!»

Гертруда с проводниками ночь 31 августа провели в приюте с еще одним альпинистом, принцем Луи Орлеанским («Симпатичный смешливый мальчик»), и его носильщиком

¹² Cheval Rouge – Красная Лошадь (фр.).

¹³ Идите, мадемуазель (фр.).

¹⁴ Меж пройден (фр.)

Фором, который варил ему обед. Гертруда дотемна читала отчет Эдуарда Уимпера о его первом восхождении в Экренах, потом разговаривала до отбоя с принцем Луи и еще каким-то прибывшим позже немцем. Выступили в 1.10 ночи. В этот день случались неприятности – может быть, из-за сильного холода. Мариус уронил ледоруб, и Гертруда сидела на собственных руках, чтобы не замерзли, пока Фор за ним спускался. Один раз она поскользнулась и упала спиной на лед, но Матон удержал ее веревкой. Оба порезали руки, причем он сильно. Гертруда сделала несколько фотографий, возясь с аппаратом непослушными пальцами. В полдень резкие ветра гнали тучи снега, затрудняя спуск с вершины. Лишь около трех часов дня они перекусили на леднике – хлеб с джемом и сардины. По дороге вниз Матон на какое-то время сбился с пути, а Гертруда больно подвернула ногу на шатающемся камне. На подъеме она разорвала штаны в клочья и на спуске мерзла.

«Я осталась в лохмотьях, так что надела юбку для приличия. То есть Матон на меня ее надел, поскольку пальцы у меня совсем не слушались». В гостиницу они вернулись, проведя на Экренах девятнадцать часов – слишком много даже для нее.

На этом ее восхождения в том году не закончились, но отсутствие у Гертруды интереса к публичности оставляет у ее биографов сомнения по поводу программы. Когда день начинается сразу после полуночи и заканчивается в горных хижинах поздно вечером, маловероятно, что она постоянно вела дневник или писала письма домой. Если и да, то они частично утрачены, и даже «Элпайн-Клаб», самый старый альпинистский клуб в мире, не обладает точным списком ее достижений.

На альпинистский сезон 1900 года Гертруда выбрала Швейцарские Альпы. Она провела счастливые часы в Шамони с двумя новыми проводниками – братьями Ульрихом и Генрихом Фюрерами, изучая карты и разрабатывая свой новый проект. Она решила подняться на Монблан – 15 771 фут, высочайшую вершину Альп. Его белый купол, объяснила Гертруда, дразнит ее через Женевское озеро. Хотя это восхождение не самое трудное, оно достаточно серьезное и требует хорошей физической подготовки. К настоящему времени более тысячи альпинистов погибли при попытке восхождения на Монблан. Гертруда поднялась туда всего через год после подъема на Меж; один известный в те времена альпинист говорил в «Элпайн-Клаб», что самым живым воспоминанием подъема на Монблан остались для него усилия не отстать от мисс Белл. Ее слава горовосходителя все росла. Как писала она домой примерно в это время: «Я – Личность! И один из первых вопросов, который, кажется, задают все друг другу, таков: “Вы знаете мисс Гертруду Белл?”»

В сезоны 1899–1904 годов она стала одной из самых знаменитых альпинисток в Альпах. В покорении классического пика Монблан она шла по стопам необычайной француженки Мари Паради, которая поднялась на него почти на сто лет раньше, в 1808 году. На самом деле история женщин-альпинисток началась еще в 1799-м, когда мисс Парминтер совершила несколько восхождений, но никто из них не поднимался на Монблан до восьмидесятых годов XIX века, когда Мета Бревурт и Люси Уокер набрали максимальное число вершин и перевалов. Вклад Гертруды в альпинизм состоял в том, что она записала на свой счет множество достижений на протяжении всего пяти сезонов, что особенно замечательно, если учесть, что альпинизм был лишь одним из многих ее интересов. В таком контексте он являлся скорее кратким увлечением, временным хобби, причем менее важным, чем путешествия, изучение языков, археология или фотография – но, вероятно, более важным, чем устройство сада камней, фехтование и охота. Сторонящаяся журналистов и фотографов, Гертруда стала довольно хвастливой в своем кругу и писала с подкупающей самоуверенностью о своих способностях в этой новой области: «Ульрих доволен, как Панч, и говорит, что я не хуже любого мужчины. Если оценить способности среднего альпиниста, то, наверное, да...

Мне очень хочется подняться на Маттерхорн, и надо постараться впихнуть его в расписание... Думаю, что справлюсь с любой горой, какую ни назови».

Гертруда прямо-таки нарывалась на неудачу, но была настолько ловким альпинистом, обладала такой силой и смелостью, что до расплаты еще было время. В 1901-м она снова встретилась с Ульрихом и Генрихом, на этот раз на бернском Оберланде. На семидесяти милях самой длинной горной цепи Швейцарских Альп собраны сложнейшие из главных ледовых маршрутов. К этому времени, согласно дневникам ее восхищенной поклонницы, некоей леди Монксвелл, Гертруда приобрела для восхождений синий брючный костюм. Но она его нигде не надевала, кроме гор, и скромно переодевалась снова в юбку в базовом лагере. Из письменной просьбы, направленной Молли в Лондон («две золотые булавки для шейного платка и толстые черные подтяжки»), ясно, что ее подтянутый мальчишеский вид в горах задал моду для лыжниц на пару десятилетий.

Первой ее честолюбивой целью стал Шрекхорн, вздымающийся к небу два своих пика, подобных опрокидывающейся волне. Вершина длинной гряды утесов, одна из самых трудных и неровных среди всех тринадцатитысячфутовых вершин европейских Альп. Трудность связана в основном с двухтысячфутовой скальной башней, образующей окруженную льдом вершину. Над ней возвышается лишь огромное лезвие Финстерархорна, и даже при наличии современного снаряжения она все еще считается слишком трудной для большинства альпинистов.

В горной хижине у Барегга, где ночевали первую ночь Гертруда с проводниками, к ним примкнули двое веселых молодых людей, Герард и Эрик Коллиеры со своими проводниками, и вечер получился очень приятный. Восхождение началось вскоре после полуночи. Судя по письму домой, Гертруда взлетела по первым снежным кулуарам и небольшим гребням без малейшего усилия. Потом: «Я уже начинала думать, что репутация Шрекхорна абсурдна, но час по гребню от седловины до вершины заставил меня изменить мнение. Такая приличная порция скалолазания... и пара очень тонких моментов... исключительно приятных!» На подъеме к вершине она обогнала Эрика и Герарда на пятнадцать минут, глассировала вниз в приподнятом настроении и вернулась в хижину, мечтая об обеде, – а там увидела троих французов, которые жгли ее дрова и пили ее чай. Гертруда высказала им все, что о них думает, и выгнала из хижины, чтобы снова переодеться в юбку. После их поспешного ухода она села обсудить с Фюрерами свою честолюбивую мечту: подняться по никем еще не пройденной северо-восточной стене Финстерархорна. Надо будет над этим поработать, ответил Ульрих (сперва, наверное, чуть не поперхнувшись), а пока что хранить такой план в строгой тайне.

Тем временем настало время заняться главной целью поездки: стать первым альпинистом, который планомерно взойдет на пики массива Энгельхорн. Эта романтическая, но внушающая ужас линия небольших известняковых пиков знаменита изобилием вертикальных маршрутов. Конан Дойл не сумел найти более дикого места для исчезновения Шерлока Холмса, чем Рейхенбахский водопад, расположенный неподалеку, где поток, разбухший от тающих снегов, теряется в облаке брызг, улетающих в черную каменную бездну. Гертруда планировала методически брать один пик за другим в течение двух недель. С Фюрерами в качестве проводников она сделала несколько первых восхождений – таких, которые раньше считались непосильными. И писала домой: «Я бешено собой довольна!»

С веселым семейством Коллиеров она познакомилась в гостинице в Розенлау и играла с ними в крикет, вместо калиток используя ветки и вылавливая мячи из реки сачком для бабочек. Временно лишенный возможности ходить на более высокие вершины из-за сильного снегопада, Ульрих провел для Гертруды обучение, выводя ее на самые трудные стенки, которые мог найти на этих высотах. Он водил ее по неудобным расселинам и заставлял забивать крючья, навешивать веревки и вырубать ступени. И у нее даже осталась энергия, чтобы

залезть на небольшой утес, на который еще не восходили, и сложить на вершине тур. Ульрих был достаточно впечатлен, чтобы согласиться на ее внушительную программу.

За эти две недели Гертруда взойшла на семь непокоренных вершин, из которых одна первого класса, и на два «старых» пика – все это были новые маршруты или первовосхождения. Одна из этих вершин названа ее именем и остается во всей литературе по Энгельхорнскому массиву до сего дня: Гертрудспитце – пик Гертруды – расположен между Фордерспитце и Ульрихспитце. Будучи в ударе и имея за собой эти достижения, шестого-седьмого сентября Гертруда предприняла самое трудное восхождение года: траверс первого класса Урбахталер Энгельхорна, Большого Энгельхорна.

Гертруда и ее проводники начали подъем из крошечной долины на западной стороне, Охсенталя. С севера, востока и юга это глухое место окружают обрывистые стены гладких скал. Альпинисты предполагали начать с южного конца – маршрут, который местные проводники и пара опытных восходителей оценили как невозможный.

«Мы выбрали место, где скальная стена исключительно гладкая, но проточена многими водяными струйками, иногда три дюйма глубиной и четыре в ширину. Эти промоины давали какие-то упоры для рук и ног».

Как только они вышли, начался снегопад. На первые сто футов ушло сорок пять минут, и в одном месте встретился шестифутовый участок стены без опоры для рук. Встав на плечи Генриха, Ульрих дотянулся до более перспективного участка, но тем временем снег сменился густым ледяным дождем. Альпинистам посчастливилось найти глубокую расщелину и там позавтракать, затем продолжили движение под дождем, пока не достигли гладкого гребня, где уже совсем некуда было встать и не за что держаться. Они отошли назад, траверсировали стену и попробовали в другом месте. Осторожно карабкаясь по узкому кулуару и камину из острых скал, они оказались на вершине перевала. По одну сторону расположился ряд четырех пиков, на которые они уже восходили раньше, по другую – два пика: Малый Энгельхорн закрывал вид на самый высокий из всех – Урбахталер Энгельхорн.

Путь на Энгельхорн, от которого видна была верхняя половина, шел по тропе, где ходили только серны. Ни на северную, ни на южную стороны седла еще никто не восходил. Но сейчас погода обратилась против восходителей, снег валил густой и мокрый, и они с большим разочарованием решили, что сегодня большего сделать не могут, и заночевали под стенкой в потоках тающего снега, залезавшего за ворот, в рукава и ботинки. На рассвете, в семь утра, они двинулись дальше при ярком солнце.

Малый Энгельхорн, который скрывал подъем на вершину, сам был частично скрыт контрфорсом, по которому лезть было достаточно просто. Но вскоре показался малый пик, и выяснилось, что такой пугающей скалы они еще просто не видели.

«Нижняя треть [Малого Энгельхорна] состояла из гладких отвесных камней, следующий участок – очень крутая скала, где с трудом просматривается пара кулуаров, большие крутые плиты, разделенные глубокими расселинами. Огромной трудностью было то, что все это торчало наружу, нигде не устроиться в камине. Только скальная стена, и по ней надо лезть вверх».

Они и лезли вперед и вверх, прошли неглубокую трещину и остановились. Перед ними оказалась идеально гладкая нависающая стена. Положение было крайне опасное. Ульрих залез на плечи Генриху, пошарил, сколько хватало руки, и не нашел ни одного зацепа. Наверное, минуту или две они висели там неподвижно, потом Гертруда предложила занять место Ульриха, встав на плечи Генриха, и Ульрих еще раз попробует, встав на ее плечи.

Тикали минуты, альпинисты осторожно, дюйм за дюймом маневрировали, занимая нужную позицию, и морозное молчание нарушали только судорожные вдохи и приглушенные восклицания. Они взгромодились друг на друга, ботинки Ульриха врезались Гертруде в плечи, Ульрих тянулся вверх – и не мог найти опору для рук. Стиснув зубы, Гертруда тяну-

лась во все свои пять футов пять с половиной дюймов, чтобы выдать ему еще полтора дюйма. И эта добавочная доля высоты позволила Ульриху найти едва заметную выбоину, собрать все свои недюжинные силы и медленно начать подниматься на кончиках пальцев. Это было единственное доступное ему движение, но не во что было упереться ногами, чтобы помочь подъему, и это обстоятельство могло оказаться фатальным. Гертруда, молча страдая, поняла, что сейчас произойдет. И когда Ульрих снял ногу с ее плеча, она подняла руку, вытянула вверх и подставила ему под ботинок. Гертруда писала: «Он закричал: “Так ненадежно! Если шевельнетесь, мы все погибли!” А я ответила: нормально, я так неделю простою».

С предельной осторожностью Ульрих выбрался на безопасный карниз, и настала очередь Гертруды. Последняя в связке, теперь перешедшая на второе место, она должна была подняться сама: веревка шла мимо, от Ульриха к Генриху. Но за нее можно было держаться, и напряжением всех сил Гертруда преодолела эти девять футов, выбравшись на полку к Ульриху. Теперь то же самое следовало проделать Генриху, на двух веревках, но еще на пять футов ниже. Он не справился. «На самом деле, я думаю, он потерял храбрость. Как бы там ни было, но он заявил, что подняться не может... и ничего мы не могли сделать, кроме как оставить его».

Они разобрали веревки. Генрих привязал себя к стене и мрачно ждал их возвращения. Ульрих и Гертруда пошли через следующую плиту, но всего за несколько футов до верха застряли и не могли двинуться дальше. Ульрих, мрачный, как грозовая туча, спустился мимо Гертруды и сказал ей, что надо будет спуститься ниже и попробовать снова. Они были теперь на стороне, противоположной той, где остался ждать Генрих. Осторожно перейдя над пропастью, они подошли к камину. Здесь Гертруда расклинилась в нем как можно плотнее, а Ульрих забрался вверх с ее плеч. И вдруг оказалось, что дело сделано – они вышли на вершину Малого Энгельхорна. Еще одна проблема возникла, когда мокрая веревка застряла между камнями, и Ульриху пришлось возвращаться по камину вверх, чтобы ее высвободить. Дважды она застревала, и дважды он поднимался обратно. Наконец он бросил веревку Гертруде и спустился без нее. Когда вернулись к Генриху, пришлось выполнить некоторые сложные работы с веревкой, но все же удалось спуститься к подножию контрфорса, где началось серьезное лазание. Оглядываясь назад на четыре часа самого трудного восхождения, которое только возможно, Гертруда сама не верила, что столько выдержала за такое короткое время.

С онемевшими от утреннего холода пальцами кто угодно решил бы, что на сегодня хватит. Но Гертруда решила взойти на самый высокий пик, на Урбахталер Энгельхорн, а значит, она туда взойдет. Генрих вроде бы присоединился к ним под давлением: он, вероятно, рассчитывал к ночи быть дома, да и то, что Гертруда лучше его держалась над пропастью, вряд ли было ему приятно. Они втроем перекусили и потом, обходя Малый Энгельхорн, пошли к вершине по тропе серн. «Это оказалось совсем просто – но раньше никто этого не делал», – отметила Гертруда.

К семи вечера снова спустились к подножию скал. Было слишком темно, чтобы возвращаться в долину, так что решили заночевать в известной проводникам пастушьей хижине. Для Гертруды это была идиллия, невинный и очаровательный опыт. Шале, приткнувшееся на склоне горы, окружали шумящие водопады. Внутри находились трое молчаливых морщинистых пастухов, делящих пространство с семейством крупных свиней. Горел огонь, пришедших угостили молоком и хлебом такими вкусными, каких Гертруда никогда еще не ела. Потом она залезла на сеновал, завернулась в одеяло и сено и проспала восемь часов, пока ее не разбудило хрюканье свиней. Просто даже не хотелось уходить, пока она смотрела на возвращение стада коз, где-то пасшегося всю ночь. В семь тридцать они с Ульрихом двинулись по горной тропе – Генрих на рассвете исчез – и разговаривали с той близостью, какую создают совместно пережитые опасности. В деревне Интеркирхен Ульрих привел ее к себе домой и представил семидесятилетнему отцу. «Дом совершенно очаровательный, – писала

она, – старое деревянное шале, построенное в 1749 году, с низкими потолками и длинным рядом окон в муслиновых занавесках и горшках герани. И нигде ни пятнышка».

Их посадили есть. Аппетит у Гертруды был невероятный: она поглощала хлеб, сыр, черничное варенье и яйца. Никогда у нее не выдавалось более прекрасных дней в Альпах, писала она Хью и Флоренс. «Как вы думаете, что у нас набралось за две недели? Два старых пика. Семь новых – один первого класса, из прочих четыре очень хороших. Траверс Энгельхорна, тоже новый и первого класса. Не так-то плохо!»

А потом, когда закончились эти две недели, было возвращение в Редкар и осенний дождь, собрание матерей, изложение приключений с иллюстрациями в волшебном фонаре для домохозяек Кларенса.

Гертруда вернулась в Швейцарию в 1902-м, чтобы напомнить Ульриху о его обещании – отвести ее на Финстерархорн. Выяснилось, что ее слава возросла еще больше. К ее большому удовольствию, проводник в поезде спросил, не та ли она мисс Белл, что поднималась в прошлом году на Энгельхорн. Сейчас в гостинице в Розенлау у нее нашлась соперница, причем такая, что обострила ее амбиции. Гертруда писала:

«Здесь есть другая альпинистка, фройляйн Кунтце – альпинистка очень хорошая, но она не слишком мне обрадовалась, поскольку я лишила ее Ульриха Фюрера, с которым она лазила. С ней еще один немец, известный альпинист из Берна, и мы с ними сидели и разговаривали сегодня, когда они пришли... кое-что они на Энгельхорне сделали, но лучшее еще только предстоит».

Этим «лучшим, которое только предстоит» был Финстерархорн. Гертруда так настроилась на его покорение, что первую из «невозможностей», на которые они по решению Ульриха должны были идти вместе, траверс Лаутерархорн – Шрекхорн, восприняла спокойно. Это восхождение наметили первым. 24 июля они поднялись на высокий гребень, когда – с некоторой степенью комизма – столкнулись лицом к лицу с блестящей фройляйн Хеленой Кунтце, которая также собралась поставить на вершине собственный тур и внести свое имя в книгу рекордов. Видимо, между двумя дамами произошла язвительная беседа, в результате которой лавры достались Гертруде. Веселая и злая, она первое восхождение прошла без особой трудности, сама тому удивившись. Согласно «Элпайн Джорнал», это было самое технически важное ее восхождение.

Теперь Гертруда воистину заработала право на попытку подняться на Финстерархорн, самую высокую вершину Оберланда. Первое восхождение туда случилось в 1812-м, но по северо-восточной стене еще никто не поднимался, и именно этот новый и трудный маршрут они с Ульрихом тщательно разрабатывали два года. Эта злонравная и острая как клинок гора возносится над хребтом на 14 022 фута, и ее величественная вершина видна со ста миль. Одинокая, далекая от цивилизации, она печально известна плохой погодой и частыми лавинами. И даже опытные альпинисты уклонялись от той задачи, которую поставили перед собой эта тридцатипятилетняя женщина и ее проводник. Гертруде предстояла самая опасная горная экспедиция за всю карьеру. В последующие двадцать пять лет это будет считаться одной из величайших экспедиций в истории альпинизма.

Для тренировки Гертруда с Фюрерами сходили на Веллхорнский гребень, и единственной проблемой оказался сильный мороз. Потом они с Ульрихом совершили вылазку для проверки состояния скал на Веттерхорне – необычный подход к Финстерархорну, но такой, где, по мысли Ульриха, можно было начать. «Сегодня утром я вышла в 5.30 – ну, Ульрих называет это проверкой подвижности камней. Это значит, что ты идешь вверх и смотришь, не упадет ли на тебя камень. Если нет, то сюда можно идти... Мы прошли под ледопадом, где я проверила подвижность камней коленом... было больно».

Пробуя этот подход, они потеряли двадцать четыре часа и начали снова на следующий день. Прекрасным вечером они рано поднялись в хижину, и Гертруда вышла побродить без

куртки по траве, переворачивая камни, чтобы полюбоваться на кустики бледных фиалок. В 1.35 альпинисты вышли из хижины. Первой целью был сыпучий гребень впереди, восходящий от ледника рядом торчащих жандармов и башен. «Большие выступы не в равновесии и готовы свалиться... они все покрыты свободно лежащими камнями, торчащими, нависающими и готовыми в любой момент упасть». Просовывая руку в трещину, Гертруда сдвинула отколовшийся камень в два квадратных фута. Он свалился сверху, сбил ее, и она поехала вниз по льду, пока не смогла задержаться на маленьком карнизе. «Я встала без веревки – как выяснилось чуть позже, ее и не было: перебирая ее руками, я увидела, что она наполовину перебита в язде от моего пояса».

Теперь, на более короткой веревке, она пробиралась вдоль по гребню, а тот становился все круче, а внизу стали закипать зловещие черные тучи с запада. Вершина гребня все еще была далеко вверху, а вершина горы – еще дальше. Сперва они взялись за дело бодро, но прошел час без особого прогресса, а погода портилась с каждой минутой. Повалил снег, до вершины оставалась еще тысяча футов, а путь сузился до одиночного жандарма со зловещим двадцатифутовым нависанием. Если преодолеть жандарм, то, по мысли Ульриха, можно будет дойти до самой вершины. В любом случае альтернативы не было.

Тем временем ветер крепчал, из долины стал подниматься густой туман. Чтобы добраться до жандарма, требовалось проползти по острому краю седловины. После этого веревку Ульриха привязали к скальному выступу, потом аккуратно спустили на ней Ульриха на наклонную полку под навесом, с которой ему надлежало сделать попытку влезть. Он несколько минут пытался, потом сдался в отчаянии: стенка не только наклонялась наружу, но еще и сыпалась. Тогда они попробовали подняться по дальней стенке башни, где уходил вверх почти вертикальный кулуар блестящего льда. Это тоже оказалось невозможным. И хотя до верха гребня было всего пятьдесят футов, ситуация выглядела отчаянной. Оставалась только одна возможность, и совершенно безрадостная: повернуть обратно по стенке туда, где сейчас бушевала непогода. Ветер нес заряды мелкого снега, и через полчаса спуска туман оказался так густ, что ничего не было видно, кроме каменной стенки прямо перед ними. Гертруда писала: «Я всю оставшуюся жизнь буду помнить каждый дюйм этой скальной стены».

Они успешно миновали вертикальный камин и вышли на узкую полку, круто уходящую вниз. Отсюда по веревке спустились по одному на скалу, потом прокувыркались восемь футов непроходимого иным способом крутого и скользкого снежника. Они привязали веревку в качестве перил, но туман ослеплял, и создавалось ощущение, что они мчатся навстречу смерти. Было почти шесть вечера. Борьба продолжалась до восьми, пока бушевал шторм.

«Мы стояли возле огромного вертикального выступа на самом верху жандарма, как вдруг он затрещал и на секунду занялся голубым пламенем. У меня ледоруб в руке дернулся, и показалось, что сталь нагрелась и жар расчувствовался сквозь перчатку – может такое быть? Не успели мы понять, что происходит, как скала вспыхнула снова... мы покатались вниз по камину, один на другом, засунули головки ледорубов в какую-то осыпь и быстро отошли от них подальше. Не стоит держать в руке личный громоотвод».

В эту ночь они не могли двинуться дальше, и пришлось пережить темноту на середине стенки, где не укрыться от бури. Выбора не оставалось, и альпинисты забились в какую-то щель. Гертруде удалось найти место в самой ее глубине, Ульрих сел ей на ноги, чтобы их согреть, Генрих под ним, и оба засунули ноги в рюкзаки. Все привязались к скале над головой на случай, если кого-то ударит молнией и выбросит из щели. Изменить положение они могли лишь на дюйм-другой, и неудобство вскоре превратилось в пытку. «Золотое правило – ни капли бренди, потому что потом будет еще хуже. Я это знала и настояла на этом». Засыпала Гертруда «довольно часто» и просыпалась от грома и зарниц, восхищенная

вопреки всему силой бури и треском раскалывающегося от молний камня, похожего на треск разгорающихся сырых дров. «Поскольку никаких предосторожностей принять уже было нельзя, я просто наслаждалась величественной картиной шторма, ни о чем не думая... и всеми чудесами и ужасами, что творятся на высотах... Ночь постепенно прояснялась и наконец стала изумительно звездной. Между двумя и тремя ночи взошла луна, тоненький серп». Люди жаждали тепла и солнца, но рассвет принес слепящий туман и режущий ветер со снежными зарядами. Из щели они вылезали замерзшие, онемевшие от холода. Гертруда съела пять имбирных сухарей, две палочки шоколада, ломоть хлеба с раскрошившимся сыром и горстью изюма и теперь выпила столовую ложку бренди. Следующие четыре часа альпинисты дюйм за дюймом вслепую шли вниз, веревки заledenели и скользили, штормовой ветер задувал снежными вихрями. Кулуары превратились в водопады. Стоило только вырубить ступень во льду, и она наполнялась водой. В ситуации крайней опасности Гертруда всегда умела отделить себя от страдания и продолжать делать дело. Эта необычайная способность помогла ей сейчас проявить невероятное мужество. «Когда все плохо так, что хуже не бывает, перестаешь обращать на это внимание. Стискиваешь зубы и борешься с судьбой... Я знаю, что никогда не думала об опасности, кроме одного случая, да и тогда совершенно спокойно».

Этот момент наступил позже, когда они, упав один за другим на одном и том же месте, летели в пропасть и были резко остановлены сокрушающим ребра рывком веревки. Тогда они подумали, что худшее позади, но ошиблись. Рок поджидал их на коротком склоне обледенелой скалы у основания жандарма. По нему трудно было лезть и в незапамятные времена (всего лишь вчера) на пути вверх, а сейчас он был покрыт четырехдюймовым слоем снега, скрывавшим все зацепы и трещины. Рядом бежал водопад воды со снегом. Оба проводника – Ульрих рядом и Генрих ниже – сами едва держались и вряд ли могли бы удержать ее, а до следующего десятифутового отрезка было слишком далеко. «Справились мы кое-как... мне пришлось привязать дополнительную веревку к выступу чуть ниже меня, так что толку от нее практически не было. Но это был единственный возможный план. Эти скалы оказались для меня слишком трудны. Я отдала ледоруб Генриху и сказала ему, что сейчас буду падать».

В этом состоянии крайнего напряжения Гертруда действовала опрометчиво. У Генриха не было времени закрепиться перед тем, как она прыгнула. Они оба упали, связанные веревкой, полетели кувырком по ледяному коридору. Но Ульрих, услышав, что она сейчас упадет, успел воткнуть ледоруб в трещину, повиснуть на нем одной рукой, а другой – удержать этих двоих. Потом он сам не верил, что смог такое сделать. Гертруда писала: «Мы едва спаслись, и мне очень стыдно за свою роль в этом эпизоде. Это был момент, когда я думала, что нам вряд ли спуститься живыми».

Плечи и спину Гертруды сводила мучительная боль, причиняемая, вероятно, разрывом мышц. Все трое дрожали от холода и сырости. День тянулся дальше. В восемь вечера до безопасного места осталось еще перейти несколько трещин и спуститься по сераку. Серак – ледяной барьер у нижней кромки ледника – очень опасен при прохождении, потому что все время сдвигается и ломается под давлением ледовых масс. И никогда не следует проходить его ночью. Но у них было отчаянное положение. Полчаса они пытались разжечь фонарь отсыревшими спичками под прикрытием промокшей юбки Гертруды. Бросив это безнадежное дело, они двинулись на ощупь через угольно-черную темноту, но тут же Генрих свалился в восьмифутовую толщу мягкого снега. «Это был единственный момент отчаяния», – вспоминает Гертруда.

Им предстояла еще одна ночь на открытом леднике, под ледяным дождем. У каждого из мужчин был рюкзак, который можно было использовать в крайности как матрас, и Генрих, благородно и неожиданно, отдал свой Гертруде, а Ульрих сунул ее ноги вместе со своими в свой рюкзак. Она несколько часов провела, думая о Морисе на войне против буров, где он

командовал ротой добровольцев Йоркширского полка. Он писал о том, как ночь за ночью идет проливной дождь, и уверял ее, что ему это ничуть не мешает.

В сером полумраке этого второго рассвета, окостеневшие от холода, они едва могли идти. Кое-как ковляя, они заметили, что достигли безопасного места, что пришло к концу их испытание. Вернувшись в Майринген после пятидесяти семи часов на горе, они застали в гостинице суматоху беспокоящихся за них людей. После горячей ванны и ужина в постели Гертруда проспала двадцать четыре часа. Руки и ступни у нее были обморожены – пальцы на ногах так распухли и заостенели, что ей пришлось отложить возвращение в Лондон до момента, когда снова можно будет надеть туфли. Пальцы рук отошли достаточно быстро, и она смогла написать самое длинное в своей жизни письмо отцу, признав в нем, что прогноз Домнула насчет вероятности ее гибели в Альпах чуть не сбывся.

От ледника до вершины Финстерархорна три тысячи футов. И только последние несколько сотен футов украли у них славу. Пятьдесят три часа на веревке, при самых плохих погодных условиях, когда ветер просто мог сдуть их с горы, в таком холоде, что снег намерзал на людях и на веревке, а по временам в таком тумане, что не видно было, куда ступаешь. И хотя самым важным восхождением Гертруды был траверс Лаутерархорна – Шрекхорна, ее всегда будут помнить по экспедиции на Финстерархорн. Попытка была неудачной, но достославной. А удачное возвращение в таких условиях – выдающееся деяние. «Во всех Альпах мало найдется мест столь крутых и столь высоких. Туда поднимались всего три раза, включая попытку вашей дочери, и ее экспедиция все еще считается одной из величайших в истории Альп, – писал Ульрих Фюрер в письме к Хью. – Честь ее принадлежит мисс Белл. Не будь она так полна мужества и целеустремленности, мы бы пропали».

Через год Гертруда выкроила пару дней в кругосветном путешествии, чтобы полазить в Скалистых горах возле озера Луиз. Там она, к своему приятному удивлению, встретила трех швейцарских гидов из Оберланда, которые беспощадно дразнили ее вопросом: «Как любезной фройляйн понравился Финстерархорн?»

Последнее из ее достойных упоминания восхождений было совершено на Маттерхорн в августе 1904 года с итальянской стороны и опять же в сопровождении Ульриха и Генриха. Пока этот последний гигант не был отмечен ею как пройденный, Гертруда чувствовала, что у нее осталось незаконченное дело в Альпах. Эта гора имеет весьма насыщенную историю. Смертельных случаев на Маттерхорне больше, чем на любом другом альпийском пике. Гертруда читала и перечитывала отчет Эдуарда Уимпера, британского альпиниста, который за тридцать девять лет до того впервые поднялся на Маттерхорн, об ужасающем спуске, в котором четверо из группы поскользнулись и упали, и лишь оборванная веревка спасла Уимпера и двух оставшихся проводников от той же участи. Гибель спутников, несомненно, отравила ему жизнь. «Каждую ночь, поймите, вижу я своих товарищей на Маттерхорне, они скользят на спине, расставив руки, один за другим, по порядку, с одинаковыми интервалами... я вечно буду их видеть».

С чужих слов Гертруда знала эту гору так хорошо, что каждый шаг казался ей знаком. После хмурого рассвета погода прояснилась, и восхождение проходило в комфортных условиях. Возле вершины они вышли на баснословно трудный гребень Тиндалла. Там обычно находят веревочную лестницу, но она порвалась и была частично заменена привязанной веревкой. На прохождение двадцати футов потребовалось два часа. «Я смотрю назад с огромным уважением. На нависающей части надо откидываться на веревке и, вися на ней, коленом нащупывать выступающий камень, с которого можно дотянуться до верхней ступени, – все, что осталось от веревочной лестницы. Вот так это было сделано... и помню, как смотрела и думала, возможно ли это вообще».

Бедному Генриху это оказалось «необычайно трудно». Вершины они достигли в десять утра и спустились на швейцарскую сторону, исходным маршрутом Уимпера, где сейчас

висят веревки недавних восходителей. Гертруда описала этот спуск как «скорее съезжание по перилам, нежели лазание».

Именно Маттерхорн как гора с наиболее узнаваемым профилем запечатлен в мемориальной витрине Гертруды в церкви Восточного Раунтона. Вверху витрины изображена гора напротив виньетки, где Гертруда сидит на верблюде на фоне пальм. Эти два периода ее жизни, естественно, весьма отличались, и ее интересы теперь сосредоточились на археологии и пустыне. Маттерхорн стал последней ее серьезной горой. В 1926 году полковник Е. Л. Стратт, бывший тогда редактором «Элпайн джорнал», писал, что в 1901–1902 годах не было более знаменитой альпинистки, чем Гертруда Белл:

«Все, что она предпринимала в физической или умственной деятельности, исполнялось настолько превосходно, что было бы странно, если бы она не блистала на склонах гор так же, как на охоте или в пустыне. Ее сила, невероятная в таком изящном теле, ее выносливость, а превыше всего – ее мужество были так велики, что до сих пор ее проводник и товарищ Ульрих Фюрер – а более компетентный судья вряд ли найдется – говорит о ней с восхищением, переходящим в обожание. Он несколько лет назад сказал автору этих строк, что из всех любителей, мужчин и женщин, с которыми ему выпадало ходить в горы, он очень мало кого видел, превосходящего ее в технике, и никого равного ей по хладнокровию, храбрости и оценке ситуации».

Глава 6

Путешествия по пустыне

«Мисс Гертруда Белл знает об арабах и Аравии больше, чем практически любой живущий англичанин» – так сказал лорд Кромер, бывший верховный комиссар Египта, в 1915 году, когда шла Первая мировая война и конца ей не было видно, и знаниям Гертруды предстояло стать тем ключом, который разомкнул патовую ситуацию.

Будучи туристом в Иерусалиме в 1900 году, она не могла знать, когда и куда заведет ее это пребывание. Тут было положено начало ее страсти к пустыне. Всему миру по большей части была глубоко безразлична территория, называемая тогда собирательным именем «Аравия», будто бы один народ и одна страна правила всеми необитаемыми пустынями, плодородными долинами и негостеприимными горами, племенными территориями, регионами, имаматами, уделами шейхов и колониями, занимавшими эти 1 293 062 квадратных мили. Более двух процентов территории суши, этот грубо очерченный ромб простирался от реки Иордан возле Восточного Средиземноморья и угла Африканского континента, уходил на юг к Индийскому океану, от Красного моря к Персидскому заливу, на север вдоль границы Персии до русской границы, и с севера его накрывала огромная перемычка Турции.

Эта огромная территория не носила название «Средний Восток»¹⁵ до 1902 года, когда эти слова произнес американский военно-морской теоретик Альфред Тайер Мэхэн. После постройки Суэцкого канала в шестидесятых годах XIX века караванные пути через пустыню, проложенные за тысячелетия, стали с точки зрения Запада ненужными. Как только британские пароходы стали с удобствами достигать Индии еще до эпохи двигателей внутреннего сгорания и нефти, огромные территории перестали интересовать кого бы то ни было за пределами их южных берегов и северных гор, – кроме разве что турецких правителей в далеком Константинополе. Страны, известные сегодня как Сирия, Ливан, Израиль, Палестина, Иордания, Саудовская Аравия и Ирак, были тогда одинаковыми регионами Османской империи.

Несколько сотен лет турки постепенно просачивались в деревни и немногочисленные города вокруг пустынь в сердце Ближнего Востока, потом захватывали там власть. Османская империя систематически и повсеместно заменяла законы шариата на собственный кодекс Наполеона и вводила турецкий язык как язык администрации и обучения. Турки затягивали ведущих арабских деятелей в турецкую сеть, вознаграждая их лояльность, пока наконец не взяли всю Аравию в мягкие тиски. Все это поддерживалось системной коррупцией и тщательным разжиганием вражды между народами. Но, как вскоре выяснила Гертруда, власть Османов сходилась на нет, стоило лишь отойти на несколько миль от цивилизации. Бедуинские шейхи делали что хотели, защищая свои драгоценные колодцы, караванные тропы и редкие пастбища от соседей и соперников. В пустынях законов не было, их можно было перейти, только, как это столь храбро делала Гертруда, вооружившись знанием языка, политики и обычаев бедуинских племен. Вскоре она стала желанным гостем в их шатрах.

Притом что ислам был господствующей религией, а арабы большинством, города Аравии оказались необычайно космополитичными. Немногочисленные евреи, пережившие разрушение своих селений римлянами первого века, продолжали жить торговцами, где это еще было возможно. Греки, египтяне, персы, армяне, ассирийцы – христиане и мусульмане – процветали на караванной торговле между Индией, Европой и Африкой. Они имели свою

---

¹⁵ В России принято название «Ближний Восток».

выгоду с ежегодных исламских паломничеств в Мекку и Медину и служили туркам на должностях низших чиновников.

Самым космополитичным городом из всех был Иерусалим. Постоянно подвергаясь вторжениям после ухода римлян, он стал якобы арабским городом и вошел в Османскую империю в 1840 году. С тех пор он оказался в центре внимания каждой европейской страны, желавшей подтвердить свою религиозную историю. Французы, британцы, немцы, итальянцы и в особенности русские строили церкви, больницы и колледжи. К моменту прибытия Гертруды стала набирать вес и влияние еврейская община, увеличивалось число поселений беженцев. При населении в семьдесят тысяч Иерусалим был осью культур и объектом особого интереса в воротах Аравии.

Карьера Гертруды как путешественника по пустыне началась лишь в тридцать один год, когда она приняла приглашение на Рождество от Нины Розен, старой подруги, ныне жены немецкого консула в Иерусалиме. Консульство было небольшим, и в нем имелось всего три спальни. Одну занимали двое маленьких сыновей Розенов, вторая была отведена сестре Нины Шарлотте. Гертруда поселилась в отеле «Иерусалим», всего в двух минутах ходьбы от консульства, куда она приходила к семье Розен к трапезе и началу экскурсий. 13 декабря она писала домой:

«Мои апартаменты состоят из очень приятной спальни и просторной гостиной, обе выходят в небольшой вестибюль, выводящий, в свою очередь, на веранду, идущую вдоль всего первого этажа двора отеля с садиком. Я плачу 7 франков в день, завтрак включен... горничной у меня служит предупредительный джентльмен в феске, который мне готовит горячую ванну по утрам... «Горячая вода для Королевы готова», – сообщает он. «Войдите и зажгите свечу», – отвечаю я. «Слушаю и повинуюсь», – говорит он. Это значит, пора одеваться».

Въезжать в ближневосточный отель, будь то в Иерусалиме, Дамаске, Бейруте или Хайфе, было счастливым обрядом, почти священным предисловием к колоссальным организационным работам, необходимым в начале пустынных экспедиций Гертруды. В тот конкретный момент она хотела только купить лошадь и начать новый курс арабского, но эти начальные приготовления установили порядок, который никогда не менялся. Она всегда бронировала себе две комнаты с верандой или хорошим видом и одну из них превращала в рабочее место по подготовке предстоящей кампании, оговаривала два кресла и два стола, а всю ненужную мебель просила убрать. Распаковав карты и книги, Гертруда оставляла следы сигаретного пепла по всей комнате, прибивая картины небольшим молотком и гвоздями, которые привозила для этой цели. «Я все утро распаковывалась и выбрасывала из гостиной кровать и прочее; сейчас тут более чем уютно: два кресла, большой письменный стол, квадратный столик для книг, огромная карта Палестины Киперта...¹⁶ и семейные фотографии на стенах. Печечка в углу, и в ней горят поленья, что весьма приемлемо».

В этот первый раз Гертруда сразу нашла учителя и установила себе шесть уроков арабского в неделю. Остальное время до Рождества она в основном ездила верхом и развлекалась вместе с Розенами и их детьми – например, разрисовывали каштаны золотом, чтобы украсить рождественскую елку. В канун Рождества все ездили на высокую мессу во францисканской церкви в Вифлееме, потом ходили со свечами в процессии в Грот Рождества.

Гертруда уже говорила по-французски и по-итальянски, персидский знала не хуже немецкого и слегка понимала иврит. Ей легко дался турецкий, но это был единственный язык, который она не закрепила. Арабский оказался куда труднее, чем она рассчитывала. Но медленность освоения самого трудного из языков ей не помешала и дальше читать на иврите

¹⁶ Гравер Генрих Киперт из Веймара был весьма известен в середине XIX века своими точными картами.

стихи из Книги Бытия перед ужином – для легкого развлечения. Первые две недели уроков арабского поставили ее на грань отчаяния:

«Могу сказать теперь, что вряд ли я вообще заговорю по-арабски... страшный язык. В нем как минимум три звука, почти невозможные для европейской гортани. Худший из них – это «Х» с сильнейшим придыханием. Мне удастся его произнести, лишь прижимая язык пальцем, но ведь нельзя же вести разговор, засунув палец в горло? Отмечу только, что есть пять слов, означающих стену, и 36 способов образования множественного числа».

Гертруда испробовала несколько лошадей, пока не остановилась на небольшом и энергичном арабском жеребце. Заплатила она за него 18 фунтов стерлингов и надеялась продать его за ту же цену при отъезде. Домой она писала: «Очаровательный конек, гнедой, очень хорошей породы, с прекрасными движениями, вполне зрелищный, но легкий и сильный и во всех отношениях восхитительный. Не могла бы ты сказать Хизу, чтобы прислал мне широкую фетровую шляпу от солнца? Не двойную, а обычную тераи¹⁷ и с широкими полями для верховой езды, и вокруг – черную бархатную ленту с прямыми бантами».

Ее восхищало все, что видела она в Иерусалиме и вокруг. Спустившись верхом к Иордану, потом к Мертвому морю («очень липкое!»), ко Гробу Богородицы («закрото!»), она все сильнее чувствовала, как ограничивает ее посадка дамского седла. Среди самой различной местной одежды ее наряд выглядел неуклюжим и стесняющим. При одобрении Фридриха и Нины она стала ездить верхом. Попробовала мужское седло, и ей так понравилось, что она купила себе такое же. Когда сестры из ближайшего монастыря подарили ей раздвоенную юбку для верховой езды, первую из многих, чувство свободы стало полным. Уйдя с обжитых туристами дорог, забитых караванами и каретами Томаса Кука, Гертруда скакала куда хотела, поднимая тучи пыли, перепрыгивала каменные стены, вопя от радости, одной рукой придерживая недавно прибывшую тераи с бархатной лентой:

«Главное удобство этого путешествия – мужское седло, и для меня удобно, и для коня. Никогда, никогда не буду я больше ездить иначе, я даже не знала, как на самом деле легко ездить на лошади. Не следует думать, однако, что у меня нет самой элегантной и достойной раздвоенной юбки, но так как здесь все мужчины тоже носят что-то вроде юбок, меня это среди них не отличает. Пока я не заговорю, люди меня принимают за мужчину и называют эфенди!»¹⁸

Странствуя по горам и долинам, она спешила собирать гиацинты, офрисы пчелосные или цикламены, иногда прищуриваясь на далеких отшельников, входящих высоко наверху в свои пещеры и втягивающих за собой веревочные лестницы. Это была ожившая Библия: каждый раз, чтобы купить масла или хлеба, Гертруда проходила мимо дворца Ирода или купели Вифезда. Она стала брать с собой всюду фотоаппарат и снимать изящно одетых женщин на улицах. Она видела массовое крещение поющих русских паломников и отметила, что монахам вроде бы доставляло удовольствие держать их под водой, пока те не начинали вырываться, стараясь вдохнуть. На окраинах Иерусалима Гертруда останавливалась взглянуть на лагерь черных бедуинских шатров, появившихся как-то вечером из пустыни и бесследно исчезнувших на следующий день.

Эту идиллию прервала телеграмма, а затем письма из Ред-Барнс. Умерла тетя Ада, которая помогала растить Гертруду и Мориса после смерти их матери и до женитьбы Хью. Отец страдал от болезненных проявлений ревматизма, а Морис готовился отбыть на войну с бурами. Ее беспокойство о них двоих часто сквозит в ее корреспонденции: Гертруда «очень встревожена» по поводу своего брата – для нее «ужасным ударом» стало то, что он отпра-

¹⁷ Тераи – фетровая шляпа с широкими полями, часто с двойной тульей, ее носили белые в субтропиках (Тераи – название пояса болотистых джунглей между подножием Гималаев и равнинами).

¹⁸ Турецкое почтительное обращение к правительственным чиновникам и людям ученых профессий, обязательно – мужчинам.

вился в Южную Африку. «Уехала в плохом настроении... очень несчастная», – пишет она в своем дневнике.

Был март 1900 года. Несмотря на плохую погоду, Гертруда решила организовать десятидневную экспедицию в Моавитские горы, проехав семьдесят миль по восточному берегу Мертвого моря. Это было ее первое путешествие с собственным караваном и командой из трех человек – повар и пара погонщиков мулов, – из которых никто ни слова не знал по-английски. По дороге намечалось взять проводника – возможно, турецкого солдата, едущего из гарнизона в гарнизон.

Добравшись до Иорданской долины, Гертруда увидела, что стоит по пояс в диких цветах. В первом из многих писем домой с пометкой «Из моего шатра» она описывала развернувшийся перед ней пейзаж:

«Поля и поля, самых разных исключительных расцветок – лиловые, белые, желтые, ярчайше-синие и просторы алых лютиков. Девять десятых из них я не знаю, но есть желтые ромашки, ароматные розовато-лиловые дикие цветы, какие-то огромные великолепные темно-лиловые луковичные, белый чеснок и лиловая мальва, а выше – крошечные синие ирисы и красные анемоны и что-то рассветно-розовое вроде льна».

Дальше тянулись светлые широкие полосы хлебов, посеянных бедуинами, когда они здесь проходили – на обратном пути будет жатва. Уже сносно разговаривая по-арабски, Гертруда в основном говорила с Мухаммадом, красавцем другом, погонщиком мулов. Он ел только рис, хлеб и фиги. Ей он нравился, и нравилось все, что он рассказывал о родине своего племени. Гертруда решила, что когда-нибудь съездит в Джебел-Друз на юго-западе Сирии посмотреть на его соплеменников. Покупая йогурт у какой-то семьи племени ганимат, она остановилась для попытки разговора с женщинами и детьми, заметив с удивлением, что они едят траву «как козы». «Женщины с открытыми лицами. У них синие хлопчатобумажные платья шести ярдов длиной, они подбираются и заматываются вокруг головы и талии, спадая до ног. Лица от рта вниз татуированы индиго, а волосы висят двумя длинными косами по обе стороны... уметь говорить по-арабски – это не шутка!»

Возле форта крестоносцев Керак, где Гертруда должна была повернуть назад в Иерусалим, она передумала и добавила к своей поездке еще восемь дней и направилась к набатейским руинам, к Петре. Ей хотелось увидеть знаменитую «сокровищницу», точеный двухэтажный фасад, вырезанный в розовом песчанике, подход через узкую расселину. Когда турецкий чиновник поинтересовался ее караваном и целью поездки, до нее дошло, что надо было запастись разрешением. Прикинувшись немкой – «потому что англичан они страшатся отчаянно», – она попросила отвести себя к местному губернатору, от которого и получила разрешение ехать на юг и солдата в проводники. Сообщая в письме к родителям, что она удвоила намечаемый срок поездки, Гертруда добавила, что обязательно запросила бы у них по телеграфу разрешение на это, если бы была такая возможность. Не в последний раз она притворялась, что следует английскому кодексу поведения, поступая при этом по своему разумению.

В сопровождении проводника небольшой отряд двинулся сквозь группы аистов, саранчу из небольшой тучки и вскоре оказался рядом с лагерем бени-сахр, воинственного племени, которое последним признало турецкое правление. Пока Гертруда была невежественна в законах пустыни и не знала, что, когда бы ты ни приехала в кочевой лагерь, нужно немедленно нанести визит вежливости шейху в его шатре. А так как ее еще сопровождал турецкий солдат вместо платного местного проводника, вскоре она нарвалась на неприятности. К каравану дважды подъезжали несколько воинов бени-сахр, вооруженных до зубов. Появляясь из ниоткуда, они вдруг возникали с двух сторон и отъезжали, только когда к Гертруде присоединялся следовавший сзади турок. Но запугать Гертруду не удавалось: «Не думаю, что когда-нибудь у меня был такой чудесный день».

Вскоре на дороге в Мекку – путь ежегодного хаджа – она обнаружила, что это даже и не дорога. Занимая одну восьмую мили в ширину, она состояла из сотен параллельных троп, пробитых огромными караванами паломников на пути туда и обратно. Двигаясь по ней, Гертруда постигала азбуку путешествий по пустыне. В картах оказалось полно ошибок и зачастую уменьшены расстояния. Вода у нее была, но вскоре кончились ячмень, уголь и вся провизия, кроме риса, хлеба и небольшого горшка мяса. Они остановились в деревне, где надеялись купить ягненка, в крайнем случае курицу, но не вышло. «Как живут люди в вади Муса, не могу себе представить, – удивлялась в письме Гертруда. – У них даже молока нет».

Когда экспедиция дошла до Петры, восторгу перед волшебной красотой коринфского фасада и амфитеатра стало мешать чувство голода. «Чарующий фасад... исключительно тонкие пропорции... гробницы изукрашены до последней степени... но время их не пощадило, погода выветрила камень, покрывая его неповторимыми узорами... ох, если бы того ягненка!»

Вернувшись позже в свой шатер возле вади Муса, Гертруда обнаружила на земле «на удивление много длинных черных слизняков», но тем не менее спала хорошо. От Петры она свернула снова на север к Мертвому морю и в этот вечер поставила шатер возле цыганского табора. С цыганами она поделила их ужин из творога, который ели пальцами, и чашки кофе, передаваемой по кругу. Наступила темнота, взошел месяц, и началась музыка. Гертруда писала Хью:

«...Мигал костер из колючих веток, угасал и разгорался снова, высвечивая круг сидящих мужчин, черные и белые их плащи заворачивались вокруг них, и женщина танцевала в середине. Она будто сошла с египетской фрески. Длинное красное платье, завязанное вокруг талии темно-синей материей и распаивающееся внизу, открывающее еще более красную нижнюю юбку. Вокруг головы другая темно-синяя лента, туго завязана, концы спадают на спину, подбородок укрыт белой материей, охватывающей уши и падающей складками до талии, а на нижней губе – индиговая татуировка! Ноги в красных кожаных туфлях едва движутся, но все тело танцует, и красный платок в руке летает вокруг головы, и руки всплескивают перед бесстрастным лицом. Мужчины играют на барабанах и диссонирующих дудках и поют монотонную песню, хлопая в ладоши, а она постепенно приближается и приближается ко мне, извиваясь изящным телом, и наконец опускается на колени на кучу хвороста возле моих ног, тело все танцует, а руки покачиваются и вертятся вокруг маскоподобного лица... Дорогой мой отец, как это было прекрасно! Мне только мешало чувство, что это намного лучше, чем я заслуживаю».

Погода вдруг переменилась, стало отчаянно жарко. Лицо у Гертруды горело, и когда она въехала обратно в долину, оказалось, что прекрасные цветы, замеченные на пути туда, засохли и превратились в сено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.